

Спасая боевых друзей,
он выбросил
гранату из окна

России необходима
концепция
противоинстанческой
борьбы

Внутренние войска —
это способ самообороны общества
от преступности

НА

ЮЕННАЯ
РАЗВЕДКА

2'2000

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

БОЕВОМ ПОСТУ

ЗДЕСЬ ГОТОВЯТ МЛАДШИХ КОМАНДИРОВ

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

В учебном полку, которым командует подполковник Сергей ЕРЕМИН, состоялся очередной набор курсантов. Здесь готовят командиров отделений для специальных моторизованных воинских частей и частей оперативного назначения, а также водителей БТРов. Для солдат осеннего призыва 1999 года, которым довелось попасть в учебные подразделения, этот воинский коллектив станет настоящей школой боевого мастерства.

Назначен новый главнокомандующий внутренними войсками

25 января состоялось представление генералам и офицерам Главного командования внутренних войск генерал-полковника Вячеслава Тихомирова, назначенного на должность заместителя министра внутренних дел РФ — главнокомандующего внутренними войсками МВД России.

Вячеслав Тихомиров родился 9 марта 1945 года в г. Мичуринске Тамбовской области. Окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище. В 1967 году получил рас-

пределение в Группу советских войск в Германии, где командовал взводом и ротой. В 1973 году направлен в распоряжение командующего Одесским военным округом. Ступени командира полка и командира дивизии прошел в Забайкалье. В 1988 году принял командование танковой дивизией Московского военного округа. Оперативное и стратегическое искусство изучал в Военной академии им. М.В. Фрунзе и Академии Генерального штаба. В течение трех лет руководил штабом 14-й общевойсковой армии, дислоцированной в Приднестровье. В 1995-1997 гг. находился в должности заместителя командующего СКВО по боевой подготовке и возглавлял Объединенную группировку войск в Чеченской республике.

Во внутренние войска генерал-полковник Вячеслав Тихомиров пришел с должности командующего войсками Уральского военного округа.

Министр внутренних дел Владимир Рушайло, который представлял нового главнокомандующего, подчеркнул, что новое назначение — «решение не одного дня и вызвано необходимостью скоординировать действия Министерства обороны и МВД».

Прощаясь с подчиненными, прежний главнокомандующий генерал-полковник Вячеслав Овчинников охарактеризовал своего преемника как боевого, мужественного и грамотного генерала. В свою очередь, генерал-полковник Вячеслав Тихомиров оценил свое новое назначение как «серьезный шаг в служебной деятельности».

Альберт ИСТОМИН

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

В самый ожесточенный момент сражения, когда противник перешел в контратаку, рядовой Д.Перминов увидел упавшую в окоп гранату Ф-1. Здесь же находились другие разведчики. Не раздумывая Дмитрий выбросил ее из окопа. Взрыв прогремел слишком рано. Рядовой Перминов получил тяжелые ранения, но спас боевых друзей...

Я вернулся...

Лицо Дмитрия Перминова мне запомнилось из короткого эпизода, показанного по ТВ. Снимали в ростовском госпитале. Раненый воин, не сдерживая слез, рассказывал о своих погибших товарищах. Потом этот эпизод показывали еще много раз. По-моему, ничего похожего наши телезрители еще не видели. Впервые мы узнавали о войне в Чечне через нервы и эмоции бойца.

Мы встретились с Дмит-

рием, когда его здоровье шло на поправку, когда он уже мог рассказывать, внешне не выдавая своих чувств. Только внешне. За его словами по-прежнему стояла невыразимая боль от утраты товарищей.

Что, сильно изменился? Война со мной в догонялки играет. Когда с Дагестана привезли, так санитаров, которые меня на носилках таскали, жалко было. А теперь я здорово похудел. Многие, кто запомнили

меня по интервью на ТВ, потом не верили, что это я. Вроде питание — выше крыши, физические нагрузки почти нулевые, лежишь в палате, в тепле и уюте, а воспо-

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

минания иногда так душу изматывают, что никаких сил не остается. Хорошо, передо мной зеркала нет, а то разбил бы...

Вообще-то, интервью толком не получилось. Я ж тогда, по сути, ничего и не сказал. Только душа кричала. Все было как в тумане. Тело здесь, а сознание — еще там, на той проклятой высоте, еще летает над окопами, полными крови... Я видеокамеру даже не помню. Слезы сами собой лились. Обидно было, что время вспять не вернешь, ничего не исправишь. И пацаны уже в другом мире, а я здесь. Будто наши судьбы собрались на совет и решили, кому погибать, а кому жить. Меня оставили. Поверишь, чувство одиночества первое время просто душило.

Ты спрашиваешь, были ли мы готовы к войне?.. А разве к ней можно быть готовым? Вот если бы меня убили, а потом бы я воскрес, то стал бы первым человеком на земле, готовым к войне... Сознание не воспринимает смерть. Накануне командиры сказали: завтра будем брать высоту. Будем так будем. Это, знаешь,

вроде как спортивная команда перед ответственными соревнованиями. Все здоровые, все смелые, все готовы друг за друга и в огонь, и в воду. Мы знали, что там мощная рубка идет, что много раненых, но лично я к своей жизни никаких грустных перспектив не примерял. Было ощущение силы и надежности. Ведь эта земля — Россия. А это наша боевая техника с уральских заводов. А это наши командиры, они учились боевому искусству. А это мои товарищи, могу заверить — крутые парни. А вот я сам, рядовой Дмитрий Перминов, сын своих родителей, из крепкой рабочей семьи. А вокруг суетятся телевизионщики, корреспонденты, все норовят сфотографировать тебя так, чтобы на супермена смахивал: а ну, автомат возьми на изготовку, а ну-ка, лицо мужественнее... еще помужественнее... Смешно! Ну что могло случиться со мной?.. Понимаешь, о чем я? Было ощущение ка-кого-то со-

бытия государственного масштаба, уверенности в своих силах и товарищах.

Нет, ты меня неправильно понял. Никуда это не ушло. Не надо смотреть на солдатские слезы, как на сломленную волю. Просто война сквозь любой бронезилет до души достанет. Опутает, сдавит, начнет рвать своими когтями. Это с каждым происходит. И я ее прочувствовал сразу и до конца, когда командира взвода Михаила Солодовникова ранило. Тяжело ранило — в голову и руку. Мы его выносили, я смотрел на его страшные раны, на эти следы смерти, и чувствовал, как война проникает в меня. От пули уберешься, от гранаты, а от этого холодного прикосновения — никогда.

Скажу тебе, страшная это штука, война. Был бы сиротой со сломленной судьбой... А как пред-

(Окончание на с. 6)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 2 ♦ 2000

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ – МВД России

ИЗДАТЕЛЬ – Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,
Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обрабатывать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

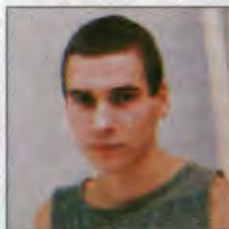
За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений –
рекламодатели, за качество печати –
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

А. ДЫШЕВ

Я вернулся..... 2

Скажу тебе, страшная это штука, война. Был бы сиротой со сломленной судьбой... А как представишь, сколько за твоей спиной родных и любимых. Я понял одну истину: чем больше вокруг тебя людей, которых ты любишь и которые тебя любят, тем страшнее для тебя война...

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Ю. ЧЕРКАСОВ, И. СТРЕЛКОВ

Героическая трагедия 15-го отряда 8

Закрепившись на гребне, армавирцы должны были обеспечить огневую поддержку наступающим батальонам ВДВ и взаимодействующим с ними подразделениям калачевской бригады, зеленокумского и нефтекумского полков внутренних войск.

Ю. КИСЛЫЙ

Бандитам мало не казалось 13

Ночью полковые разведчики засекли автоколонну "чехов". Машины шли в нашу сторону с погашенными фарами, поэтому не возникало сомнений относительно намерений "соседей".

Б. КАРПОВ

Декабри в Гудермесе 17

Ровно четыре года назад, в декабре 95-го, довелось быть здесь, когда бригада оперативного назначения из Северо-Западного округа внутренних войск и другие части вели кровавые бои с отрядами небезызвестного "бандита с пластмассовой головой" Салмана Радуева.

Г. ШАХОВ, О. АЛТУХОВ

Хроника боевых действий на Северном Кавказе 22

ПАМЯТЬ

А. МИШЕНЬКИН

Он собрал нас снова вместе 24

Фоторепортаж с соревнований по рукопашному бою на приз имени Анатолия Ягодина

СЛУЖБА

Н. КАЗАКОВ

Что посеешь, то и пожнешь... 26

Первый помощник командира, безусловно, сержант. Но, перефразируя некогда популярную песенку, можно сказать: "Сержант не растет в огороде". Сержанта готовить надо. Обучить. Воспитать.

И. ВОРОБЬЕВ, В. КИСЕЛЕВ Борьба с повстанчеством в России.	30
--	----

ЮБИЛЕИ

В. БАЛЯЗИН Александр Васильевич Суворов	35
---	----

С. ПЕТРАКОВ Войска НКВД на защите Москвы.	41
--	----

Операция вермахта, целью которой являлся захват Москвы, имела кодовое наименование "Тайфун". Однако фашистские стратеги просчитались — их тайфун разбил-ся о стойкую оборону советских войск.

РЕТРОСПЕКТИВА

С. ЧИНЁННЫЙ Унтер-офицер — начальствующий нижний чин	45
---	----

Унтер-офицерский корпус рекрутировался из солдат-контрактников, изъявивших желание по истечении срока срочной службы остаться в армии по найму.

ЛИТЕРАТУРА

В. РОСИН В тех давних тридцатых	50
---	----

— Мы находимся во вражеском окружении. Империалистические разведки засылают в Советский Союз свою агентуру. Вышколенную, хорошо подготовленную. Имеется немало недругов и внутри страны. Все активнее и изощреннее орудут троцкисты, зиновьевцы и их охвостье.

Е. АРТЮХОВ На дороге столбовой (стихи)	71
--	----

КАЛЕЙДОСКОП

Евг. БУТОРИНА Аркадий Вайнер: «Эра милосердия наступит не скоро»	73
---	----

Я был дежурным следователем, когда прозвучал вызов на Сретенку, где в квартире обнаружили труп старика. В стене убогого жилища наш эксперт нашел клад: деньги, валюта, драгоценности.

А. ИВАНОВ Яблоко раздора.	78
Шахматный клуб	79
Кроссворд	80

Врио главного редактора
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., ГЕРАЩЕНКО В.П.
(зам. главного редактора —
ответственный секретарь),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАМШЕКИН Н.В.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ В.И.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
ПЕТРОВ А.А., СЫСОЕВ Н.Г.,
ТОНКОНОГОВ В.П., ФАТЕЕВ К.К.,
ШАРАПОВ Н.С., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление

КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

БАРАНОВА В.А.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки фото
В.НИКОЛАЙЧУКА

Благодарим
Государственный комитет РФ
по молодежной политике
за содействие в подготовке
иллюстраций этого номера.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-
методических материалов
"Войсковой вестник"

При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2000

Сдано в набор 9.01.2000 г.
Подписано к печати 27.01.2000 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.

Тираж 2750

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 26.

Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена "Знак Почета" типография
"Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

(Окончание. Начало на с. 3)

ставишь, сколько за твоей спиной родных и любимых. Я понял одну истину: чем больше вокруг тебя людей, которых ты любишь и которые тебя любят, тем страшнее для тебя война... Вот нас было семеро. Со всех сторон били так, что головы не поднять. И снайпер лупил, и «пэкашник» работал. Прижимаешься щекой к выгоревшей траве и думаешь, когда пуля оборвет твою жизнь и наступит темнота. Но ужаснее всего представить, сколько боли еще предстоит пережить твоим родным. Хочется прощения просить у мамы за то, что лежишь и сделать ничего не можешь... А вокруг вопли: «Аллах акбар! Аллах акбар!» И с каждой минутой «чехи» все ближе и ближе, и орут все о своем, о величии Аллаха и бессмертии своей

души. Будто мы с пацанами это оспаривать собираемся... И лежим мы в этом окопе, словно на последнем уцелевшем во всей Вселенной пятячке земли. Это наша земля, моя земля, это Россия. Ее хотят изнасиловать какие-то твари. Кто, кроме меня, защитит ее?.. Леха Комаров поворачивается ко мне, а у него глаза нет, под бровью черный комочек крови. Что у меня, говорит, с глазом случилось, не вижу ни хрена... Андрюху Каляпина в голову ранило. Он и Андрей Семеняков позже, уже в госпитале, умерли...

Прости, трудно говорить... Я, когда на свою руку... точнее, на то, что от нее осталось, взглянул, жить расхотел. Так и хотелось крикнуть: а пропади оно все пропадом! Обвязаться гранатами и как камикадзе... Как там в песне? Гулять — так гулять, стрелять — так стрелять... Не привык долж-

ником оставаться, за пацанов очень отомстить хотелось. Но одно дело хотеть, а другое — мочь. Уже в Ростове, в госпитале, я стал думать о встрече с мамой, ее Надеждой Федоровной зовут, и эти мысли вытеснили все остальное.

Нет, ничего она не знала. У нее давление сразу подскакивает, если волнуется, потому я старался без подробностей. Про Дагестан, естественно, не писал. Я, как призвался, службу начал в Калаче-на-Дону. А это в восьмидесяти километрах от Волгограда. Места рыбаков и туристов! Вот я маме так и писал, что служу в Калаче. Она мне ответы в часть присылала, оттуда их переправляли в Дагестан. А как попал в ростовский госпиталь, пришлось раскрыться. Честно говоря, я вообще хотел полностью вылечиться и уже с протезом и цветами завалиться домой. Не получилось. Из госпиталя позвонил... Представляешь, трубку между

плечом и подбородком зажал, а пальцы на уцелевшей руке не слушаются, к горлу слезы подкатывают. Обрубком своим глаза тру, губы кусаю. Представил и нашу комнату, и как звонит телефон и мама, хватаясь за сердце, бежит к аппарату... Но вроде взял себя в руки, откашлялся, набрал в грудь воздуха... Погоди, сейчас. Опять что-то накатило.

Знаешь, я не артист, не могу притворяться. Говоришь, хорошее качество? А вот тогда я подумал, что на такой случай хорошо бы уметь играть разные роли и интонацией голоса владеть. Ну не знаю я, не знаю, как можно спокойным голосом сказать матери: «Не волнуйся, дорогая, я лежу в госпитале, и все у меня хорошо, правда, руку оторвало и вообще весь я осколками изрешечен».

Уже точно не скажу, что я там ей говорил. Но знаю, что с той минуты в наш дом в Омске вошла война. Странно, да? Всюду нормальная жизнь, народ в транспорте толпится, газеты читает, правительство ругает, и вдруг в этой толпе появляется женщина, которая вся насквозь пронизана войной. Она живет как бы в другом измерении. У людей осталась прежняя система мер: получка, пенсия, цена на молоко и бензин. А у моей мамы в одну секунду все изменилось. Весь смысл ее жизни ограничился несколькими понятиями: сын, его здоровье, его будущее... Раньше я был пацан пацаном, немного авантюристом, немного хулиганом. А сейчас все чаще задумываюсь: а каким я буду отцом?.. Ты смеешься?

Я себя почувствовал частью жизни. Жизни вообще. Она мне представляется рекой. Где-то далеко, выше по течению, мои прапрадеды. Где-то ниже — мои дети и внуки. А я где-то здесь... Нет четких границ. Мама и отец в моем сердце, а я — в их. И без меня

этой реки быть не может. И когда я себе это все представляю, мне становится намного легче.

Что это я только о себе да о себе... Мне рассказывали, в реанимации девушка лежит. Роза Гаврилова, двадцать пять лет, замужем еще не была. Так у нее взрывные ожоги второй и третьей степени. Ей повязки меняют под общим наркозом. У меня в голове это не укладывается. Нам, мужикам, Богом определено защищать свою землю, свой дом и близких. А им — рожать детей, беречь очаг. За что судьба обошлась с ней так жестоко? А по специальности она санинструктор. Парням раны пересвязывала, ее иначе как «сестричка» никто не называл. Как же ей должно быть больно...

Какой Герой? Ах ты опять обо мне?.. Знаешь, я до сих пор в это не верю. Ко мне вот недавно пришли и сказали: «Президент подписал Указ о присвоении тебе, Перминов, звания Героя России». Я сначала подумал: может, спутали меня с кем-нибудь? Ловлю себя на том, что смотрю на свои руки и ноги в бинтах как бы со стороны, оцениваю: вот это лежит Герой России... М-да! Поверить трудно. Герой России — словосочетание какое-то официальное, слишком пафосное, что ли? Я привык, что Герой — это либо памятник, либо нечто недостижимое, космическое... А если уж меня решили наградить, то героями надо назвать всех парней, что в Чечне воюют. И девчонку, о которой я тебе рассказывал. И врачей, которые нас по кусочкам собирают... Что, фотографироваться? Да я ж говорю, что на героя не похож, лицо у меня не фотогеничное, да и небрит к тому же...

А если по совести, то герои — наши мамы. Мы с тобой мужики, нам не дано понять, сколько они выстрадали за все годы. Ты напи-

ши о них, пожалуйста. Вот к Игорю Калужному мама из Мордовии приехала, Валентина Ивановна. С утра до вечера у его койки. Ее жизнь теперь здесь. Зато как Игорек изменился! Он пока ходить не может, но оптимизм через край хлещет. Мне кажется, рядом с мамой он чувствует себя немного ребенком, но для раненого бойца ничего лучше не придумаешь. Где мама — там дом, там защита, там спокойствие. Наверное, он с приездом мамы стал засыпать с улыбкой.

А можно тебе вопрос? Можешь представить себя на моем месте? Вот тебе всего двадцать, впереди вся жизнь, а судьба уже так потрепала... Что, страшно? Я стал замечать, что боюсь взглядов. Глаза чужого человека иногда полхлеще зеркала будут. Смотришь в них и видишь себя в его представлении. Когда жалеют — это ужасно. Мысли дурные в голову лезут: неужели все так плохо? Так что давай чуть повеселей. Я люблю посмеяться и над собой тоже смеюсь. До слез...

А мечтаю я о многом. Например, я — генерал, командующий армией... Догадываешься, что бы я сделал? Нет, месь тут вовсе ни при чем. Я русский человек, и у нас такого обычая нет. Хочется одного — довести дело до конца, поставить на террористах точку, большую, жирную точку! Чтобы жертвы, которые мы принесли на алтарь, не были напрасны. Только и всего — чтобы пришла победа, за которую мои друзья заплатили жизнью.

Что-то я опять на пафос перехожу. А ты, журналист, знаешь, как об этом сказать другими словами?

Записал Андрей ДЫШЕВ

Фото Анатолия НОСЕНКО
и Василия ПРОХАНОВА

Опыт, оплаченный кровью

**Как они погибли — не спрашивай!
Нет слез, чтоб такое выплакать!**

Марианна ЗАХАРОВА

ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ 15-го ОТРЯДА

Операция федеральных войск против чеченских бандформирований вступила в решающую стадию. Освободив до восьмидесяти процентов территории мятежной республики, военные сосредоточили усилия на уничтожении основных очагов сопротивления противника. И, как свидетельствуют фронтовые события, полны решимости довести свое правое дело до победного конца. Вместе с тем нынешняя ситуация в зоне активных боевых действий требует в полный голос сказать о том, что для развития достигнутого успеха необходимо провести серьезную работу над тактическими ошибками, увязав ее с горькими уроками первой чеченской кампании и контртеррористической операции в Дагестане.

Когда бередят душу мысли о причинах неоправданных потерь в рядах Объединенной группировки, на память невольно приходит одна трагическая история, рассказанная офицерами армавирского отряда спецназа накануне второго похода в Чечню...

Хотя давно стусились сумерки, в палатках "спецов" было тихо и малолюдно. По распорядку дня — личное время, в этот час жизнь что в казармах, что в походных шатрах обычно бьет ключом. Только не здесь, в расползённой армавирцев. Солдаты и офицеры тяжело переживали

гибель боевых товарищей, мучительно искали ответы на вопросы: "Почему блестяще начатая спецоперация завершилась бесславно отступлением и привела к огромным потерям? Кто в этом виноват?"

В одном наши собеседники были убеждены: в той невероятной трудной ситуации группы отряда

сделали все, что могли. А может быть, и больше.

Давайте же послушаем их рассказ. И призадумаемся...

9 сентября отряд получил задачу скрытно пройти через позиции боевиков и занять господствующую высоту 715.3 с ретранслятором. Эта задача имела исключительно важное значение в реализации замысла спецоперации. Закрепившись на гребне, армавирцы должны были обеспечить огневую поддержку наступающим батальонам ВДВ и взаимодействующим с ними подразделениям калачевской бригады, зеленокумского и нефтекумского полков внутренних войск.

Сил для дерзкого прорыва в логово врага было достаточно: четыре группы плюс разведзвезд. Хотя отряд сформирован недавно, подготовка личного состава —

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

на уровне. Боевое слаживание проводилось в Курском районе, на границе с Чечней, тревожные будни экзаменовали там по самым строгим меркам. Командир отряда майор Юрий Яковлев* человек бывалый и опытный, ранее возглавлял ГСН "Беркут" владикавказской оперативной дивизии. Офицеры и прапорщики, составившие боевое ядро армавирского спецназа, тоже понюхали порошу в стреляющем регионе.

При таком раскладе можно с верой в успех идти на любое сложное задание. И когда прозвучал приказ, никто из солдат не дрогнул. Хотя, чего там скрывать, готовились к штурму вражеского опорного пункта с тягостным настроением. В исходном районе отряд понес потери... от своей авиации. Роковая случайность: позицию спецназовцев по ошибке обработал Ми-24. В считанные секунды один боец был убит, еще семеро получили ранения.

* Некоторые фамилии изменены

Психологический напряг от прежитого шока усугублялся сильной усталостью. В первые дни боев отряд охранял важные объекты в Хасавюрте, затем был перебросен к Новолакскому — там, зарываясь в землю, солдаты без роздыху махали лопатами. Трое суток, проведенных в караулах, на броне и в окопах, легли на бойцов и офицеров тяжким грузом.

Тем не менее, собрав волю в кулак, армавирицы сумели успешно завершить первый этап спецоперации. Под покровом ночи, незаметно миновав позиции "духов" с их дежурными огневыми средствами, без единого выстрела прошли шесть километров по территории, занятой противником, и на рассвете стремительным броском овладели опорным пунктом бандитов у ретранслятора. Решительные действия спецназа спутали все карты боевиков. Полевые командиры были уверены, что вэвэшники, накапливающие силы, не отважатся на дерзкую ночную вылазку. И когда загово-

рила войсковая артиллерия, отвели своих моджахедов в укрытия, не оставили на позициях даже наблюдателей. Лишь в семь часов, продрвав глаза, обнаружили: господствующая высота — под контролем федералов. К этому времени спецназовцы успели организовать круговую оборону и условным сигналом доложили командованию о выполнении ближайшей задачи.

Полагая, что на холме закрепилась горстка разведчиков, бандиты поперли в атаку с фронта. Штыков тридцать насчитывалось в штурмующей ватаге, не больше. Самонадеянно настроились на легкую победу. Да не тут-то было. Бойцы встретили сепаратистов плотным огнем. Через двадцать минут под свинцовым градом захлебнулась вражеская атака. Утащив четыре трупа, боевики откатились в "зеленку". Армавирицам тоже не удалось избежать потерь. В коротком бою погибли замкомвзвода старшина-контрактник Евгений Лихачев и командир третьей ГСН старший лейтенант Сергей Богданченко.

Затишье длилось не долго. Ударив из минометов, СПГ, ручных гранатометов, бандиты заняли выгодный рубеж на удалении 250 метров и предприняли вторую попытку овладеть высотой. Тщетно. Снайперы отряда не давали врагам головы поднять. С потерями "душманы" вновь попятились в лес. И пока "спецы" держали оборону на занимаемых позициях, больше не отваживались в открытую атаковать опорный пункт. Подавали голоса только "кукушки" боевиков, укрывшиеся за деревьями в "зеленке".

Окрыленные успехом (опрокинуть их с наскоку у врагов кишка тонка), армавирицы приготовились к жаркой работе во взаимодействии с подразделениями, наступающими на захваченный разбойниками Новолак. Но за-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

держаться на отвоеванных позициях отряду не пришлось. Дальнейшие события развивались по трагическому сценарию. С вершины холма было видно, как двигавшиеся к высоте роты, не успев развернуться в боевой порядок, попали в огневой мешок. Факелами запылали подбитые машины. Выходя из-под огня наседавших "волков", мотострелки стали занимать оборону...

Дьявольщина, все усилия пошли насмарку! Завязли... Теперь не могло быть и речи о триумфальном завершении столь удачно начатой операции. В восемь часов майор Яковлев получил по радио приказ: "Оставить высоту. Немедленно отходить на соединение с основными силами. По данным разведки, на подкрепление к боевикам из Новолакского спецштаба численностью до 500 головорезов. Захватить опорные пункты противника наступающим войскам пока не удастся".

Легко сказать — отходите, не скрывали эмоций офи-

церы. Окрестности кишмя кишат боевиками. "Чехи" вне себя от ярости: ночью проморгали отряд, теперь уж постараются взять реванш. Поскольку закрытые средства связи даже для элитных частей — несбыточная мечта, "душманам", прослушивающим все переговоры по открытым каналам, не составит труда вычислить пути отхода. Сообщишь свои координаты в критический момент, чтоб вызвать подмогу, обложат "волчары" со всех сторон, живыми не выпустят. Значит, уходить, а скорее всего прорываться с боем придется в режиме радиомолчания, полагаясь только на себя.

То ли дело воевать на высоте. С гребня отлично просматриваются все подходы. Как бы противник ни маскировался, застать военных врасплох — пустая надежда. Давить на спецназ массой и вовсе гиблое дело. Кинжальный огонь пулеметов — очень убедительный аргумент в обороне. А там, глядишь, артиллерия подержит... И все же, как ни крути, здравый смысл заставлял согласиться с неоспоримой логикой приказа. При

всем желании отряд не сможет удержать высоту до подхода наших частей — иссякнут боеприпасы. Как покажет время, прогноз был точным. Останься армавирцы на проклятой 715-й, легли бы все до одного: федеральные силы овладеют важной высотой и освободят Новолакское только 14 сентября.

Оценив обстановку, командир принял единственно верное решение: выдвигаться двумя группами к селению Дучи по запасному маршруту, определенному еще в исходном районе при постановке задачи. Для прикрытия отхода на высоте оставили пару крепких бойцов — младшего сержанта Игоря Ещеркина и рядового Михаила Берсенева. Эти мужественные парни в неравном бою с матерыми "волками" показали все, на что способен спецназ внутренних войск. В течение сорока минут дружным огнем сковывали врагов, не давали им возможности сесть отряду на хвост. В перестрелке уничтожили двоих бордачей. Пробираясь ночью через "зеленку", заметили наблюдательный пост. На свою беду "духи" кемарили. Прех было не восполь-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

зоваться беспечностью врага. Ударами ножей оборвали сон отдыхавших наблюдателей. Вместе с жизнью. Бесшумно двинулись дальше, глядь — три снайпера топчут. Не долго думая, пустили в ход гранаты. Расправившись с супостатами, не поленились забрать их винтовки и документы — в подарок особистам. Так, отягченные трофеями, падая с ног от усталости, пришли в расположение своих войск.

Благодаря умелым и решительным действиям Ещеркина и Берсенева обе группы, выиграв время, смогли углубиться в лес. В семистах метрах восточнее селения Архы устроили привал. Люди были измотаны до предела, двое суток не смыкали глаз. И доклады разведчиков один тревожнее другого: повсюду рыщут "душманы", блокируют дороги и тропы. Охотятся за отрядом. Посему майор Яковлев решил: укрыться в "зеленке" и отдохнуть до темноты, ночью больше шансов дойти без потерь.

Эти шансы отняли штурмовики-"сушки" и боевые вертолеты. Отбомбились, ударили НУРСами профессионально. По своим, как по врагу. Под взрывами и осколками погибли 8 спецназовцев, 29 получили ранения (в том числе был тяжело контужен командир).

Заметки на полях блокнота. Страшная трагедия

— закономерный результат финансовой политики властей предержащих в сфере обороны и внутренней безопасности государства. Ее горькие плоды защитники Отечества, обливаясь кровью, пожинали в первую чеченскую кампанию. И сегодня катастрофически не хватает денег для закупки новейших образцов техники, вооружения, средств связи. Вот и армавирицы, не имевшие радиостанции для работы в сети, которую использует армейская авиация, были лишены возможности подать голос: "Прекратите бомбежку, под крыльями — спецназ!"

Сигналов взаимного опознавания летчики не заметили. Зато думы и осветительные ракеты, демаскировавшие отряд, тотчас же привлекли внимание глазастых бандитов. С воем "Аллах акбар!" надели матерой сотней. Чтобы сковать "духов", Юрий Яковлев оставил часть сил во главе с подполковником Николаем Гадушиным для прикрытия. В эту группу были включены ГСНы под командованием старших лейтенантов Александра Соколова и Сергея Наумова, которые не пострадали от

ударов авиации и могли вести бой.

Задержав "аллахакбаровцев", Гадушин и его отважная команда обеспечили вывод из-под огня первой и второй ГСН, где было много раненых. Ближе к вечеру, когда уцелевшие бойцы с окровавленными товарищами на плечах оторвались от "волков", подполковник повел своих смельчаков на прорыв. На пути отхода "душманы" в открытой бой с ними ввязаться не рискнули. Вели обстрел из укрытий. Дошло до бандитов: ребята воюют крутые, с твердым боевым почерком. На смерть будут драться. Один раз, правда, попробовали взять на испуг — с грозным видом нарисовались на броне. Только огонь открыть не успели. Начальник разведки отряда капитан Игорь Емелин упредил "духовского" наводчика выстрелом из "Мухи". Забыв про гонор, "воины Аллаха" сделали ноги. Да так прытко управлялся "руль", спасая броник, что впору было схватиться за животики. Но обстановка не располагала к шуткам. При прорыве через боевые порядки противника шестеро из состава группы прикрытия погибли.

Крепко досталось и парням двух ГСНов, пострадавших во время воздушного налета. Дважды принимали бой с

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

превосходящими по численности бандами. Стремясь выйти из огненного кольца, разбились на мелкие подгруппы по 5-7 человек. Каждой из них по указанным маршрутам пришлось самостоятельно добираться до своих.

Утром 11 сентября большинство уцелевших армавирицев перевели дух в пункте временной дислокации части. Здесь смертельно усталых солдат и офицеров ждало горестное известие. Для оказания помощи подразделениям, которые, не доходя до высоты 715.3, попали под плотный огонь сепаратистов, был послан резерв 15-го отряда на двух бэтэрах во главе со старшими лейтенантами Александром Ковалевым и Денисом Пономаревым. Обе "коробочки" хладнокровно расстреляны "чехами" из засады. Выполняя святой долг по спасению товарищей, погибли 2 офицера, 2 прапорщика и 8 солдат. Двое тяжело ранены.

14-15 сентября, когда последние бойцы вышли на исходные позиции, окончательно уточнили списки тяжелых потерь: пали в боях 34 человека, получили ранения 78.

На фоне трагических событий ярко высвечивается подвиг воинов спецназа, под пу-

лями врага и ударами с воздуха вынесших на себе всех раненых, не бросивших оружия и снаряжения. Ни у кого из солдат, даже оставшихся в полном одиночестве, не возникало и мысли о плене — спецназ не сдается! В летопись армавирицкого отряда навсегда впишут имя пулеметчика рядового Ивана Криволапова, который остался на поле боя с тремя тяжело ранеными и под огнем вынес их в расположение своих войск. Боевые соратники запомнят рядовых Валерия Феоктистова и Евгения Ковалева, прикрывших отход четвертой группы. Будут воздавать дань уважения старшим сержантам Андрею Ефремову и Владимиру Ермолюку, спасшим командира разведзвезда. Немало солдат и офицеров в тяжелой ситуации проявили мужество и отвагу, верность заповедям войскового товарищества, выполнили свой долг до конца.

радно и то, что, несмотря на понесенные потери, отряд не пал духом. Бойцы и командиры верят: в новых боях отряд отомстит врагу за смерть боевых побратимов.

Решающая схватка с бандитами впереди, и армавирицам еще не раз придется пройти проверку на прочность. Гречь потерь и трезвая оценка допущенных ошибок не должны остаться мертвым грузом в памяти спецназовцев. На ошибках учатся, а опыт, приобретенный дорогой ценой, бесценен. И он учитывается при подготовке к боям в Чечне. 15-й отряд специального назначения еще не раз сумеет продемонстрировать врагу свою выучку и волю к победе.

**Юрий ЧЕРКАСОВ
Игорь СТРЕЛКОВ**

Фото Василия ПРОХАНОВА
и Александра БОРОДАЯ

О т -

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Пехота очень любит, чтобы артиллерия стреляла...

Генерал-лейтенант артиллерии
Л. Губято

БАНДИТАМ МАЛО НЕ КАЗАЛОСЬ

Там, где быют артиллеристы, не прорвутся террористы

Это присловье решительно-победного тона, сочиненное канониками не иначе как под грозный аккомпанемент минометов, “зушек” и противотанковых “шайтанок”, увидел на фанерном щите у входа в палатку батарейцев зеленокумского оперативного полка, стоявшего вместе с другими частями тактической группы внутренних войск на окраине Боташюрта. Последние дни сентября здесь, в дагестанском приграничье, протекали для военных в напряженном ожидании приказа о начале наземной операции на территории Чечни, и слова боевого утверждения о воинской доблести артиллеристов звучали подобно выстрелу точно наведенного орудия, свидетельствуя о готовности к выполнению огневых задач по ликвидации бандформирований в мятежной

республике. Впрочем, какой бы меткой ни была плакатная фраза, самым убедительным показателем ратного мастерства истребителей террористов являются потери врага от снарядов и мин. Задержавшись у щита с присловьем, напоминая о жарких боях с прорвавшимися в Дагестан головорезами, невольно потянулся к блокноту, где накануне записал рассказ офицера штаба соединения майора Виктора Горелова, своего старого знакомца еще по первой чеченской кампании.

— В заметках о нашей дивизии не забудьте отметить минометную батарею зеленокумцев. Отлично работали парни, бандитам мало не казалось, — несколько раз повторил мой фронтовой товарищ, сообщая подробности о боевых делах на новоллакском направлении,

которые так и просились в журналистскую строку. — Вот эпизод, очень, кстати, характерный. Это было в середине сентября. Полк занял высоты в районе отметки 444.8 под Тухчаром. До границы всего ничего, чеченские села Ишхой-Юрт и Герзель-Аул как на ладони. Наши огневые позиции, само собой, оттуда не просматриваются: минометчики обосновались на обратных скатах. Пристреляв дорогу дымовыми “огурцами”, рассчитали огонь на случай появления непрошенных гостей. И они не задержались с визитом. Как говорится, на ловца и зверь бежит. Ночью полковые разведчики засекли автоколонну “чехов”. Машины шли в нашу сторону с погашенными фарами, поэтому не возникало сомнений относительно намерений “соседей”. Молотить по полной

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

программе — и вся недолга! Действуя по целеуказаниям разведчиков, батарейцы первым же залпом накрыли вражескую колонну и затем плотно долбили по ней в течение пятнадцати минут. Огнем умело управлял исполнявший обязанности начальника артиллерии дивизии подполковник Виктор Точилин*. На следующий день разведка проинформировала: пятерых бандитов отправили к шайтанам в ад, а среди тех, кому повезло унести ноги, полно раненых... Одним словом, минометчики набили руку. При случае не упустят возможности увеличить боевой счет.

Это точно. Мысленно поаплодировав артиллеристам, переписал в блокнот звонкие строки. Судя по всему, такой случай представится очень скоро, коли сверху дана жесткая установка "мочить" террористов, где бы они ни находились. И боевой опыт, накопленный в горах Дагестана, не раз сослужит хорошую службу на территории соседней республики, вконец замордованной бандитами. Ну а кто не прошел закалку огнем на войне, в дни тревожного затишья имеет возможность повысить уровень мастерства, оценивая свою профессиональную выучку по меркам реального боя. Разведкой установлено: в Ишхой-Юрте кучкуются недобитые "волки", наблюдается перемещение автоколонн противника вдоль административной границы, чеченские зенитчики продолжают охотиться за вертолетами. Так что накаленная обстановка вынуждает артиллеристов расходовать снаряды отнюдь не по учебным целям.

Вот и сейчас неподалеку от левого лагеря тяжело ухают гаубицы Новгородского отдельного дивизиона 100-й ДОН. Направляясь к огневой позиции, слышу по-мальчишески звонкие голоса сержантов, дублирующих команды взводных: "Цель 52 — пехота, осколочно-фугасным, взрыватель

осколочный, шкала тысячных, заряд полный, прицел... уровень... доворот...". Наводчики, припав к панорамам, быстро вращают маховички прицела и уровня. Заряжающие, клацая затворами, досылают снаряды в круглые зевы казенников. "Осколочно-фугасным заряжено!" — "Первое к стрельбе готово, второе... третье... четвертое... готово!" — "Огонь!"

Ослепительные вспышки из стволов. Прохот, нещадно терзающий барабанные перепонки. Дрожь и глухой стон земли под треногами станин. Удушливый запах сгоревшего пороха. Густые клубы пыли...

Идет напряженная боевая работа. Солдаты все как один действуют с подчеркнутым рвением. Изю всех сил стараются показать, что на занятиях и учениях к боевому экзамену готовились настоящим образом. Управляющий огнем командир дивизиона Олег Яцынов, высокий, атлетического сложения майор, внешне спокоен, но если хорошо присмотреться, в прищуренных от холодного ветра строгих глазах офицера можно заметить волнение. Я хорошо понимаю его чувства. За работой орудийных расчетов внимательно наблюдает прибывший на позицию начальник артиллерии внутренних войск генерал-майор Михаил Рохленко.

Представившись генералу в выгоревшем от солнца камуфляже, с радостью за успехи артиллеристов вижу: зря волновался комдив. Рохленко в прекрасном расположении духа; глядя на бойцов, не скрывает удовлетворения.

— Дивизион отлично экипирован, гаубицы новые, а главное — личный состав хорошо подготовлен к выполнению задач в боевой обстановке, — говорит Михаил Семенович. — Офицеры и солдаты понимают, что служба в прославленном дивизионе с почетным наименованием "Новгородский" ко многому обязывает. В поддержании этого настроения, в четкой организации учебного процесса первую скрипку, как и

положено, играет командир. Майор Олег Яцынов — грамотный, требовательный, инициативный офицер. До перевода во внутренние войска служил в ВДВ, на чеченской войне сполна овладел опытом применения артиллерии в борьбе с незаконными вооруженными формированиями, а это дорогого стоит. В настоящий момент гаубичные батареи ведут огонь по приграничному Ишхой-Юрту. Как сообщает войсковая разведка, местные жители покинули село, зато бандиты там чувствуют себя вольготно. Надо охладить их пыл. Что касается результативности стрельбы, то вот вам свежий пример: недавно наши артиллеристы уничтожили зенитную установку "духов".

Пользуясь случаем, включаю диктофон и в перерыве между залпами, когда солдаты восстанавливали наводку, формулирую тему интервью: опыт действий артиллеристов внутренних войск в контртеррористической операции на территории Дагестана.

— Прежде всего надо отметить: поставленные задачи "боги войны" успешно выполнили. По всем статьям. Красноречивый факт: более восьмидесяти процентов уничтоженных экстремистов были поражены осколками снарядов и мин. Командующий временной оперативной группировкой генерал-полковник Виктор Казанцев высоко оценил огневую выучку артподразделений внутренних войск, — с гордостью подчеркивает начальник артиллерии. — В самых трудных ситуациях воины действовали умело и решительно, проявляли выдержку, стойкость. Например, артдивизион капитана Андрея Шевчука и пушечная батарея старшего лейтенанта Виктора Драганова, занявшие позиции под Новолаком, семь дней и шесть ночей не выходили из боя. На этом направлении в крутой переплет попали подразделения пятигорской дивизии и армавирский отряд спецназа. И если бы не

*Некоторые фамилии изменены

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

артиллерийская поддержка, они могли понести значительно большие потери.

Мощный залп гаубиц, отдаваясь звоном в ушах, звучит как крутая прелюдия к ответу на вопрос о конкретных задачах войсковой артиллерии.

— Огневое поражение агрессоров осуществлялось в зависимости от этапов операции, складывающейся обстановки, характера действий федеральных сил и бандформирований. При овладении ключевыми районами и населенными пунктами проводилась артподготовка, которая имела продолжительность от нескольких десятков минут до нескольких часов. Огневые налеты поражались цели на переднем крае и на флангах рубежа действий оперативных подразделений, в глубине обороны противника, разрушались его оборонительные сооружения, подавлялись огневые средства боевиков. Ведением сосредоточенного и заградительного огня блокировалось выдвижение вражеских резервов, воспрепятствовался маневр бан-

дгрупп. Для того, чтобы ввести бандитов в заблуждение, применялись ложные переносы огня. С выходом на рубеж боевого соприкосновения начиналось огневое сопровождение атаки. Оно осуществлялось сосредоточенным огнем и огнем по отдельным целям. Участки сосредоточенного огня планировались на нескольких рубежах по разведанным позициям. Когда возникала необходимость изолировать и удержать незаконные формирования в определенных районах, воспрепятствовать их маневру, отрезать бандитов от возможной помощи извне, проводилось огневое блокирование. С этой целью артиллеристы вели заградительный и сосредоточенный огонь. Там, где растительность и рельеф местности благоприятствовали скрытному сосредоточению "душманов", доставали противника огнем прочесыванием. Во время боевых действий применялось также огневое наблюдение.

Выполняя эти и другие задачи, войсковые артиллеристы неодно-

кратно доказывали, что по уровню профессионализма ни в чем не уступают армейским коллегам. При наличии точных координат, установленных разведкой, наши расчеты поражали цели, как правило, с первого выстрела.

Дружное кланение оружейных затворов — и командир дивизиона энергичным взмахом руки как бы ставит восклицательный знак: "Огонь!"

— Эффективная работа артиллерии — важнейшее слагаемое успешного проведения контртеррористической операции, в ходе которой войска действуют против наглого, дерзкого, хорошо обученного противника, использующего коварные методы нетрадиционной войны, — сделав паузу, продолжал генерал-майор Рожленко. — И здесь поистине неопределимую роль играют такие факторы победы, как гибкость командирского мышления, умение ориентироваться в резко меняющейся обстановке, принимать нестандартные решения. Сталкиваясь с уловками фанатиков, офицеры-артиллери-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

сты неоднократно убеждались в том, как опасно порой слепо придерживать классических канонов, забывая об основных принципах боя — инициативе, творчестве, военной хитрости.

Другой урок, продиктованный опытом: дабы не повторять ошибок чеченской кампании, при планировании огня необходимо четко отрабатывать вопросы взаимодействия с мотострелками, спецназом, разведкой, авиацией и, конечно же, с батареями приданной и поддерживающей артиллерии. Там, где усилия взаимодействующих подразделений были хорошо скоординированы, “духи” несли большие потери. За примерами далеко ходить не надо. На новоласком направлении в районе тактически важной высоты разведчики засекли банду численностью до шестидесяти человек. Даем туда залп, благо цели были заранее пристреляны. “Душманы” выско-

чили из “зеленки” и — враспыленную по полю. К счастью, неподалеку от нашей позиции стояла реактивная батарея армейцев. Выходим с коллегами на связь, сообщив координаты, которые указала разведка, просим подсобить огоньком. Одним залпом “Град” выкосил сорок бандитов.

— У бойцов и офицеров свежи в памяти случаи, когда неоправданная потеря несли войска. Стало быть, не всегда артиллеристы оказывали своевременную поддержку пехоте. Что же мешало в критических ситуациях обеспечить тесное взаимодействие, упредить атакующих “духов”? — задаю вопрос под занавес, потирая оглохшие от стрельбы уши.

— Во-первых, дефицит закрытых средств связи, отвечающих требованиям современного боя. Без них управлять огнем артиллерии очень сложно: в боевой обстановке должны идти короткие и четкие команды, применять условные слова и коды подчас себе дороже — промедление смерти подобно. Естественно, этим пользовались чеченцы. Прослушивали наши радиопереговоры. Вклиниваясь в связь, пытались дезорганизовать управление.

Вторая причина — отсутствие средств радиотехнической разведки, новейших оптических приборов. Под Новолаком такой чудо-прибор нам одолжили армейцы. Дискретное увеличение — десяти- и двадцатикратное. Развернули его, ведем наблюдение. И тут, как по заказу, из Гамияха выходит сотня бандитов, под завязку загруженных боеприпасами. Топают

по дороге не таясь, в полной уверенности, что с позиций федералов, до которых девятнадцать километров, их не разглядят. Но с помощью дальнотворного АРП мы засекли потерявших бдительность “духов”. Залп гаубичной батареи застал их врасплох. Не спасло и кукурузное поле, куда устремились боевики. Перепахав его снарядами, уничтожили до восьмидесяти оккупантов.

В заключение хочу отметить, что отработанная система подготовки артиллерии полностью себя оправдала, — подвел черту генерал Рохленко. — Опыта у нас достаточно. Но для более успешного выполнения поставленных задач необходимо решить острые проблемы технического обеспечения. Увы, из-за скудного финансирования вопрос пока остается открытым...

Прощаясь с генералом и его подчиненными, я подумал: слишком много прорех в бюджете державы, стоящей на пороге новой войны. Одна надежда: артиллеристы внутренних войск мастерством и самоотверженностью сумеют компенсировать дефицит современных технических средств.

Через несколько дней после нашего разговора на позиции Новгородского гаубичного дивизиона федеральные войска пересекут границу мятежной Чечни. По мере приближения к осиным гнездам все сильнее будут накаляться оружейные и минометные стволы. И знакомясь с оперативными донесениями о результатах боевой работы артиллерии, не раз вспомню присловье, сочиненное батарейцами в преддверии суровых испытаний.

Не уйти бандитам от возмездия!

Полковник Юрий КИСЛЫЙ

Фото Юрия ТУОВА,
Ильи КУЗЬМИЧЕВА
и Анатолия ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Из кавказского блокнота

ЧЕЧНЯ: МАЛО ЖИЗНИ

— Капусту даже не убрали... — генерал, с которым летим в вертолете, кивнул на мелькнувшие внизу черные прямоугольники, где четко, как на костяшках домино, выделялись ровные ряды белых точек. Их было много — не на одну бочку хватило бы. Оставалось лишь посетовать, что в нынешнюю зиму вовсе остался без квашеной капусты — в бестолковой столичной круговерти все как-то недосуг было...

Летим из Моздока до Гудермеса ломаным маршрутом с посадка-

ми в Толстом Юрте и Кизляре и видим сплошь пустующие фермы, десятки взорванных самогонных “нефтезаводиков”, поваленные опоры электросетей, вчистую спиленные по обочинам дорог лесопосадки. Мало жизни... Вместо жизни — борьба за выживание...

Гудермес для первого своего чеченского бивака выбрал не случайно. Ровно четыре года назад, в декабре 95-го, довелось быть здесь, когда бригада оперативного назначения из Северо-Западного округа внутренних войск и другие части вели кровавые бои с

отрядами небезызвестного “бандита с пластмассовой головой” Салмана Радуева. Тогда, в таком же туманном и промозглом декабре, в осаде оказались городская комендатура и железнодорожный вокзал. В окружении стойко держались, отбивая все наскоки непримиримых, российские сибиряки и омоновцы, солдаты и офицеры внутренних войск. Помню, всех нас потряс отчаянно смелый, казалось, до безрассудства дерзкий прорыв из окруженной “духами” комендатуры группы спецназовцев во главе с капитаном Игорем Кирсановым. Увы,

тот отчаянный бросок закончился трагически. На выручку осажденным шли одна за другой штурмовые группы питерской бригады оперативного назначения, отряда спецназа "Русь", подразделения ОДОНа и нальчикской бригады. Спустя несколько дней кольцо было прорвано, уцелевшие "духи" ушли в ночной туман по Гудермесскому хребту. "Тогда считать мы стали раны..."

Незаживающей раной останется Гудермес, этот второй не только по величине, но и по промышленному, политическому значению чеченский город. Полномочный представитель российского правительства в Чеченской республике Николай Кошман не однажды предлагал сделать именно Гудермес новой столицей республики, учитывая, в первую очередь, его удобное расположение на главной железнодорожной магистрали, а во-вторых, то, что в сегодняшнем разбитом, сожженном, отравленном и обезлюдевшем Проаном жизни не осталось практически вовсе.

Да и в Гудермесе жизнь едва теплится: кое-где есть газ, налаживается электроснабжение, стали функционировать местные органы власти. Порядок обеспечивает РОВД — шестьсот нижегородских сотрудников милиции, командированных в горячую точку. Правда, кроме них и военнослужащих внутренних войск, временно квартированных в городе и его окрестностях, здесь же остается так называемый "исламский батальон" полевого командира Сулимы Ямадаева. Боевики в этот раз не оказали сопротивления федеральным войскам. Особенности национального костюма здешних чеченцев — автоматы Калашникова — пересчитаны были генералом Трошевым и оставлены прежним владельцам

под роспись. Когда и где это оружие будет стрелять — в этом не расписался никто...

В одну из туманных ночей автоматные очереди ударили по опорному пункту нашей бригады. Стреляли кучно — в палатке насчитали восемнадцать пробоин как раз на уровне человеческого роста. Слава Богу, никто на этот раз не пострадал.

Один из батальонов бригады стоит на "горке". Въехать сюда можно только на БМП или на дееспособном "Урале" — в пластелиновом "чеченском асфальте" вся другая техника вязнет.

Майор Эмом-Али Насрединов, мой добрый приятель с того еще декабря 95-го, доставил меня в расположение своего батальона, пообещав дивную панораму всего Гудермеса. Но это будет наутро. А пока в палатке ведем долгие, за полночь, разговоры с офицерами. Майору Александру Кузнецову и капитану Валерию Дяченко есть что рассказать — как-никак нынешний поход для них длится уже три месяца. Есть и чем похвалиться — накануне министр внутренних дел России генерал-полковник Владимир Рушайло вручил офицерам именные часы...

Батальон и артиллерийско-зенитный дивизион заняли стратегически важную высоту над Гудермесом несколько дней назад. Это их шестнадцатое место дислокации за время нынешней осенне-зимней кампании. Как и везде снова приходится рыть укрытия, оборудовать посты, ходы сообщения, тянуть связь. На склонах хребта кое-где остались следы прошлой войны: остовы бронетехники, осыпавшиеся окопы. При рытье капонира нашли жетон-"смертничек" с номером ВС СССР Ф — 792700. "Это не наш", — говорит писарь Ирина Шабловская. Догадки теперь мо-

жно строить разные. Надеемся, что кто-то из армейцев просто обронил свой военный "кулон" во время боевой работы на высоте...

Выше всех — артиллеристы. Командир минометной батареи капитан Рустам Арифудин представляет лучший расчет. Младший сержант Сергей Бахвалов, ефрейтор Сергей Мальцев, рядовые Ярослав Сотов и Евгений Чижов расчехляют свой остывший на декабрьском ветру "самовар". Разогреть его сегодня нет нужды, и это радует. Радует и другое — 120-миллиметровая "труба" направлена куда следует, а минометчики проводят тренировку сноровисто. Видно, что ребята не закисло в промозглом тумане и непролазной грязи.

В палатке, где живут офицеры-артиллеристы капитан Андрей Толоч, старший лейтенант Олег Ветров и котенок Джалка, вижу необычный флаг — на черном полотнище скрещенные пушки и мертвая голова. Говорят, что такой же был на знаменитой батарее Раевского. Знает "нынешнее племя", с кого брать пример — с богатырей.

В питерской бригаде служит много парней с Вологодчины, в частности из Череповца. Отец одного из солдат — командира расчета зенитной установки ефрейтора Андрея Маркушева — привез землякам подарки от родителей. Это было, когда часть стояла под станицей Шелковской...

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ГУДЕРМЕСУ

Бригада начала свой нынешний кавказский поход еще в сентябре. Эшелоны шли до Кизляра. Сначала была поставлена задача на прикрытие административ-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ной границы между Чечней и Дагестаном. В октябре пошли в наступление во взаимодействии с парашютно-десантными полками. Десантники с ходу блокировали населенные пункты, в которые бригада внутренних войск шла для зачистки. Специальные операции прошли, а кое-где и дважды — в Мирном, Красном Восходе, Бороздиновской, Дубовской, Каргалинской, Курдюковской, Старогладковской, Воскресеновской, Гребенской, Шелковской...

Обывателю в российской глубинке, прочитавшему эти русские, казачьи названия, и невдомек, что едва ли не в каждой из этих старинных казачьих станиц с некоторых пор прочно обосновались отнюдь не мирные чеченцы, а кое-где и вовсе пустили корни оголтелые бандиты "с вахабизмом в башке и автоматом в руке". Мало того, что в ходе спецопераций были изъяты оружие, боеприпасы, радиостанции, так еще и инструкции по подготовке террористов-смертников обнаружались...

А в районе Дубовской пришлось вступить в бой. Бандитов было с десяток. Но они хорошо укрыты и знали окрестности. Там бригада понесла первые потери: двое погибших, шестеро раненых. Сначала пуля снайпера сразила сержанта Илью Бусленко. А потом раздался выстрел из ручного гранатомета — "Мухой" ударили по командно-штабной машине. Осколком был убит водитель рядовой Дмитрий Капинос. Бой продолжался часа четыре. Позже русские жители станицы Дубовской рассказали, что "духи" потеряли убитыми четверых...

В конце повествования боевых офицеров о нынешнем походе звучали знакомые нотки: о золотых парнях, которым все невзго-

ды нипочем, да об "убитой" напроць технике.

На день нашего разговора в бригаде из 41 единицы бронетехники неисправных было 13. И отнюдь не водители или ремонтники в том виноваты — эти-то люди, днюющие и ночующие у машин, как раз и делают все возможное и невозможное, чтобы бзэмпэшки и бэтры если и не бегали, то хотя бы ползали. На самом же верху, откуда звучат требования о мобильности войск, должны знать, что оперативные части зачастую имеют лишь бронированную рухлядь. Двигатели некоторых БТРов старше своих водителей! В бригаде ходит БТР-70, которому... 23 (!) года. Нетрудно понять, что заданный ресурс боевых машин считать надо тем, кто поколесил на них по фронтовым дорогам Кавказа.

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

14 декабря в бригаде — День памяти, день тяжелых воспоминаний. Встретились с теми, кто четыре года назад бился с бандитами в комендатуре и на улицах Гудермеса. Майоры Анатолий Захарченко и Эмом-Али Насрединов, прапорщики Леонид Пискунов и Юрий Гаврилюк в те дни пережили столько, что иному хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Эти не сломались, остаются в строю. И не просто служат до положенного календарем срока, не просят на теплые должности. Они остаются на самой-самой передовой. Командир взвода АГС прапорщик Пискунов уже и в этой командировке был ранен.

14 декабря личный состав построили для короткого по-фронтовому митинга. В батальонном строю насчитал три десятка солдат — остальные на постах. Из

нескольких рубленных фраз речь-напоминание комбата-"афганца". На БТР поднимают гирлянду из хвойного лапника, перевитую черно-красной лентой. На ней всего лишь две даты: 14 декабря 1995 года — на черном, 14 декабря 1999-го — на красном. Едем по улице Терешковой, что пересекает почти весь Гудермес. Четыре года назад здесь по российским солдатам стреляли бандиты, опавшиеся в каждом подворье.

Останавливаемся там, где первый удар принял на себя расчет зенитной установки, где пролилась первая кровь наших боевых товарищей. Сейчас не до пышных траурных церемоний. Офицеры Павел Дашков, Сергей Турчин, Александр Масон, Михаил Брацлавский, Александр Жилинский, прапорщик Леонид Пискунов снимают гирлянду с брони и возлагают среди оставшихся после того боя воронок. Минуту молчим. Щелчок фотоаппарата — будем помнить и расскажем детям нашим о декабрях в Гудермесе...

Охажку остро пахнущего елового лапника не оставляем на дороге, ставшей четыре года назад дорогой подвига наших солдат. Гирлянда будет лежать у батальонного дзота, над которым как раз в тот день поднялся российский флаг.

"ХОРОШО, ЧТО "КОРОВЫ" ЛЕТАЮТ..."

Назавтра ждали командующего войсками Северо-Западного округа внутренних войск генерал-лейтенанта Климентьева. Предстоит плановая замена некоторых офицеров, а также части личного состава. Дембеля уже все как на иголках — кому не хочется поскорее домой. Но здесь, в Чечне, малейшая расслабуха чревата бе-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Минометчики — выше всех

Внизу — Гудермес

дой. Все это прекрасно понимают. Отслужившие положенный срок солдаты и сержанты будут меняться молодыми однополчанами буквально в окопах — на взводных опорных пунктах, расположенных в Гудермесе и вокруг него, там, где внутренние войска прикрывают на блокпостах выполняющих контрольно-пропускную функцию сотрудников ОМОНов.

“Корова” летит!” — радостный, в несколько глоток возглас выгнал всех на вертолетную площадку, над которой уже стелются оранжевые дымы. “Коровой” по-

доброму именуют большущий Ми-26, который всегда везет много чего полезного в своем необъятном нутре. Каждый такой рейс — долгожданное событие. “Корова” может привезти движки для автомобилей или целый БТР, а еще свежий харч, боеприпасы или целую роту солдат.

Генерал-лейтенант Климентьев прилетел тоже не с пустыми руками. Алексей Иванович знакомит с прибывшими с ним давними добрыми друзьями внутренних войск — генеральным директором НПО Специальных материалов Михаилом Сильниковым, главным редактором журнала “Защита и безопасность” Андреем Евдокимовым, начальником управления вневедомственной охраны при ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области полковником милиции Борисом Воронко, главой одного из муниципальных образований города на Неве Игорем Самохиным.

Командующий во время своей командировки в Чечню лично ознакомился с положением дел в бригаде, вместе с группой офицеров округа помог провести заме-

Генерал-лейтенант А. Климентьев вручает знак “За отличие в службе” старшему прапорщику Дмитрию Горюнову

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ну личного состава, объехал все подразделения, все опорные пункты, не только провел служебные совещания, но и пообщался с солдатами непосредственно в окопах, палатках, что называется, на передовой.

А его спутники привезли ни много ни мало — восемь тонн гуманитарной помощи, которую, учитывая, что на дворе декабрь, справедливо назвали новогодними подарками. Кроме традиционных сладостей, сигарет, мужской парфюмерии из Питера доставили камуфлированные костюмы, трикотажные изделия и другую продукцию НПО Специальных материалов, их красочные календари и комплекты журнала “Защита и безопасность”, термосы и электрические фонари, пушистые зеленые елочки и... черный хлеб.

Да-да, 108 буханок свежего черного хлеба из самого Питера! Наши солдаты-окопники — пусть родители их будут спокойны — каждый день получают положенную по норме пайку. Но ржаной ломоть настоящего русского хлеба, что достался из новогодних гостинцев, на Кавказе слаще пряника.

Перед отлетом из Гудермеса на плацу построились офицеры и прапорщики бригады. Генерал-лейтенант Климентьев вручает знаки “За отличие в службе” и ценные подарки. Кроме традиционных магнитофонов был еще и истинно военный приз. Генеральный директор НПО Специальных материалов Михаил Владимирович Сильников передает командиру своему новенький бронезилет своей фирмы: “Алексей Иванович, это от нас для самого боевого офицера”. Генерал в ответ: “А у нас тут все боевые”. Из строя офицеров раздается сразу несколько голосов: “Комбату первого! Насрединову!”. — “Возражений нет”, — гене-

Эти два снимка разделяют четыре года. Э-А. Насрединов был ротным, теперь командует батальоном. И снова выпал ему Гудермес

рал вручает майору камуфлированный “Модуль ЗМ”.

Этот майор, заслуживший медаль “За отвагу” еще в ту войну, оставался и на этой. Дай-то Бог, чтобы ни пуля, ни осколок не испытали на прочность полученный им в декабрьском Гудермесе очень ценный подарок.

А нас забирала все та же большая добрая “корова”. Улетал из Гудермеса с генерал-лейтенантом Климентьевым и его заместителем генерал-майором Горюновым, с их солдатами, свое отслужившими, и офицерами, прошедшими очередной отрезок чеченского похода.

Улетали с Надеждой. С какой? Об этом отдельный рассказ в

следующем, мартовском номере нашего журнала...

**Полковник
Борис КАРПОВ**
Фото автора

В начале января поступили сообщения о новых вылазках “непримиримых”. Нападению подверглись Шали, Аргун, Гудермес. Бригада внутренних войск из Питера снова в боях. Уже в Грозном...

Хроника боевых действий на Северном Кавказе

1 января

Исполняющий обязанности Президента России Владимир Путин прибыл в Гудермес, где вручил награды военнослужащим, отличившимся при проведении антитеррористической операции на Северном Кавказе.

В районе Ведено произошел ожесточенный бой. Бандиты попытались выбить подразделения федеральных войск, занимающие господствующие высоты.

2 января

Боевики применили в Грозном неустановленное (аммиак или хлор) химическое вещество.

3 января

Боевые действия ведутся в Грозном на Петропавловском шоссе, улице Лермонтова и на окраине населенного пункта Старая Сунжа. Федеральные войска завладели стратегически важной высотой "Черпаха".

4 января

Внутренние войска начинают продвигаться в Грозном в направлении совхоза "Родина" Старопромысловского района и в н.п. Старая Сунжа.

В Веденском ущелье взяты под контроль все господствующие высоты.

В районе н.п. Цузункорт около 250 наемников одного из бандформирований попытались вырваться из окружения.

5 января

Артиллерия федеральных сил ведет обстрел центральных районов Грозного. Бои идут в Октябрьском районе, на склонах расположенной в черте города горы Скуйр-Корт.

Группа боевиков, просочившаяся

из Грозного в н. п. Алхан-Кала, заблокирована российскими войсками. Началась операция по их уничтожению.

6 января

Активность боевых действий в Грозном идет на спад. Артиллерия ведет обстрел центральной части города.

7 января

Ракетно-бомбовые удары наносятся по позициям боевиков в Грозном, в районе н.п. Ведено, в Аргунском и Веденском ущельях.

Экстремисты совершают нападение на заставу российских пограничников в Аргунском ущелье. В ходе

боя два пограничника получают легкие ранения.

8 января

Артиллерия федеральных сил наносит удары по позициям боевиков в районах н. п. Зоны, Чишки, Дачу-Борзой и Химой.

Подразделения МВД проводят зачистки населенных пунктов Роган-Кожа, Бельты, Большие и Малые Мехкеты.

9 января

Федеральные силы приостанавливают боевые действия в центре Грозного, поскольку экстремисты используют в качестве живого щита несколько тысяч мирных жителей.

Указами Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, звание Героя Российской Федерации присвоено военнослужащим внутренних войск:

лейтенанту **ПАЛАТИДИ Алексею Ивановичу** (посмертно)
капитану **ЯНКЛОВИЧУ Александру Юрьевичу**

(Указ № 1686 от 22 декабря 1999 г.)

ефрейтору **БУШМЕЛЕВУ Евгению Вячеславовичу**
лейтенанту **ФОМИНУ Алексею Юрьевичу**
старшему лейтенанту **КОВАЛЕВУ Александру Геннадьевичу** (посмертно)

младшему сержанту **ПРОЦЕНКО Олегу Петровичу** (посмертно)

(Указ № 1725 от 30 декабря 1999 г.)

генерал-лейтенанту **ПАНЬКОВУ Михаилу Анатольевичу**
полковнику **ФОМЕНКО Геннадию Дмитриевичу**

(Указ № 25 от 11 января 2000 г.)

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Отряд боевиков численностью до 300 человек блокирует военную комендатуру Аргуна и железнодорожный вокзал.

10 января

Министр обороны России маршал Игорь Сергеев заявил, что указание руководства страны о временном прекращении активных действий в Прозном больше не действует.

Бандформирования, прорвавшись в Аргун и Шали, блокированы в этих населенных пунктах. Потери федеральных войск в результате нападения экстремистов на Шали и Аргун составили 16 человек убитыми и 25 ранеными. Потери чеченских наемников оцениваются примерно в 150 человек убитыми и около 100 ранеными.

Боевые столкновения с бандитами происходят также в районах населенных пунктов Ачхой-Мартан и Урус-Мартан.

11 января

В южной части Чечни — районе населенных пунктов Сержень-Юрт и Ведено — продолжаются бои. Экстремисты, зажатые федеральными войсками в горных районах, предприняли попытку уйти на равнинную часть Чечни.

Федеральные силы создают заслон вдоль границы с Грузией и Азербайджаном для предотвращения доставки оружия и боеприпасов бандитам.

12 января

Подразделения российской группировки войск ведут боевые действия в районах населенных пунктов Аргун и Шали. Артиллерия и авиация наносят удары по позициям боевиков в Прозном и в горных районах Чечни. В частности, в окрестностях селений Дуба-Юрт, Чишки, Улус-Керт, Октябрьское, Химой.

13 января

Ночью передовые отряды федеральных войск вступили в боестолкновения с бандитами близ сел Тазенкале, Дышне-Ведено, Агишты, Малый Харсеной.

Экипажи фронтовой авиации выполнили более 60 самолето-вылетов, армейской авиации — свыше 70 вертолето-вылетов. Удары наносились по позициям боевиков в Прозном, Аргунском и Веденском ущельях, у населенных пунктов Ша-

рой, Итум-Кале и вблизи границы с Грузией. Уничтожено 8 минометных расчетов, 17 опорных пунктов, 3 узла связи, 12 грузовых автомобилей, 2 зенитные установки, до 80 наемников, повреждено 2 моста.

Подразделения восточной группировки ОГВ, контролирующей дорогу в районе н. п. Шатой — Итум-Кале, блокируют селение Химой.

14 января

Федеральные силы полностью освободили Шаройский район.

Авиация совершает более 180 боевых вылетов. Удары наносятся по целям в районе Итум-Кале, в Прозном, в Аргунском и Веденском ущельях. Уничтожено более 25 опорных пунктов, 7 минометных расчетов, 2 пушки, 3 единицы бронетехники, 2 зенитные установки, узел связи, 9 автомобилей.

Боевики обстреляли здание РОВД Ачхой-Мартан и оперативно-следственную группу МВД, возвращавшуюся с задания.

15 января

Артиллерия интенсивно обстреливала позиции боевиков у входа в Аргунское ущелье, в районах н. п. Улус-Керт, Махкеты, Хатуни. Войска взяли под контроль Ножай-Юрт и ряд селений Итум-Калинского района.

Авиацией уничтожено 23 опорных пункта, 7 укрепрайонов, 3 зенитные установки, 2 узла связи, склад с оружием, 9 единиц различной техники, 5 дотов, 3 минометных расчета.

16 января

У входа в Аргунское ущелье в районе селения Дуба-Юрт федеральные войска уничтожили 3 банды боевиков общей численностью до 40 человек.

17 января

Ночью подразделения МВД отбили как минимум 6 попыток бандитов прорвать блокаду Прозного и уйти в горы.

Федеральная авиация совершила более 150 боевых вылетов. Штурмовики и бомбардировщики наносили удары по целям в Аргунском и Веденском ущельях. Вертолеты обстреливали позиции боевиков в Прозном, в районах н. п. Сержень-Юрт и Дачу-Борзой. Уничтожено 19 опорных пунктов, 7 укрепрайонов, 5

минометных расчетов, 6 дотов, 2 зенитные установки и 3 автомобиля.

На трассе Гудермес-Аргун сотрудники МВД обезвредили 25 замаскированных взрывных устройства, подготовленных к одновременному подрыву.

Федеральные войска заняли н. п. Биши-Урзой, Шанхо, Берди. Подразделения внутренних войск проводили зачистку в Ведено.

18 января

Началась решающая стадия операции по освобождению Прозного. Федеральные подразделения продвинулись к центру города и к вечеру совместно с чеченской милицией освободили 1, 3, 4-й, частично 6-й микрорайоны, кварталы, прилегающие к площади Минутка, 15-й военный городок, горбольницу, консервный завод и вышли к автомобильному мосту через Сунжу. В окрестностях Прозного под особую охрану взят спецкомбинат "Радон", до 1990 г. принимавший радиоактивные отходы со всего Северного Кавказа.

Федеральная авиация уничтожила около 150 боевиков, 5 минометных расчетов, 2 единицы бронетехники, 9 грузовых автомобилей, 4 зенитные установки, 2 узла связи.

19 января

В Ножай-Юртовском и Веденском районах выявлена группа боевиков численностью до 1000 человек. Возможно, они готовят новое вторжение в Дагестан.

**Подготовили подполковник
Геннадий ШАХОВ,
лейтенант Олег АЛТУХОВ**

ОН СОБРАЛ НАС СНОВА ВМЕСТЕ

Турнир по рукопашному бою на приз нашего коллеги А. Ягодина, погибшего в Чечне 18 апреля 1996 года, стал уже традиционным. Главным организатором первенства, как и в прошлые годы, выступил Московский округ внутренних войск. 22 команды из разных городов и весей России съехались на эти состязания. О значимости соревнований говорит тот факт, что их проведение освещали все ведущие отечественные телекомпании, многие газеты и журналы. Внужал уважение и список спонсоров. Среди них —

«Тюменская нефтяная компания», СП «Пронто-Москва», ОАО «ТАОПИН» (г. Тула) и другие. В качестве почетных гостей на турнире присутствовали вдова журналиста Елена Ягодина, его сын Дмитрий и брат Вадим, впервые приехавший на чемпионат из города Ворсма Павловского района Нижегородской области.

В командном первенстве победу одержали мастера рукопашного боя Московского округа внутренних войск. Второе место досталось коллективу спортсменов факультета подготовки кадров для внутренних войск при Санкт-Петербургском университете МВД России. Бронзу получили представители Приволжского округа ВВ МВД РФ.

Старший лейтенант **Алексей МИШЕНЬКИН**
Фото Ильи ЗЛОТНИКА

Внимание: опыт

ЧТО ПОСЕЕШЬ, ТО И ПОЖНЕШЬ

Нетрадиционные подходы к традиционной проблеме

Какой командир не мечтает о хорошем помощнике для себя?

Надежном, порядочном, грамотном. Да просто толковом парне, на которого можно положиться!

Так почему же дальше мечтаний у многих офицеров дело не заходит?

Первый помощник командира, безусловно, сержант. Но, перефразируя некогда популярную пе-

сенку, можно сказать: "Сержант не растет в огороде". Сержанта подготовить надо. Обучить. Воспитать.

Но прежде чем приступить к его подготовке, обучению и воспитанию, надо правильно выбрать кандидата. Ведь на лбу у парня из молодого пополнения не написано: "Делайте ставку на меня. Я буду хорошим сержантом".

Именно об этом первом, но очень важном этапе — о подборе

кандидатов для обучения в учебных воинских частях — и пойдет разговор.

Было бы наивно полагать, что этот существенный момент в жизнедеятельности войск не нашел должного отражения в руководящих документах. Как и многое другое, здесь все строго зарегламентировано.

Но чем еще сильна наша армия? Что еще не выветрило из нее годы перемен и постоянного

реформирования? Инициативу. Нормальную разумную инициативу, исходящую от тех, кто непосредственно работает "на земле", с личным составом, для кого особенно актуальна поговорка "Что посеешь, то и пожнешь".

Первый блин — и не комом

В войсковой части, где заместителем командира по работе с личным составом подполковник Николай Ткачук, долго ломали голову: как же все-таки оптимизировать процесс отбора будущих сержантов? Что нужно сделать, чтобы среди младших командиров было как можно меньше посторонних людей?

Первая возможность поэкспериментировать представилась три года назад.

Получилось так, что и призыв оказался большим, и многие сержанты увольнялись в запас. Хотя это было известно заранее и к этому готовились, жизнь внесла свои коррективы. В общем, образовался в части дефицит младших командиров. И проблему эту необходимо было срочно решать.

Но как? Идти традиционным путем и отправлять солдат из молодого пополнения в учебку? На это уйдет минимум три-четыре месяца. А время поджидает.

И тогда командование части вышло с ходатайством к вышестоящему руководству: разрешите подготовить сержантов на своей базе. Учитывая сложившиеся обстоятельства, пошли навстречу.

Но — из кого готовить? Из молодых? Нереально. Они же еще не прошли учебных сборов, не имеют даже минимальных знаний и навыков.

Выход нашли — произвели отбор из военнотружаших, прослуживших полгода.

Первоначально кандидаты прошли аттестацию в ротках. По-

том их вызвали в штаб части, с каждым серьезно побеседовали, объяснили ситуацию, приняли необходимые зачеты. Был составлен учебный план, расписание, и в течение месяца в плотном, насыщенный режим с ними проводили занятия офицеры управления части и дивизии.

Свежеиспеченных сержантов назначили командирами отделений в тех же подразделениях, где они и служили.

Через год десять из двенадцати подготовленных "без отрыва от части" сержантов стали заместителями командиров взводов. По окончании службы шесть из них уволились старшинами. Но что самое главное — результаты любых проверок в этих отделениях и взводах оказывались гораздо выше, чем в остальных. Авторитет этих сержантов среди подчиненных был непререкаемым. Офицеры нарадоваться не могли на своих помощников.

Почему бы эту инициативу не поддержать, не распространить передовой опыт?

Увы, командованию части дали понять, что все это, безусловно, хорошо, даже очень хорошо, но...

Во-первых, в руководящих документах расписано, кто и чем должен заниматься. Во-вторых, если все будут готовить младших командиров на местах, чем будут заниматься учебные воинские части? Наконец, в-третьих, занятия-то кто будет проводить? Опять офицеры управления? Будто им по своим служебным обязанностям больше делать нечего...

В общем, проглотило командование части эту пилюлю. Ничего не попишешь — верхам, безусловно, виднее.

Но проблема осталась. Нет, не авральная подготовка младших командиров. Такого больше, слава Богу, не повторялось. А вообще отбора и подготовки сержантов.

"Чистые погоны — чистая совесть", или Насильно мил не будешь

Многие молодые солдаты не хотят становиться младшими командирами.

Причин тому несколько. Прежде всего, безусловно, падение престижа службы. Следом идет нежелание брать на себя лишнюю ответственность. Многие считают, что гораздо легче и проще просто два года "отсидеться" в армии, не высываться. А некоторые солдаты открыто заявляют, мол, зачем у меня будет болеть голова за подчиненных, пусть лучше у кого-то болит за меня.

Не последнюю роль в определении отношения новобранцев к службе играют некоторые старослужащие. С первых же дней они обрабатывают молодых: "Зачем тебе это нужно? Тише едешь — дальше будешь! Чистые погоны — чистая совесть!"

Легко ли в такой обстановке командиру готовить себе помощников?

Подполковник Николай Ткачук откровенно отвечает, что очень сложно.

— Следует учитывать и психологический барьер, — добавляет Николай Михайлович. — Многие молодые солдаты, когда им предлагают пойти по командной стезе, чувствуют неуверенность в собственных силах. Даже сама мысль о том, что надо встать перед строем и командовать, их пугает. У человека есть все данные, чтобы стать сержантом — и дисциплинированный, и спортсмен, и хорошо школу закончил, и стреляет отлично, со здоровьем нет никаких проблем. Ан нет! Говорит, не смогу — и точка! Уговариваешь такого, уговариваешь, потом ловишь себя на мысли: "А ведь насильно мил не будешь..."

Готовь сержанта с... военкомата

И все-таки решение проблемы отбора и подготовки младших командиров найдено было. Причем достаточно простое.

Всех кандидатов для отправки в учебки с первых дней пребывания в части стали собирать в отдельный взвод.

Нет, никто из командования не ставил перед собой задачу созда-

частую становятся определяющими в поведении призывников.

Но основной отбор кандидатов в младшие командиры проходит непосредственно в части и включает в себя несколько этапов: индивидуальную беседу, анкетирование, анализ заключений военно-врачебной комиссии и психолога.

Наблюдение за этой группой показало, что отобранные солдаты, чувствуя оказанное им дове-

пределения по школам сержантов, уже ясно, кто в какую учебку поедет.

Хотя такая практика отбора и первоначальной подготовки младших командиров в части существует всего два года, но уже можно смело заключить, что она дает положительные результаты. Свидетельство тому — хорошие отзывы из учебок. Входной контроль показывает, что знания, умения и навыки подопечных подполковника Ткачука гораздо лучше, чем прибывших из других частей.

Но и после отправки будущих сержантов в учебную воинскую часть связь с ними не теряется. Они находятся под постоянным контролем своих командиров. Да это и понятно — офицеры готовят помощников не для галочки и не для чужого дяди, а для себя. А потому и беспокоятся...

Конечно, абсолютизировать и идеализировать предложенные подходы к отбору и подготовке младших командиров нельзя. Справедливости ради отметим, что в этой части сержанты тоже совершают дисциплинарные проступки. Как и везде, здесь тоже есть и разжалованные, и снятые с должностей.

Дело в другом. Дело в принципе. А заключается он в том, что командование части и не ждет, пока кто-то подскажет, как решать насущные задачи, а ищет и находит нетрадиционные подходы к решению традиционной проблемы.

**Майор
Николай КАЗАКОВ**

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА
и Ильи ЗЛОТНИКА

вать идеальные условия для будущих сержантов, полностью изолировать их от внешнего воздействия.

Чтобы уменьшить попадание туда случайных людей, каждый проходит серьезную проверку. И начинается она с...военкомата.

Все офицеры, уезжающие за молодым пополнением, берут с собой специально разработанную в части анкету. И уже из ответов на ее вопросы делаются предварительные выводы — на что призывник способен, чего от него можно ожидать.

По возможности офицеры беседуют с родителями. Нередко отцы будущих солдат заявляют, что они в армии были сержантами и хотят, чтобы сыновья пошли по их стопам. Такие пожелания за-

рием, с первых дней начинают психологически настраивать себя, что будут командирами. А так как в этот взвод кандидатов набирают с небольшим запасом, то у них между собой даже начинается определенная здоровая конкуренция.

С первых дней учебных сборов каждый будущий сержант попадает под непосредственный контроль не только командиров своего взвода и роты, но и офицеров управления. На многие занятия, а особенно по специальным дисциплинам, к ним приходят начальники различных служб — автомобильной, химической, инженерной — с целью присмотреться и определить, кто бы мог продолжить службу по его профилю. Поэтому, когда наступает время рас-

Эта книга, названием которой стала строка из песни полковника Александра Чикунова, только-только вышла в Брянске. В нашу редакцию один из сигнальных экземпляров прислала Алла Васильевна Власова — председатель областного комитета солдатских матерей. Мы с нетерпением ждали эту Книгу памяти, посвященную российским воинам, павшим в Чечне. Во-первых, среди уроженцев Брянщины из этого скорбного списка есть немало наших сослуживцев по внутренним войскам, в числе которых и два Героя России — капитан Олег Визнюк и рядовой Вадим Ермаков. Во-вторых, у нас давно налажен контакт с солдатскими матерями и журналистами Брянска. Идет плодотворный обмен информацией, документами и фотографиями, которые войдут и в Книгу памяти внутренних войск МВД России.

Книга-реквием, вышедшая в издательском товариществе "Добрый Брянск", состоит из нескольких разделов. "Мы помним вас" — биографические очерки о каждом из погибших в Чечне брянцев. "Письмо медлительнее пули" — выдержки из солдатских писем, которые дают представление не только о замечательных характерах российских солдат, но и воссоздают фронтовую обстановку 1994 — 1996 годов в Чечне. "Письмо — это воздух, которым солдат дышит 1,5 года" — так закончил одну из своих весточек родным солдат внутренних войск Андрей Голицын, погибший 14 декабря 1995 года. Точнее не выразишь ценность этих письменных свидетельств. "Только один миг" — фотографии, сделанные любителями и профессионалами. На снимках — быт войны, лица ее участников, живых, павших и пропавших без вести. "Стих и песня — о вас" — этот раздел открывается последней прижизненной фотографией нашего боевого друга Анатолия Ягодина, который поет под гитару свои песни. Составители книги выбрали для публикации лучшие работы полковника Александра Чикунова, подполковника Олега Кучевасова, старшего лейтенанта Анатолия Ягодина, солдатской матери Анны Пясецкой и других авторов, чье творчество знакомо и читателям нашего журнала. В разделе

ВАШИ СУДЬБЫ ВОЙНА ПРОТАРАНИЛА...

КНИГА-РЕКВИЕМ О НАШИХ
ЗЕМЛЯКАХ, ПОГИБШИХ В ЧЕЧНЕ

"Боль памяти" очерки и зарисовки о событиях 1994 — 1996 годов, в которых принимали участие уроженцы Брянщины. Здесь рассказ о Герое России майоре Андрее Бочарове, драматическая история известного писателя Николая Иванова, пережившего чеченский плен, заметки Николая Исакова, работавшего в 1995 году в пресс-центре командования Объединенной группировки федеральных войск...

Книга эта — не первое подобное региональное издание. Автору-составителю Алексею Новицкому и всем, кто ему помогал в сложной работе, удалось сделать достойный памятник землякам, честно и мужественно прошедшим фронтовыми дорогами Кавказа.

Отдел военного очерка
и публицистики

Нетрадиционная война**БОРЬБА С ПОВСТАНАЧЕСТВОМ В РОССИИ**

Повстанческие действия в народе известны с глубокой древности. Причины их возникновения и характер были различными. Но конечная цель всех мятежей сводилась к одному — свержению существующего строя.

В советские времена по идеологическим соображениям само понятие "повстанчество" было недопустимым. Считалось, что в условиях социалистической системы не может быть попыток антигосударственных действий. Хотя в действительности борьба против большевиков развернулась уже 1917 году в ходе Октябрьской революции. Да и гражданская война в России в 1918-1920 гг. представляла собой не что иное, как повстанческие выступления различных политических движений.

В первые годы советской власти выступления мятежников возникали довольно-таки часто. В большинстве своем они носили явный антибольшевистский характер. Например, в 1921 году крестьянское восстание, охватившее Тамбовскую губернию, преврати-

лось в настоящую войну против Советов. В 20-е — 30-е годы широкий размах получило басмачество в Средней Азии. И даже в годы Великой Отечественной войны имели место бандитские вылазки на Северном Кавказе. К примеру, на территории Чечни в 1942 году в тылу Красной Армии действовало 247 бандформирований. В послевоенные годы пришлось вести длительную борьбу с бандитизмом на территории Западной Украины, в Прибалтийских республиках и Западной Белоруссии.

Но особый размах повстанческое движение в бывшем СССР получило в перестроечное время в конце 80-х — начале 90-х годов. Идеология националистического экстремизма, охватившая бывшие советские республики Закавказья — Армению, Грузию, Азербайджан, а также Прибалтику и Среднюю Азию, привела к развалу единого государства.

Не имея разработанной законодательно-правовой базы, советское военно-политическое руководство и его Вооруженные силы оказались в сложном положении,

свидетельством чего явилось то, что в некоторых регионах СССР в конце 80-х — начале 90-х годов 26 раз вводилось чрезвычайное положение. Войсковым частям, неоднократно привлекавшимся для "наведения порядка", пришлось выполнять, по сути, полицейские функции. В результате Вооруженные силы оказывались "крайними", когда дело доходило до выявления "виновников" конфликта (тбилисский и вильнюсский "синдромы").

С распадом СССР усилилось проявление сепаратизма на национальной, этнической, социальной и религиозной почве. В особо острую форму он вылился в Чеченской республике, объявившей себя в 1990 году независимой. С учетом реальностей события сложившейся обстановки, в "Основных положениях военной доктрины РФ", принятых в 1993 г., записано, что одним из проявлений внутренней опасности для России является попытка свержения конституционного строя или, говоря другими словами, повстанческие, антигосударственные действия.

Что же подразумевается под термином "повстанчество"? Каково его политическое содержание? Впервые понятия "повстанчество", "повстанческое движение" употреблены в отечественной военной литературе последнего времени в книге "Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской войне", изданной Главным командованием внутренних войск МВД и Институтом военной истории МО РФ с предисловием бывшего министра внутренних дел генерала армии А.С.Куликова. В работе предпринята попытка исследовать мировой и отечественный опыт борьбы с повстанчеством.

Не умаляя научной ценности труда и заслуг авторов, следует, однако, сказать, что понятие "повстанческое движение" квалифицировано в работе недостаточно четко. Оно как бы отождествляется с термином "партизанские действия", с чем в полной мере согласиться нельзя. Повстанцы, по нашему мнению, ничего общего с партизанами не имеют. У них совершенно разные цели, а главное — разная политическая платформа. К примеру, повстанчество типа бандеровщины, получившей развитие во время Великой Отечественной войны, и современная чеченская "басаевщина" ничего общего с прогрессивными освободительными целями не имеют. Это чисто уголовные, бандитские движения.

Среди политических методов можно выделить саботаж, гражданское неповиновение, провоцирование беспорядков, самовольный захват государственных учреждений, проведение агитационно-пропагандистской деятельности, направленной на дискредитацию существующего правопорядка, устройство несанкционированных митингов, шествий, демонстраций.

К числу экономических форм

борьбы, особо чувствительных для населения, относятся создание хаоса в экономике того или иного региона, развал управления производством, на бытовом уровне — дезорганизация торговли, снабжения необходимыми продовольственными и промышленными товарами.

В информационной сфере лидеры повстанчества стремятся использовать подконтрольные им (подкупленные) средства массовой информации, чтобы нагнетать страх, проповедовать безнадежность, безысходность создавшегося трудного положения, недоверие к властям, насаждать панические настроения, культивировать шантаж, угрозы.

Особенно широко используются повстанцами криминогенные формы борьбы в виде устройства диверсий, террористических актов, грабежей, разбоя, поджогов, убийств, нападений на государственных чиновников, массового насилия, мародерства, заложничества.

В военной области повстанчество в высшем своем проявлении выражается в создании независимых (незаконных) вооруженных формирований, организации налетов на военные городки, склады с боеприпасами и вооружением. К примеру, в течение 1991 года и за три месяца 1992-го в Армении и Азербайджане было совершено около 30 нападений на военнослужащих, 78 обстрелов военных городков, свыше 500 хищений боевой техники, автомашин и 2 тысяч единиц стрелкового оружия, осуществлено 12 нападений на воинские колонны.

В зависимости от целей, характера и содержания повстанчество как социально-политическое явление можно условно разделить на шесть основных типов: сепаратистское, реформистское, псевдореволюционное, консервативное,

восстановительное и реакционное.

К сепаратистскому относится такой тип повстанчества, когда националистами-экстремистами оспаривается законность деятельности существующего правительства и ведется борьба за отделение (обособление) определенной территории от государства, на которой намечается установить власть сепаратистского правительства. Ныне в России корни повстанчества этого типа кроются в суверенизации региональных (республиканских) новообразований. Сепаратисты используют известный лозунг о праве наций на самоопределение. На практике в СНГ происходят силовые варианты самосуверенизации (Абхазия, Приднестровье, Чечня).

Сущность повстанчества реформистского типа заключается в том, что оно направлено на изменение (усовершенствование) существующего способа правления государством. Реформисты делают вид, что не оспаривают право правительства выполнять свои функции, но на деле добиваются кардинального изменения внутренней политики государства.

Псевдореволюционные (демагогические) лозунги используются повстанцами для того, чтобы свергнуть находящееся у власти правительство, заменить его правительством другой политической ориентации, добиться переустройства общества, доминирования в нем определенных политических сил, смены институтов власти.

Повстанчество консервативного типа направлено на борьбу со всем новым, прогрессивным.

Повстанчество восстановительного типа стремится свергнуть существующее правительство (руководство) и восстановить прежний режим.

Реакционное повстанчество стремится сбросить находящееся у власти правительство и устано-

вить политическую структуру отдаленного прошлого (движение "Талибан" в Афганистане, стремление исламистов-ваххабитов установить шариатское правление в Чечне, Дагестане, других республиках России).

Стратегия и тактика руководителей повстанческого движения могут быть весьма изощренными. В одном случае они используют стратегию непрямого воздействия на существующий строй ("стратегия Суньцзы"), при которой ставится целью путем распространения провокационных слухов, ложной информации о действиях правительства обвинить его в коррумпированности, продажности, непорядочности, взяточничестве (например, "Рашенгейт" в России в августе 1999 г.).

Довольно широко распространена маоистская стратегия повстанчества, мобилизующая широкие народные массы обещанием лучшей жизни в будущем. Одновременно активизируется психологическое воздействие на колеблющееся население с целью завоевания его доверия, ставится задача заставить правительство признать легитимной повстанческую борьбу, организовать движение сопротивления ("пятую колонну"), обеспечить массовую заброску из зарубежья диверсионно-разведывательных групп, специальных террористических сил.

Повстанческое движение внутри страны становится особо опасным, когда оно получает широкую поддержку из-за рубежа. Сейчас в США, других странах НАТО издано немало трудов и официальных руководств по организации и поддержке повстанческого (партизанского) движения в других государствах. В их числе книги П.Парет и Дж.Шай "Партизаны 60-х годов"; Ч.Диксона и О.Гейльбруна "Коммунистические партизанские действия". Широкое распространение на Западе получило

"Руководство по ведению партизанской войны", разработанное генеральным штабом ВС Швейцарии в 1987 году, а также пособие, подготовленное в Иране и распространенное в 80-х годах среди мятежных отрядов в Афганистане.

В основу организации повстанческого движения западные специалисты обычно берут правила, изложенные в книге "Коммунистические партизанские действия", в которой отмечается, что надлежит поддерживать контакт с нашими друзьями, находящимися в стане противника, сеять разногласия между различными слоями граждан, добиваться поддержки своих политических целей, организовывать диверсионно-подрывную деятельность и т. д.

Для решения этих задач в последние десятилетия в ряде зарубежных армий в значительном количестве стали создаваться специализированные части, на базе которых в кризисной обстановке планируется развернуть повстанческое движение на территории противника. Оптимальными условиями для проведения подрывной деятельности считается внутренний региональный, межконфессиональный конфликт. Мероприятия по организации повстанчества рекомендуется проводить в следующей последовательности. Предварительно наладить психологическую обработку населения, по возможности используя СМИ противника; установить контакты с лидерами националистических, экстремистских сил; в последующем систематически проводить активные пропагандистские кампании; способствовать организации антиправительственных выступлений, стачек, саботажа, создавать подпольные повстанческие формирования.

В военное время основной формой борьбы повстанческих сил считаются боевые действия, проводимые силами иррегулярных

формирований, создаваемых в основном из местного населения (бандеровщина). Цель проводимых ими операций заключается в том, чтобы создать постоянный, активно действующий фронт в тылу противника, дополнить, поддержать, расширить ведение наступательных, оборонительных действий регулярных войск, дезорганизовать работу коммуникаций, функционирование тыла, держать в постоянном психологическом напряжении вражеские войска, создать обстановку "горящей земли".

Опыт показывает, что повстанческое движение получает широкие масштабы, если оно опирается на активную поддержку местного населения, выражает его интересы, если налажено четкое централизованное руководство им, регулярное снабжение из зарубежья оружием, боеприпасами, продовольствием. Становится очевидным, что успех борьбы с повстанчеством зависит от решения трех главных задач. Первая — завоевать доверие населения в регионе путем эффективного проведения информационно-политических мероприятий. Вторая — изолировать регион от источников пополнения оружием и материальными средствами извне. И третья — решительно проводить специальные операции по разгрому незаконных вооруженных формирований, уничтожать их базовые центры, склады, опорные пункты и т. д.

Нельзя не учитывать, что внутреннее положение России ныне создает определенные предпосылки для разжигания повстанческих действий. Особенно на почве проявления агрессивного национализма, смякающегося с религиозным фанатизмом (пример Дагестана).

Российская Федерация — сложное многонациональное государ-

ственное образование, вобравшее в себя свыше 100 наций и народностей. При этом только в шести российских республиках свыше 50 процентов населения составляют титульная нация. Основное проявление межнациональных конфликтов — насилие, групповое нарушение общественного порядка и массовые беспорядки, сопровождающиеся поджогами, погромами. Одной из мер по стабилизации обстановки является введение правового режима чрезвычайного положения на территории, где возникли конфликтные ситуации.

Одним из важных признаков сигнализирующих о перерастании конфликта в более опасную стадию, как показали события в Фергане, Сумгаите, Кировабаде, Душанбе, Оше, Узгене, Северной Осетии, Ингушетии, Чечне и других регионах, является резкое обострение криминогенной обстановки. Так, если в начале 1990 г. в Ошской области рост преступности составил 20 — 30 процентов по отношению к 1989 г., то к началу конфликта (июнь 1990 г.) он приобрел галопирующий характер. Особенно возросло количество тяжких преступлений.

Поскольку опасность повстанчества на территории России в последнее время неуклонно возрастает, возникает настоятельная необходимость принятия ряда неотложных мер по предотвращению или разрешению конфликтов. Представляется, что назрела необходимость разработки концепции противоповстанческой борьбы, которая станет руководством к действию. Она должна разрабатываться на государственном уровне, поскольку затрагиваются не только военные, но и политические, экономические, идеологические и информационные вопросы, направленные на выявление истоков повстанчества и борьбу с ним. Концепция должна аккуму-

лировать мировой и отечественный опыт противоповстанческой борьбы, чтобы избежать ошибок прошлого.

Главенствующий принцип противоповстанческой борьбы заключается в том, чтобы она была обеспечена законодательно, основывалась на международных и национальных правовых нормах. К настоящему времени такая законодательная база у нас, в отличие от США, западноевропейских государств, разработана не полностью. Прежде всего юридические аспекты привлечения Вооруженных сил для борьбы с антиконституционными выступлениями экстремистских, националистических сил. Это исключительно важно, поскольку привлечение армии для подавления массовых беспорядков внутри страны всякий раз вызывает болезненную реакцию в обществе и отрицательно сказывается на морально-боевом настроении личного состава. Надо признать ошибочность длительное время господствовавшего в отечественной военной политике утверждения об отсутствии у наших Вооруженных сил внутренней функции. Функция эта есть, она объективна и необходима обществу. Ее законодательное обоснование позволит расширить сферу взаимодействия армии с другими силовыми структурами, включая в нее целый ряд задач мирного времени.

В основе противоповстанческой борьбы должны лежать превентивные мероприятия. Надо стремиться упреждать развитие конфликтных ситуаций, не допуская вооруженных столкновений. Одной из важных предпосылок эффективности решения задачи предотвращения развития конфликтной ситуации является правильное прогнозирование складывающейся криминогенной обстановки в регионе, что даст возможность заблаговременно

принимать меры по нейтрализации конфликта.

Сущность принципа гибкости, дипломатичности и расчетливости действий в противоповстанческой борьбе заключается в том, чтобы выбрать рациональные пути и способы разрешения конфликта. Опыт показывает, что с целью локализации и нейтрализации повстанческих действий могут применяться как силовые, так и дипломатические методы. Одним из них является заключение перемирия. Этот метод перспективен как тактический прием, чтобы выиграть время, добиться прекращения огня, развода конфликтующих сторон, осуществления гуманитарных мероприятий (эвакуации и обустройства беженцев, ликвидации последствий общественных беспорядков). Недостатком перемирия является его непрочность, временный характер, отсутствие гарантий исполнения сторонами принятых обязательств. Во время чеченской военной кампании 1994-1996 гг. чеченские боевики использовали перемирие для восстановления боеготовности своих разгромленных формирований и вывода их из-под удара.

Наиболее предпочтительным в ликвидации конфликта с политической точки зрения является заключение договора о согласии. При этом может быть найдено паритетное решение по всем пунктам разногласия.

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что в разрешении конфликтов не может быть единых рецептов. В конкретной ситуации всегда приходится принимать оптимальное решение.

При разрешении внутреннего конфликта существуют два подхода: институциональный и инструментальный. Институциональный подразумевает создание сети организаций, особой инфраструктуры предотвращения и урегулиро-

вания кризисных ситуаций. Такая инфраструктура должна включать в себя институты национального, регионального и глобального уровня и быть направленной на стратегическое прогнозирование и разрешение конфликта.

Инструментальный подход состоит в подборе и умелом сочетании конкретных мер (инструментов) регулирующего воздействия. В свою очередь, его можно разделить на две категории: оперативные и тактические решения. Оперативные связаны с некоторыми разовыми, или эпизодическими действиями, направленными на ограничение разрастания конфликта (разоружение боевиков, разъединение конфликтующих сторон, усиление охраны жизненно важных объектов) или на устранение последствий конфликтных ситуаций — размещение и обустройство беженцев, восстановление разрушенных зданий, коммуникаций и т. п.

Тактические решения направлены на урегулирование уже возникших конфликтов путем силового давления на их участников или посредством налаживания переговорного процесса.

Обстановка во взрывоопасных регионах может сложиться так, что для преодоления существующего кризиса помимо политических решений потребуются силовые методы поддержания стабильности в форме введения правового режима чрезвычайного положения. Мера эта крайняя и обостряющая. Здесь нужна тщательная, всесторонняя оценка ситуации. Если местное население всецело поддерживает действия федеральных властей по наведению правопорядка, то эффект можно ожидать положительный. В противном случае это приведет к дискредитации правительственных решений и затягиванию конфликтной ситуации.

Здесь уместно обратиться к

анализу опыта, который приобретен в СССР, а затем и в России в конце 80-х — начале 90-х годов. По оценке экспертов практически ни в одном из регионов, где вводился режим чрезвычайного положения, не было достигнуто должного результата. Главной причиной того являлись запоздалые решения федеральных органов, плохое знание обстановки на местах. Вот один из типичных примеров.

21 ноября 1992 г. Указом Президента России было введено чрезвычайное положение на территории Северной Осетии и Ингушетии. Обстановка к тому времени в этих республиках практически вышла из-под контроля федеральных властей, стала неуправляемой. Поэтому самые крутые неординарные меры, принятые назначенной президентом временной администрацией — запрет массовых мероприятий, указание провести у населения изъятие оружия, установление комендантского часа, особого режима въезда и выезда, — ни к чему не привели.

Кровавые стычки между осетинами и ингушами, грабежи, мародерство продолжались, количество ингушских беженцев увеличилось до 60 тысяч человек, а осетинских — превысило 25 тысяч.

Усилия военных властей были поистине колоссальными. В районе чрезвычайного положения создали Объединенное командование силами МВД и ВС в районе чрезвычайного положения. В его состав вошли командующий ОГВ и штаб; оперативная группа Северо-Кавказского военного округа; оперативная группа ВДВ; оперативная группа МВД; оперативная группа ВВС; оперативная группа общевойсковой армии; оперативная группа армейского корпуса; представители МВД и ОМОН Северной Осетии; представители общевойсковой командного училища и Владикавказского училища внутренних войск.

В составе группировки войск насчитывалось до 50 тыс. человек; около 90 танков; четыре дивизиона 152 мм самоходных гаубиц "Акация"; два дивизиона реактивных систем залпового огня "Град"; два отдельных противотанковых дивизиона; две эскадрильи боевых вертолетов Ми-24. И все это практически оказалось бесполезным из-за отсутствия политического решения. Конфликт удалось заглушить, но не разрешить.

Возвращаясь к рассмотрению принципов, лежащих в основе концепции противоповстанческой борьбы, особое внимание необходимо обратить на принцип всестороннего обеспечения проводимых мероприятий, и в первую очередь на информационно-психологическое обеспечение. На период разрешения конфликтной ситуации, вызванной повстанческими действиями, надлежит создавать чрезвычайную комиссию по организации и ведению информационно-психологических операций. Ее функция должна заключаться в том, чтобы централизовать на федеральном уровне усилия всех средств массовой информации по вскрытию антинародной, бандитской сущности повстанцев, по разоблачению их лживой пропаганды и показу оправданности и справедливости акций, проводимых федеральными властями по наведению конституционного правопорядка в регионе. В качестве положительного примера можно привести опыт, приобретенный в ходе борьбы с ваххабитами в Дагестане.

**Генерал-майор в отставке
Иван ВОРОБЬЕВ,
доктор военных наук,
профессор,
полковник Валерий КИСЕЛЕВ,
доктор военных наук**

1730 — 1800

Биографию столь парадоксального человека, каким был Суворов, и начнем с небольшого парадокса.

22 сентября 1786 года Суворов написал краткую автобиографию, предпослав ей небольшую справку

Его автобиография начинается так: "В 1622 году, при жизни Михаила Федоровича, выехали из Швеции Ноум и Сувор, и по их челобитью приняты в Российское подданство. Именуемые честные мужи разделились на разные поколения и по Сувору стали называться Су-

Вольдемар БАЛАЗИН

Александр Васильевич СУВОРОВ

о своем родословии. Парадокс же наш будет состоять в том, что начнем этот очерк не с первых, а с последних фраз написанной им биографии.

"Потомство мое прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божиим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству, убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы через истину и добродетель, которые суть стали моим символом. Не для суеты, но для онаго я в сие плодovitое описание вошел; некие происшествия я забыл и не помню верификациев чисел и имен, не имевши у себя никаких записок".

И это действительно так: в краткой биографии многого нет, многое — плод чистосердечных заблуждений и неизбежных провалов памяти.

Восстановим же то, что можно, опираясь на документы и труды сонма историков, сделавших своею специальностью изучение жизни четвертого русского генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

воровы. Сим и другим их поколениям за Крымские и иные походы жалованы были поместья до государственования Петра Первого.

Его Величество отцу моему, Василью Ивановичу, был восприемником" (то есть крестным отцом).

Однако уже вскоре стараниями российских историков родословная Суворова "удревнилась" и стала выглядеть совсем по-иному. Первым документально известным предком Суворова считают некоего новгородца, русского человека по имени Иуда, по прозвищу Сувора, что означало "суровый".

Один из его потомков, живший при Федоре Иоановиче в городе Кашине — Парфений Суворов — стал основателем той ветви рода, в седьмом колене которой и появился будущий генералиссимус.

По исследованиям современных историков, Суворовы издавна жили в Москве. Документально установлено, что прадед великого полководца — Василий Адрианович — в 1650-е годы был подьячим приказа Большого дворца.

Биографы А.В. Суворова часто пишут, что Василий Адрианович

**За веру
и ревность**

Девиз на княжеском гербе А.В. Суворова

ЮБИЛЕИ

был в конце жизни протоиереем одного из соборов Кремля, однако последние исследования не подтверждают эту версию.

Дед полководца — Иван Григорьевич — уже с 1710 года был генеральным писарем Преображенского и одновременно Семеновского полков. У него было четыре сына, из которых самый младший — Василий, родившийся в 1708 году, стал через 22 года отцом будущего генералиссимуса.

Василий Иванович упорно и плодотворно занимался самообразованием, чем и обратил на себя внимание Петра I. В 1722 году четырнадцатилетний мальчик стал денщиком царя, а после его смерти, произошедшей через три года, был переведен в Преображенский полк бомбардир-сержантом.

В 1727 году он получил первый офицерский чин — прапорщика, и так как к тому же был небогат, то и женился на не слишком богатой и незнатной дворянке — Евдокии Федосеевне Мануковой. Ее отцом — дедом будущего генералиссимуса по материнской линии — был Федосей Семенович Мануков, прослуживший почти шестьдесят лет и в конце жизни ставший чиновником довольно высокого ранга — воеводой в Санкт-Петербурге.

Семья Мануковых, так же, как и Суворовых, коренных москвичей, имела несколько дворов на улицах между Арбатскими и Никитскими воротами. И Мануковы, и Суворовы были прихожанами церкви Федора Студита, где были похоронены многие их родственники.

Федосей Семенович Мануков оставил обширное домовладение с несколькими постройками двум дочерям — Евдокии (Авдотье) Суворовой и Прасковье, бывшей замужем за полковником Скарятинным.

Там, в доме своей жены, и жил прапорщик В.И. Суворов, когда у них 13(24) ноября 1730 года родился мальчик, названный Александром. Дома, где родился будущий великий полководец, давно уже нет, но место, где он когда-то стоял, можно указать точно — это сад в домовладении № 14 по Арбату.

В 1740 году родители продали свой арбатский двор и дом и пере-

ехали в село Покровское, купив дом на берегу Яузы (ныне улица Бакунинская, участок домовладения № 90). Здесь Александр Суворов и провел детство и юность.

Отец был занят службой и хлопотами по хозяйству. Был он небогат и очень скуп и потому не нанимал учителей и гувернеров. И хотя Саша был предоставлен самому себе, все же он рано научился грамоте, сделав чтение одним из любимых своих занятий. Его героями с детства стали Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал, а любимыми книгами — труды по военной истории.

Из-за того, что был он мал ростом и тщедушен, отец полагал, что сын пойдет по гражданской линии, но всемогущий случай переменял его намерения. Осенью 1742 года, когда Саше шел двенадцатый год, к Василию Ивановичу заглянул инженер-генерал Абрам Петрович Ганнибал — арап Петра Великого. Пересмотрев книги мальчика, Ганнибал затем побеседовал с ним самим и настоятельно порекомендовал готовить Сашу к военной службе.

23 октября 1742 года Александр сын Васильев Суворов был записан мушкетером в лейб-гвардии Семеновский полк, но тотчас же получил домашний отпуск для подготовки к действительной военной службе.

Мальчик подошел к этому не просто серьезно. Он стал истово, не жалея времени и сил, готовиться к военному поприщу. Теперь он читал труды по военному искусству, знакомясь, кроме великих полководцев древности, с более близкими к нему по времени Петром I, Карлом XII, походами и жизнеописаниями австрийского фельдмаршала Монтекукули, французского принца Луи Конде, прозванного Великим, его современника — маршала Франции Анри Тюренна, австрийского генералиссимуса Евгения Савойского, маршала Франции Морица Саксонского, который как раз в эти годы потрясал воображение современников своими блистательными победами над австрийцами, англичанами и голландцами.

Все эти военачальники, кроме Петра I и Карла XII, по существо-

вавшим тогда международным канонам назывались великими полководцами, и впоследствии, еще при жизни Суворова, к их когорте причислены были прусский король Фридрих II Великий и Наполеон Бонапарт. Почти через сто лет после Бонапарта великим полководцем стали называть и Суворова. Причем провозгласили его великим не только поэты и прозаики, но профессора всех военных академий мира, а такое признание было столь же важным, как в христианстве — причисление к лику святых.

Но все это будет гораздо позже, а пока Саша Суворов быстро и легко осваивает латынь, немецкий и французский, изучает географию по Роллену, а историю — по Пюбнеру. С азами философии он знакомится по книгам Христиана Вольфа — учителя Ломоносова, академика Петербургской академии наук и великого Лейбница, а фортификацию и артиллерию преподает ему сам Василий Иванович, ставший к этому времени прокурором Берг-коллегии с чином полковника.

Помимо книжных штудий, мальчик целеустремленно закаляет себя под дождем и снегом, занимаясь и многочасовыми конными скачками, и долгими пешими переходами.

В 1744 году семью Суворовых постигает первое большое горе — умирает Авдотья Федосеевна, оставив на руках тридцатишестилетнего вдовца тринадцатилетнего сына и только что родившуюся дочь Анну. Покойную похоронили в церкви Федора Студита рядом с ее матерью и отцом.

Время шло. 25 апреля 1747 года, все еще находясь дома, Александр был произведен в капралы, а 1 января 1748 года начал действительную службу в лейб-гвардии Семеновском полку.

Служил он в 3-й роте, служил образцово, исполняя всякий приказ и поручение с величайшей точностью. В бытность его капралом произошел с ним такой случай. Он стоял в карауле у павильона Монплеизир в Петергофе. Проходившая мимо императрица Елизавета Петровна остановилась возле него и спросила,

как его зовут. Узнав, что он сын Василия Ивановича, императрица протянула ему рубль, но Суворов отказался, объяснив, что устав караульной службы запрещает часовому брать деньги.

“Молодец, знаешь службу”, — похвалила его Елизавета Петровна, потрепала по щеке и дала поцеловать руку. “Я положу рубль на землю, к ногам твоим, а как смеишься — возьми его”, — добавила она. Потом этот рубль — петровский, серебряный, называемый “крестовиком”, Суворов хранил всю жизнь, почитая его своей первой наградой.

16 февраля 1749 года в составе “московской команды” полка его откомандировали в Первопрестольную по случаю очередной поездки туда Елизаветы Петровны. 22 декабря 1749 года он получил чин подпрапорщика и еще через полтора года — 8 июня 1751 года — был произведен в сержанты. 9 марта 1752 года ему было дано первое серьезное поручение: его отправили в Берлин и Вену с депешами, и не последнюю роль в этом сыграло знание немецкого и французского языков.

Вернувшись из-за границы в конце октября, он сразу же был определен в Москву и оставался там до весны следующего года, сопровождая двор, как и три года тому назад. Наконец 25 апреля 1754 года Суворов получил первый офицерский чин и был выпущен поручиком с назначением не в гвардию, а в армейский Ингерманландский пехотный полк, один из старейших полков русской армии, сформированный еще в 1703 году.

В это же время Суворов увлекается сочинительством стихов, часто посещая Сухопутный кадетский шляхетский корпус, где Александром Сумароковым — преподавателем этого корпуса — был создан любительский театральный кружок, игравший его собственные пьесы. Увлечение поэзией сопровождало Суворова всю жизнь, даже письма своей дочери Наташе он писал в стихах.

В “Ежемесячных сочинениях” Академии наук в 1756 г. под иници-

алами “А.С.” (что впоследствии было причиной того, что это сочинение Суворова — “Разговор в царстве мертвых” — было приписано А. Сумарокову) он выступил как литератор, правда, не очень удачно, ибо всю свою жизнь и писал, и говорил очень своеобразно и во многом неправильно, точнее, не так, как говорили окружающие.

Первая награда

В Ингерманландском полку, расположенном неподалеку от Санкт-Петербурга, Суворов прослужил до 17 января 1756 года и был переведен на должность оберпровиантмейстера с присвоением звания капитана, став интендантом по настоянию отца, который в это время был уже генерал-майором и членом Военной коллегии.

Суворов уехал в Новгород для наблюдения за складами с провиантом, вступив в новую для себя интендантскую службу, которая пошла у него гораздо успешнее, чем служба строевая: уже 4 декабря того же года он был произведен в премьер-майоры и отправлен на формирование резервных батальонов в пехотные полки армии фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина.

Эта армия через три недели стала действующей, так как ей предстояло дви-

нуться в Восточную Пруссию и начать боевые действия против войск Фридриха II, вступив в войну, которая вошла в историю как Семилетняя. В декабре 1756 г. Суворов не знал, какую роль предстоит сыграть ему в этой войне, хотя получил в ней и свое боевое крещение, и первое ранение, и первую боевую награду.

В начале войны он все еще служил по интендантству, заведя этапным пунктом в Курляндии и занимаясь сплавом по Неману провианта для гарнизона крепости Мемель (ныне Клайпеда, Литва). В 1758 году он все еще вне строя, состоит в Курляндии и Лифляндии на службе по формированию третьих батальонов для полков двухбатальонного состава. Дела у Суворова идут столь успешно, что в мае 1758 года он становится подполковником и приводит на театр военных действий семнадцать сформированных батальонов. После этого остался он при армии, но без определенной должности и лишь через полтора года был назначен обер-кригс-комиссаром, оставаясь, как и прежде, интендантом.

1 августа 1759 года стал он очевидцем, но, увы, не участником самого крупного сражения Семилетней войны — битвы при Кунерсдорфе, когда на поле боя сошлись 60-тысячная русско-австрийская армия, которой командовал фельдмаршал Петр Семенович Салтыков, и 48-тысячная прусская, которой командовал сам король Фридрих II.

На глазах Суворова прусская армия была разгромлена, и можно себе представить, что он испытывал, не имея возможности принять участие в этом сражении!

Он не мог оставаться дольше в интендантстве и упросил отца добиться перевода в действующую армию. Отец выполнил просьбу, но довольно своеобразно: определив сына на генеральскую должность — “генерального и дивизионного дежурного” при главнокомандующем армией генерал-аншефе Виллиме Ферморе. Лишь в июле 1761 года желание Суворова сбылось — он

ЮБИЛЕИ

был назначен начальником штаба в летучем отряде генерал-поручика Г. Берга. С этого времени началась его истинно боевая служба...

Вскоре Суворов стал командиром кавалерийского отряда, сразу же завоевав славу лихого офицера, "быстрого при рекогносцировке, отважного в бою, хладнокровного в опасности", как характеризовал его Берг.

В служебном формуляре, названном "Список италийского графа Суворова-Рымницкого, по форме, разосланной в войска Государственной Военной Коллегиию", о службе его во время Семилетней войны записано, что "в 1761-м при корпусе генерал-поручика Берга был в июле под Бригом, при Бреславской канонаде; в августе при продолжившемся через целый день с королем Прусским близ монастыря Вальтштадта при деревнях Гросс и Клайн-Вандрис сражении и потом при самом том Вальтштадте, под городом Швейдницом при занятии легкими войсками в разные времена Штригафских, Пичбергских и Хохспозерицких гор со знатым неприятельским уроном".

Затем в "Списке" сообщается, что в сентябре 1761 года Суворов атаковал войска генерала Платена, переплыв с казаками реку Нетцу, и совершенно неожиданно для противника ворвался в город Ландсберг, захватив более тридцати пленных. Когда же к городу подошел Платен, Суворов приказал сжечь мост через Нетцу и тем воспрепятствовал продвижению неприятеля. После того в Восточной Пруссии, под городом Беренштайном, разбил он три неприятельских эскадрона и захватил в плен семьдесят прусских гусар и драгун.

В октябре Суворов провел еще две "знатных баталии": при деревне Вест-Энтине взял в плен целый прусский отряд вместе с подошедшим на выручку подкреплением, а затем успешно штурмовал город Голнау. Суворов первым ворвался в городские ворота. Под ним пала лошадь, а он был тяжело контужен.

Ноябрь принес Суворову новые победы: при Регенсвальде, командуя Тверским драгунским полком, он разбил и обратил в бегство три

пехотных батальона и несколько эскадронов, взял множество пленных, а потом в Померании при деревне Фарцин, близ местечка Наугарт, одержал победу, взяв в плен более ста grenадер и мушкетеров. Год закончил он в боях под крепостью Кольберг и под Старградом.

Всего же, считал Суворов, с середины и до конца 1761 года был он в 60 стычках. За эти полгода Суворов стал одним из лучших боевых офицеров в корпусе генерал-поручика Петра Александровича Румянцева. Казалось, что из-под спуда вырвались на свободу те его качества, за которые получил он прекрасную аттестацию своего непосредственного начальника Берга, а Румянцев добавил к этому, что, будучи пехотным офицером, Суворов отменно руководит и конницей.

Так в конце 1761 года завершилась его первая кампания.

Семилетняя война вскоре закончилась. Умерла императрица Елизавета Петровна, а вступивший на престол Петр III, ярый поклонник прусского короля Фридриха II, тут же заключил с ним мир.

Окончание войны застало Суворова в Петербурге. 26 августа был он произведен в полковники и получил в команду Астраханский пехотный полк.

Семь с половиной месяцев командовал Александр Васильевич этим полком.

За это время, пожалуй, лишь один эпизод требует непременно упоминания: в первый же месяц командования полком прибыл к Суворову пятнадцатилетний капитан Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, получив под свое начало роту. Сохранился и формулярный список, составленный в феврале 1763 года, в котором Суворов характеризовал Кутузова так: "В должности звания своего прилежен и от службы не отбывает, подкомандных своих содержит, воинской экзерциции (строевой подготовке. — В.Б.) обучает порядочно и к сему тщание имеет, лениности ради больным не рапортовался и во всем себя ведет так, как честному обер-офицеру подлежит, и как по чину своему опрятен, так и

никаких от него не порядков не происходит.. чего ради по усердной его службе к повышению чина быть достоин".

6 апреля 1763 года Суворов был назначен командиром Суздальского пехотного полка, расквартированного в Новой Ладоге, в 140 верстах к северу от Петербурга, а Кутузов остался в полку Астраханском. На какое-то время пути двух будущих великих полководцев разошлись, чтобы затем сойтись на полях сражений в Польше, на Дунае, в Таврии...

В Суздальском полку Суворов начал важный эксперимент — обучение по новому собственному уставу, который основывался на практике армейской жизни. Решающее значение в обучении солдат Суворов придавал нравственному элементу. Он понимал, что для этого следует узнать солдатскую душу и сродниться ее со своими подчиненными, понять их и найти слова, близкие их уму и сердцу. И потому Суворов, как говорил он сам, был все время среди солдат "и майором, адъютантом, вплоть до ефрейтора". Он обходился солдатской кашей и черным хлебом, спал на сене, ходил по лагерю в старой grenадерской куртке, а летом — в холщовой нижней рубахе.

Учения в полку чаще всего были короткими, проходили в поле, в лесу, иногда же это были длинные, трудные походы, днем и ночью, в непогоду, в морозы и слякоть, с форсированием рек и даже со штурмом "фортеций".

Солдаты-суздальцы отличались тем, что "каждый из них знал свой маневр, и что еще важнее — мог возражать старшему, если был способен предложить лучшее решение. Единственное условие: чтобы такое возражение "делалось пристойно, наедине с начальником, а не в многолюдстве, иначе будет буйством".

Суворов всячески сохранял здоровье солдат, полагая главными средствами чистоту, умеренность и постоянный труд, который считал "здоровее покоя", и непременно доброкачественную свежую пищу.

Он и сам был для солдат примером: не имел ни собственного экипажа, ни выездных лошадей, обхо-

дьясь казацкими конями. Спать ложился рано, вставал в два часа ночи. При наводке мостов, устройстве фортификационных сооружений и установке батарей работал наравне с солдатами. В Суздальском полку построены были удобные и теплые казармы, церковь и школа, в которой Суворов преподавал разные предметы. Возле лагеря был посажен фруктовый сад, урожай шел в полковой котел.

22 сентября 1768 года Суворов был произведен в бригадиры — последний офицерский чин, после которого шли уже чины генеральские.

В ноябре суздальцам было приказано выступить к польской границе, чтобы действовать против польских повстанцев-конфедератов.

Форсирование реки Нетцы

тов. За месяц суздальцы прошли 850 верст в дождь и распутицу и прибыли в Смоленск, почти не имея больных и отставших. Здесь Суворов был назначен командиром бригады, а суздальцы стали одним из трех ее полков. Зимой 1768—1769 годов бригада провела в Смоленске и весной 1769 года вышла к польской границе в местечке Ляды. После нескольких стычек с повстанцами бригада Суворова двинулась к Варшаве и 19 августа вошла в варшавское предместье Прагу. 21 августа Суворов разбил отряд Котлубовского, а еще через два дня — рассеял конфедератов у местечка Закрочим, после чего ринулся к Орехову, где после

ожесточеннейшего сражения разбил отряд братьев Пулавских, отец которых был маршалом мятежной Конфедерации.

После этого командующий русскими войсками в Польше генерал-поручик И.И. Веймарн назначил Суворова начальником Люблинского участка, занимавшего ключевую позицию, откуда можно было посылать отряды и в Польшу, и в Литву, и к австрийской границе.

За весь 1770 год Суворов лишь дважды — под Опатовым и Наводницей — имел "дело" и в обоих случаях одержал победу. А в начале февраля 1771 года Суворова постигла первая неудача: он без боя занял местечко Ланцкрану, но далее при штурме замка потерял 250

мог, и начал преследовать самый сильный повстанческий отряд, которым командовал великий гетман литовский граф Огинский. Веймарн, узнав о своеволии Суворова, послал ему несколько приказов, запрещавших его действия, но Суворов проигнорировал ордера Веймарна и 13 сентября разбил Огинского под Столовичами, а вслед за тем в Плиске захватил штаб и свиту гетмана.

Генерал-поручик Веймарн пожаловался на Суворова императрице, но это возымело обратное действие: в декабре 1771 года он был награжден орденом Александра Невского.

Разгромив отряды Огинского, Суворов решил, что кампания окончена, но жестоко ошибся. Внезапно для него возле Кракова появились конфедераты, которыми командовал французский полковник Шуази. В ночь на 22 января 1772 года Шуази захватил сильный краковский замок и за два дня довел его гарнизон до тысячи человек. Суворов не замедлил подойти к замку, но у него не было осадных орудий, а без этого цитадель взять было невозможно. Три недели простоял Суворов под стенами крепости, пока наконец не решился на штурм. Солдаты бросились на стены в два часа ночи 18 февраля. К шести часам русские отступили, понеся большие потери. Суворов вынужден был перейти к строгой осаде. В начале апреля прибыла осадная артиллерия и с первых же залпов обрушилась часть стены у ворот и пробила несколько брешей.

12 апреля поляки выбросили белый флаг...

25 июля 1772 года большая часть Польши была разделена между Россией, Пруссией и Австрией.

В октябре Суворов выступил в обратный поход и, прибыв в Петербург, был прикомандирован к Петербургской дивизии. Недолго довелось наслаждаться мирной жизнью. Уже в феврале он отправляется на финляндскую границу для того, чтобы произвести скрытную рекогносцировку в ожидании войны со Швецией.

Однако, не дожидаясь начала

человек, сам был ранен, под ним пала лошадь, и ему впервые в жизни пришлось отступить.

Однако Суворов быстро пришел в себя, разбил встретившиеся на пути отряды Саввы и Пулавского и, присоединив к себе еще более тысячи русских солдат и офицеров, 10 мая внезапно появился под Краковым возле Ланцкраны, подошел к замку и взял цитадель всего за полчаса. Противник потерял до 500 человек. Екатерина за этот выдающийся по быстроте и натиску штурм наградила Суворова орденом Святого Георгия 3-го класса.

Награда воодушевила полководца: Суворов самочинно собрал под свою команду всех, кого только

русско-шведской войны, которая грянула лишь через полтора десятилетия. Суворов попросился на турецкий театр в 1-ю армию Григория Александровича Потемкина. В апреле его просьба была удовлетворена, и в первых числах мая, преследовав через Яссы, Суворов нагнал дивизию генерал-поручика графа Николая Ивановича Салтыкова, который назначил Александра Васильевича командиром отряда, стоявшего на левом фланге его дивизии под монастырем Негоешти.

На противоположном берегу Дуная, против монастыря, лежал сильно укрепленный городок Туртукай, который Суворов решил захватить, а так как войск у него было в два раза меньше, чем у противника, то он рассчитывал компенсировать этот недостаток внезапностью нападения. Должна была помочь и речная флотилия, стоявшая на притоке Дуная — реке Аргис.

Суворов еще только шел от Негоешти к устью Аргиса, как вдруг узнал, что турки силою до девяти сот пехотинцев и конников высадились десантом. Суворов тут же бросился им навстречу и, неожиданно напав на противника, обратил его в бегство. Затем флотилия форсировала Дунай и высадила десант, который сразу же перешел в атаку и вел ее "с храбростию и фурией российских войск". Суворов сам вел солдат на приступ, был ранен и контужен осколками разорвавшейся рядом с ним пушки, и в бою за турецкий лагерь в рукопашной схватке его едва не закололи янычары. Атака, начатая в час ночи, была завершена к четырем часам утра.

Суворов вывел из Туртукай всех христиан — болгар, армян и греков и сжег город дотла.

Русские потеряли 26 убитыми, 42 ранеными. Потери турок равнялись полутора тысячам. Пленных из-за ожесточенного боя русские не брали. После полудня войска отплыли обратно в Негоешти, и турки тут же заняли Туртукай. Тогда в ночь с 16 на 17 июня Суворов совершил второй поход на Туртукай, вновь выбил гарнизон, прогнал неприятеля и отошел к крепости Гирсов. В ночь на 3 сентября турки по-

В бою за Туртукай

дошли к крепости силами до шести тысяч кавалеристов. Спешившись, они стремительно пошли на штурм, но были отбиты. В этом бою отличилась бригада Андрея Степановича Милорадовича — отца будущего соратника Суворова Михаила Андреевича, которому предстояло совершить знаменитые подвиги в походах с Суворовым и в Отечественной войне 1812 года. Бригада Милорадовича ударила по противнику одновременно с войсками Суворова, и русские кавалеристы гнали неприятеля 30 верст.

На этом закончился первый этап русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Суворов взял отпуск и в ноябре 1773 года уехал к отцу в Москву.

Отпуск этот не был случайностью, а состоялся по настоянию Василия Ивановича, подыскавшего для единственного сына, которому уже пошел 44-й год, знатную, хорошенькую и неплохо образованную невесту, 24 лет от роду, отцом которой был отставной генерал-аншеф князь Иван Андреевич Прозоровский. Прозоровские входили в русскую аристократическую элиту: так, например, тетка невесты — Екатерина Михайловна Голицына — была женой П.А. Румянцева.

Отец невесты промотал состоя-

ние, и потому Варвара Ивановна была бедна, а приданое — всего в пять тысяч рублей — дали ей князь Голицыны, и потому можно считать этот брак, со стороны Прозоровских, браком по расчету.

18 декабря состоялась помолвка, 22-го прошло обручение и 16 января 1774-го — венчание и свадьба. Венчание происходило в церкви Федора Студита, прихожанами которой Суворовы и Мануковы были много лет. Забегая вперед, заметим, что семейная жизнь супругов Суворовых не задалась. Один из лучших биографов полководца, историк В.А. Алексеев писал, что "судьба судила этой женщине быть женой гениального полководца, и она не может пройти незамеченной. Она, как Екатерина при Петре, светила не собственным светом, а заимствованным от великого человека, которого она была спутницей. Своего жребия она не поняла и не умела им воспользоваться в значительной степени по своей вине, а таких людей нельзя оправдывать, их можно только прощать".

(Продолжение следует)

ВОЙСКА НКВД НА ЗАЩИТЕ МОСКВЫ

Битва под Москвой, сорвавшая гитлеровский план молниеносной войны, состояла из оборонительной (с 30 сентября по 5 декабря 1941 года) и наступательной (с 5 декабря 1941 года по 20 апреля 1942 года) операций советских войск. Вместе с частями РККА столицу мужественно обороняли бойцы войск НКВД.

На Московском направлении действовали отборные немецко-фашистские войска группы армий "Центр" под командованием хвального гитлеровского фельдмаршала фон Бока. Вражеская группировка в начале боевых действий насчитывала 1 млн. 800 тыс. человек живой силы, 1700 танков, свыше 14 тыс. орудий и минометов и 1390 самолетов. Это составляло 38 процентов пехотных и 64 процента танковых и моторизованных дивизий противника, действовавших на советско-германском фронте. Операция вермахта, целью которой являлся захват Москвы, имела кодовое наименование "Тайфун". Однако фашистские стратеги просчитались — их тайфун разбился о стойкую оборону советских войск.

Группе армий "Центр" противостояли войска в составе Западного, Брянского, Резервного, а также Калининского фронтов. Их общая численность составляла 1 млн. 250 тыс. человек личного состава, 990 танков, 7600 орудий и минометов, 667

самолетов. Как видно из приведенной статистики, советские войска, оборонявшие столицу, уступали противнику по численности и вооружению. Вместе с тем необычайное мужество, стойкость и героизм наших воинов удесяттерили их силы, вселяли уверенность в победе.

В ходе тяжелых оборонительных боев противник был измотан и понес большие потери. Только с 16 ноября по 5 декабря 1941 года потери немецко-фашистских войск составили свыше 155 тыс. солдат и офицеров, около 800 танков и 300 орудий.

В обороне Москвы принимали самое активное участие части и соединения внутренних войск. Среди них 1-я и 2-я мотострелковые дивизии, 3-я и 5-я дивизии по охране железнодорожных сооружений, 11-я и 12-я дивизии по охране промышленных предприятий, 14-я дивизия конвойных войск, 42-я и 69-я бригады, а также прославленная Отдельная бригада особого назначения (ОМСБОН) внутренних войск НКВД. Кроме того, под Москву были направлены стрелковые дивизии, сформированные Наркоматом внутренних дел и переданные в действующую армию. В боях под Москвой воины внутренних войск показывали образцы стойкости, мужества и отваги. Примеров тому немало.

В районе Мценска храбро сражались с врагом бойцы 34-го мотострелкового полка под командованием полковника И.И. Пияшева.

Полк действовал в составе 4-й танковой бригады. Только за один день тяжелых боев 9 октября 1941 года воины-чекисты совместно с приданной артиллерией уничтожили 12 танков, несколько танкеток, бронемашин и орудий, сббили 2 самолета и рассеяли до двух батальонов пехоты противника. Вся страна узнала о подвиге наводчика орудия 34-го полка красноармейца Сергея Белоуса. Газета "Правда" 21 октября 1941 года писала: "Подобравшись вплотную к фашистским танкам, Сергей Белоус условным сигналом вызвал орудийный огонь на них, а одновременно и на себя. Чтобы не дать прорваться врагу, герой-красноармеец готов был пожертвовать своей жизнью... Когда два вражеских танка были подбиты нашими снарядами, Белоус сумел подорвать третий танк гранатой. Остальные вражеские танки повернули обратно".

За совершенный подвиг Сергей Белоус был удостоен высшей советской награды — ордена Ленина. А всего командование 4-й танковой бригады представило к наградам 39 воинов-чекистов из состава полка.

Вместе с войсками 50-й армии, оборонявшими город русских оружейников — Тулу, сражались части и подразделения 69-й бригады войск НКВД. При активной поддержке отрядов тульских рабочих они отстояли город и отбросили врага от его стен. В этих боях особенно отличился 156-й полк войск НКВД по ох-

ЮБИЛЕИ

ране особо важных предприятий промышленности под командованием майора С.Ф. Зубкова.

Перекрыв Орловское шоссе, воины-чекисты грудью встали на пути танковых клиньев Гудериана. Фашисты в течение нескольких дней безуспешно пытались сокрушить оборону полка. Отчаявшись, они предприняли так называемую психическую атаку. Ночью на позиции воинов-чекистов устремилось около шестидесяти вражеских танков с зажженными фарами. Все это сопровождалось ураганным огнем из пулеметов трассирующими и зажигательными пулями. Но ожидаемой гитлеровцами паники в рядах защитников города не случилось. Мужество и стойкость воинов 156-го полка сломить не удалось. Оставив на поле боя десятки горящих танков, враг откатился назад.

В ходе наступательной операции с 7 по 17 декабря 1941 года воины полка участвовали в освобождении двадцати пяти населенных пунктов, в том числе города Щекино. В этих боях полком было захвачено 13 танков, 170 автомашин, 44 мотоцикла, 8 орудий, 4 миномета, 25 пулеметов противника.

За проявленную в обороне Тулы воинскую доблесть и образцовое выполнение боевых заданий 156-й полк Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года награжден орденом Красного Знамени. Ныне Боевое Знамя полка вместе с высокой наградой хранятся в тульском Музее оружия.

Командир роты 156-го полка капитан Н.П. Малышков, павший смертью храбрых при освобождении тульской земли от гитлеровских захватчиков, занесен в Книгу вечной славы Щекинского района. Посмертно он удостоен ордена Красного Знамени. Благодарные жители Тулы избрали командира полка майора С.Ф. Зубкова почетным гражданином города. Не забыты подвиги и рядовых бойцов. Решением исполкома горсовета от 1 декабря 1971 года "Об установлении мемориальных досок, посвященных 30-летию обороны г. Тулы от немецко-фашистских захватчиков" было от-

крыто пять мраморных плит, увековечивших память о самоотверженности воинов 156-го полка войск НКВД.

Несмотря на угрожающее положение, сложившееся на Московском направлении, и объявленное 20 октября 1941 года осадное положение в столице, 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Вместе с войсками, отправляющимися на фронт, по брусчатке главной площади страны промаршировали воины дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, 2-й мотострелковой дивизии и Отдельной мотострелковой бригады особого назначения войск НКВД.

Гитлеровцы все еще надеялись на успех своего затянувшегося "блицкрига". Подстегиваемые зимними холодами, они возобновили наступление, планируя обойти Москву с севера и с юга и взять ее в клещи. Овладев Солнечногорском, фашистские орды устремились к Москве вдоль Ленинградского шоссе. На их пути вместе с красноармейцами встали воины-чекисты, проявляя чудеса мужества, храбрости и отваги.

В числе подразделений, сражавшихся с гитлеровцами на этом направлении, была пулеметная рота 173-го полка войск НКВД. В течение двух суток пулеметчики сдерживали противника у деревни Пешки. Боевой приказ выполнили, врага не пропустили.

На подступах к Кашире у деревни Богородицкое причяла бой с превосходящими силами противника роты 115-го полка войск НКВД, которой командовал лейтенант В.П. Никитин. Храбрый офицер умело организовал нападение на вражескую моторизованную колонну. Разгромил ее. В результате боя было уничтожено более 75 фашистских солдат. Остальные, побросав технику, разбежались.

В ходе боя командир роты получил тяжелое ранение, но продолжал руководить своими подчиненными. Стойкость и мужество бесстрашного лейтенанта отмечены орденом Красного Знамени.

К северу от Москвы гитлеровцам

Командир взвода 194-го полка войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности В.П. Адамский. 1942 год

удалось прорвать оборону наших войск и взять Яхрому, выйти к Дмитрову. Впереди был канал Москва — Волга. На переправе через водную преграду стойко сдерживал врага небольшой гарнизон 112-го полка войск НКВД, охранявшего железнодорожный мост. Бой шел более двенадцати часов. Воины-чекисты стояли насмерть. Многие из них погибли, до конца исполнив свой долг. Теперь мы знаем фамилию того, кто командовал бессмертным гарнизоном. Это — старший лейтенант Д.Ф. Прохоров.

В боях у Яхромы и Дмитрова отличился 73-й отдельный бронепоезд войск НКВД под командованием капитана Ф. Д. Малышева. Крепость на колесах артиллерийским огнем уничтожила более 10 вражеских танков и несколько сот гитлеровских солдат и офицеров. Командование 1-й ударной армии дало высокую оценку действиям бронепоезда и представило его к награждению орденом Красного Знамени.

Бронепоезд стал Краснознаменным. Кроме того, орденами и медалями были отмечены подвиги еще восемнадцати членов его экипажа. Среди них командир пулеметного отделения сержант Н.Т. Фомичев, удостоенный ордена Красного Зна-

ЮБИЛЕИ

мени посмертно. Одна из улиц подмосковного города Дмитрова названа его именем.

ОМСБОН — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. Это уникальное чекистское соединение золотыми буквами вписало не одну страницу в летопись героической битвы за Москву.

Бессмертный подвиг совершили бойцы лыжного отряда под командованием К.З. Лазнюка. Вступив в бой с превосходящими силами противника, омсбонцы оказались в окружении. Храбрые лыжники бились с гитлеровцами до последнего патрона. В критический момент боя самоотверженный поступок совершил замполитрука Л.Х. Паперник. Выдернув чеку из противотанковой гранаты, он бросился в гущу вражеских солдат... Мужественный воин погиб. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Сегодня его имя носит улица Москвы. Орденом Ленина отмечены его однополчане-лыжники — всего 21 человек.

Воины бригады несли гарнизонную службу в столице, участвовали

в строительстве неприступного оборонительного рубежа внутри города, оборудовали огневые точки и баррикады в домах на улице Горького от Белорусского вокзала до Кремля. К счастью, использовать эти сооружения не пришлось. Враг был остановлен на подступах к Москве...

Затем воины-омсбонцы выполняли сложную и ответственную боевую задачу по сооружению минновзрывных заграждений на самых опасных участках Московской зоны обороны. Руководил операцией начальник инженерной службы ОМСБОНа майор М.Н. Шперов. Сводный отряд саперов за период боевых действий с 17 ноября по 1 декабря 1941 года разрушил 183 километра шоссе и грунтовых дорог, подорвал 310 мостов, установил 640 фугасов и 52600 противотанковых мин. На этих заграждениях подорвалось 43 танка, 408 автомобилей и бронетранспортеров противника. Потери гитлеровцев в живой силе никто не подсчитывал. Надо полагать, они были значительными.

В составе одного из спецотрядов

в тыл врага был заброшен красноармеец В.Я. Корзенков. В декабре 1941 года в одном из боев он был тяжело ранен. Попал в плен. Из концлагеря бежал. Воевал в партизанском отряде, учил народных мстителей минному делу. За подвиги мужественный омсбонец был удостоен ордена Славы III степени и Отечественной войны I степени.

После войны В.Я. Корзенков занялся поиском сведений о своих погибших однополчанах и увековечиванием их памяти. Он установил места гибели около 200 омсбонцев, которые ранее числились пропавшими без вести. Организовал их перезахоронение и установку обелисков на могилах павших героев.

В июле 1998 года ветеран-омсбонец В.Я. Корзенков за огромную работу по увековечиванию памяти павших однополчан был награжден орденом Почета. Ему уже за восемьдесят. Годы берут свое, здоровье, которого бесстрашному разведчику-диверсанту было не занимать, ухудшается с каждым днем. Но ветеран не привык сидеть сложа руки и жаловаться на болячки. Он активно

Группа военнослужащих, отмеченных наградами за участие в обороне Москвы (младший лейтенант В.П. Адамский во втором ряду седьмой слева). Москва, Кремль, 5 июня 1942 года

ЮБИЛЕИ

продолжает работу над картотекой. В ней — сотни имен тех, кто полвека тому назад ушел в тыл врага на последнее задание и не вернулся. Свою уникальную картотеку Корзенков готовит для передачи на вечное хранение в Центральный музей внутренних войск МВД России. Дай Бог ему сил завершить свою работу...

В боевых порядках 49-й армии, сражавшейся с гитлеровцами под Волоколамском, находилось немало подразделений внутренних войск. Например, из 194-го полка войск

Старший фельдшер 194-го полка войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности А.А. Адамская. 1942 год

НКВД по охране особо важных предприятий промышленности сюда была направлена сводная группа разведчиков. Заместителем командира разведвзвода был младший сержант В.П. Адамский. Накануне войны он, бывший токарь Днепропетровского машиностроительного завода имени Артема, успешно закончил школу младшего начсостава в подмосковном поселке Софрино. Затем служил в войсках НКВД. На фронте отважный разведчик не раз ходил в тыл врага. Однажды возглавляемая сержантом разведгруппа захватила двух немецких языков. При переходе линии фронта В.П.

Адамский был серьезно ранен в руку, но свою "добычу" лично доставил командованию. За успешное выполнение задания храброго сержанта-разведчика наградили орденом Красной Звезды, который вручили ему в Кремле.

В этом же полку служила будущая жена В.П. Адамского. Молодая девушка Аня, выпускница егорьевского медучилища, была лейтенантом медицинской службы. Их знакомство произошло в 1941 году. Полюбили друг друга, через три года поженились. Фронтальная любовь оказалась крепкой. Вместе прожили более полувека. Ныне полковник в отставке В.П. Адамский является членом совета ветеранов одного из соединений внутренних войск по охране важных государственных объектов и членом Московского комитета ветеранов войны, ведет большую военно-патриотическую работу среди военнослужащих и молодежи. Ветеран по-прежнему в строю...

Во время Московского сражения войска НКВД выполняли также свои основные обязанности: обеспечивали общественный порядок и безопасность граждан в столице, охраняли важные госучреждения, правительственные линии связи и предприятия промышленности оборонного значения, вели борьбу с вражескими десантами, диверсантами и агентурой.

Вот только несколько примеров из боевой деятельности частей войск НКВД, действовавших в районе Московской зоны обороны. 11 августа 1941 года воины-чекисты полностью уничтожили гитлеровский десант, выброшенный с самолета в районе села Новолетровское. Еще две группы по семь фашистских парашютистов каждая были ликвидированы у Малоярославца 8 октября. Через два дня у деревни Михнево два вражеских десанта также оказались в чекистской засаде. В конце октября была полностью разгромлена группа диверсантов численностью 160 человек, предназначавшаяся для захвата важного полигона. А всего в результате оперативно-чекистских мероприятий, проводивших-

ся в зоне боевых действий и в тылу Западного фронта, органами и войсками НКВД было обезврежено свыше 200 вражеских агентов и более 50 разведывательно-диверсионных групп противника.

В ходе наступательных операций советские войска отбросили противника на 150-400 километров на запад от Москвы. Хваленая операция "Тайфун", на которую возлагали большие надежды гитлеровские генералы, провалилась. Потери фашистских войск были огромны: только за период с 1 января по 30 марта 1942 года они составили свыше 333 тыс. человек. За провал плана захвата Москвы Гитлер в бесильной ярости отстранил от занимаемых должностей 35 высших военных чинов, среди которых оказались лучшие германские военачальники — генерал-фельдмаршалы Браухич, фон Бок, генерал-полковник Гудериан.

Советские войска праздновали свою первую значительную победу. За образцовое выполнение боевых заданий на фронте и проявленные при этом доблесть и мужество около 40 частей и соединений получили звание гвардейских, 36 тыс. советских воинов были награждены орденами и медалями, 110 человек удостоены звания Героя Советского Союза. Более 1 млн. защитников столицы получили медали "За оборону Москвы".

В канун 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в Москве на Поклонной горе был торжественно открыт Музей Великой Отечественной войны. В его экспозиции немало документальных и вещественных свидетельств героических подвигов воинов внутренних войск, их самоотверженности и стойкости, проявленных при защите столицы нашей Родины — города-героя Москвы.

**Полковник в отставке
Станислав ПЕТРАКОВ,
старший научный сотрудник
Центрального музея
внутренних войск
МВД России**

Фото из фондов ЦМВВ МВД РФ

Опыт прошлого

*Солдат должен больше бояться
капрала, чем неприятеля.*

Армейская заповедь

УНТЕР-ОФИЦЕР — НАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ НИЖНИЙ ЧИН

Институт унтер-офицеров, ближайших помощников офицерского состава, существовал в русской армии целых два столетия — с 1716 по 1917 год. Об этой категории военнослужащих в Воинском уставе 1716 года было сказано так: "Те, которые ниже прапорщика свое место имеют, называются "унтер-офицеры", т.е. нижние начальные люди".

Устав четко определял обязанности унтер-офицеров: им вверялось первоначальное обучение солдат, "постоянный и бдительный надзор за вверенными им нижними чинами и за соблюдением внутреннего порядка в роте". Позднее круг обязанностей унтер-офицеров был расширен. Теперь они должны были "не только обучать нижних чинов, но и воспитывать их".

Например, в "Инструкции пехотного полка полковнику" (1764 год) говорилось: "Унтер-офицер и дядька должны приучить солдата к чистоте, опрятности, правдивости, выносливости", а также "наблюдать за правильным исполнением ими (нижними чинами. —

Авт.) обязанностей и за честным несением службы".

Согласно Воинскому уставу 1716 года к унтер-офицерам относились следующие нижние чины: в пехоте — сержант, в кавалерии — вахмистр, а также каптенармусы, подпрапорщики, капралы, ротные писари, денщики и ефрейторы. Представлению к производству в унтер-офицеры "подлежали лица наиболее развитые, хорошего поведения, отличившиеся в боях и по возможности грамотные". Унтер-офицерский корпус рекрутировался из солдат-контрактников, изъявивших желание по истечении срока срочной службы остаться в армии по найму. Назывались они сверхсрочнослужащими.

До появления института сверхсрочнослужащих, из которых потом формировался унтер-офицерский состав, обязанности помощников офицеров выполняли нижние чины срочной службы. Однако на практике "срочный унтер-офицер" зачастую мало чем отличался от рядового. "Он, собственно говоря, не может быть назван начальником и является скорее инструктором, лучшим солдатом. Только дальнейшая подготовка и служеб-

РЕТРОСПЕКТИВА

ный опыт вырабатывают из срочного унтер-офицера человека, способного распоряжаться и влиять на подчиненных”, — писал военный историк Д.Парский.

Институт сверхсрочнослужащих, по замыслу военного командования, должен был решать две задачи: снизить некомплект рядового состава; служить резервом формирования унтер-офицерского корпуса.

Военное министерство стремилось оставить в армии по истечении срока действительной военной службы как можно больше солдат (ефрейторов), а также строевых унтер-офицеров на сверхсрочную. При этом строго соблюдалось одно условие: чтобы оставляемые по служебным и нравственным качествам нижние чины были для армии полезны во всех отношениях. В связи с этим газета “Русский инвалид” писала, что необходимо в короткий срок “создать в войсках кадр опытных инструкторов, столь необходимых при современных коротких сроках службы и больших требованиях, предъявляемых рядовому бойцу”.

Отбор сверхсрочнослужащих в унтер-офицеры производился тщательно. На солдата — кандидата в унтер-офицеры — обращалось особое внимание, он проходил серьезные испытания и подготовку для будущей службы. Но все же становление института сверхсрочнослужащих шло очень медленно. Причин тому было несколько. Одна из них — низкое финансовое положение. В связи с этим военный министр неоднократно докладывал императору Николаю II: “Наш солдат на службу смотрит как на исполнение священного долга перед... Отечеством, а военная служба по найму противна его чувству. Объясняется это отчасти также и той плохой славой, которую приобрели у нас прежние наемщики”. Даже некоторое повышение денежного содержания не изменило положение к лучшему.

На службе по-прежнему оставались солдаты с низким образовательным и профессиональным уровнем.

Статистика того времени свидетельствует, что число сверхсрочнослужащих не соответствовало расчетам Генерального штаба и значительно уступало укомплектованности нижними чинами этой категории в армиях европейских государств. Так, в 1898 году численность унтер-офицеров составляла: в Германии — 65 тыс., во Франции — 24 тыс., а в России всего лишь 8,5 тыс. человек.

С целью увеличения численности сверхсрочнослужащих правительство расширяло их права, увеличивало денежное содержание, устанавливало ряд наград за беспорочную службу, ввело улучшенную форму одежды и знаки различия. После выхода в отставку назначалась неплохая пенсия.

По положению о нижних чинах строевой сверхсрочной службы от 1911 года унтер-офицеры были разделены на два разряда. К первому относились подпрапорщики, произведенные в этот чин из строевых сверхсрочных унтер-офицеров. Им предоставлялись значительные права и преимущества перед остальными сверхсрочниками. Ко второму — унтер-офицеры и ефрейторы, которые пользовались несколько меньшими правами, чем подпрапорщики.

Подпрапорщики в строевых частях занимали должности фельдфебелей и взводных (старших унтер-офицеров). Ефрейторы производились в младшие унтер-офицеры и назначались командирами отделений.

Производство сверхсрочнослужащих унтер-офицеров в подпрапорщики осуществлялось при двух условиях: кандидат должен прослужить в должности взводного (старшего унтер-офицера) не менее двух лет и пройти подготовку на курсах специальной войсковой школы. Затем начальник дивизии

своим приказом производил их в подпрапорщики.

Безупречная служба унтер-офицеров отмечалась особыми наградами — бронзовыми, серебряными или золотыми медалями с надписью “За усердие” или знаком отличия ордена Св. Анны. Им также разрешалось вступать в брак и иметь семьи. Неженатые сверхсрочнослужащие проживали в казарме, в расположении своих рот. Фельдфебелю предоставлялась отдельная комната, старшим унтер-офицерам полагалась одна комната на двоих.

Центральной фигурой унтер-офицерского состава русской армии являлся фельдфебель. Это — высшее унтер-офицерское звание и должность в пехотных, артиллерийских и инженерных частях. Фельдфебель подчинялся командиру роты и был его первым помощником и опорой. Его обязанности были достаточно широки и ответственны. В вышедшей в 1883 году инструкции для фельдфебелей эти обязанности излагались следующим образом:

“Фельдфебель есть начальник всех нижних чинов роты.

1. Он обязан следить за сохранением в роте порядка, за нравственностью и поведением нижних чинов и за точным исполнением обязанностей начальствующими нижними чинами, дежурным по роте и дневальными.

2. Передает нижним чинам все отданные ротным командиром приказания.

3. Отправляет заболевших в приемный покой или лазарет.

4. Производит все строевые и караульные расчеты роты.

5. При назначении в караул наблюдает, чтобы на посты, имеющие особое значение, были назначены люди испытанные и расторопные.

6. Распределяет и уравнивает между взводами все очередные наряды на службу и на работы.

7. Находится на учебных заня-

тиях, а также на обеде и ужине нижних чинов.

8. По окончании вечерней переключки принимает рапорты от взводных унтер-офицеров.

9. Поверяет целость и исправное состояние в роте оружия, мундирных и амуниционных вещей и всего ротного имущества.

10. Ежедневно представляет ротному командиру рапорт о состоянии роты: обо всем случившемся в роте, о делах по хозяйству и продовольствию роты, о нуждах нижних чинов.

11. В случае отсутствия своего в роте передает исполнение своих обязанностей старшему из взводных унтер-офицеров".

Выходило, что фельдфебель, по сути, являлся чуть ли не самым главным начальником в роте. Ведущее положение фельдфебеля в подразделении порой ставило на вторые роли младших офицеров.

Следующим по значимости среди унтер-офицеров являлся "старший унтер-офицер" — начальник всех нижних чинов своего взвода. Он отвечал за порядок в подразделении, нравственность и поведение рядовых, за успехи обучения подчиненных. Производил наряды нижних чинов на службу и на работы. Имел право увольнять солдат из расположения части, но не позднее как до вечерней переключки. Проводил вечернюю поверку и докладывал фельдфебелю обо всем, что происходило во взводе в течение дня.

Заинтересованность в службе и выделение начальствующего положения унтер-офицеров среди нижних чинов стимулировалось также путем выдачи обмундирования и знаков отличия и различия, присущих офицерскому составу. Например, кокарды на головном уборе с козырьком (тогда как остальные солдаты носили бескозырки), шашки на кожаной портупее, револьвера с кобурой и шнуром. На унтер-офицерском мундире были и особые погонны, на рука-

ве — галунный шеврон углом вверх, а также галунная нашивка вокруг плечевых погон. Сверхсрочнослужащие нижние чины обоих разрядов, прослужившие пятнадцать лет, получали пенсию в размере 96 рублей в год. Тогда как их годовое жалованье составляло: подпрапорщика — от 340 до 402 рублей, а ефрейтора — 120 рублей.

Порядок наложения дисциплинарных взысканий на унтер-офицеров был такой же, какой применялся к младшим офицерам. Им также разрешалось посещать офицерские собрания.

Производство в унтер-офицеры осуществлялось только в той части, где будущий кандидат служил срочную не менее двух лет. В военное время за боевые отличия можно было стать унтер-офицером и ранее двух лет службы. Лишение унтер-офицерского звания за проступки производилось начальником дивизии или лицом, уравненным с ним в правах.

Командирам было нелегко из полуграмотных, с недостаточными военными познаниями сверхсрочнослужащих солдат подготовить себе полноценных помощников — унтер-офицерский состав. При этом тщательно изучался зарубежный опыт, и в первую очередь опыт германской армии. Например, немецкий унтер-офицер мог запросто арестовать рядового, имел возможность отлучаться из казармы в любое время суток, питался отдельно от рядовых. Его жалованье равнялось денежному содержанию русского обер-офицера. Прусский унтер мог решать задачи, которыми в русской армии занимался исключительно офицер.

В одном из докладов военного министра императору говорилось: "Прусский офицер, благодаря удовлетворительному кадру унтер-офицеров, избавлен от непосредственного элементарного обучения нижних чинов, т.е. в утомительном деле обучения есть только инструктор. Наш же офицер есть

учитель в буквальном смысле слова и воспитатель. Роль прусского офицера заключается в подготовке учителей (унтер-офицеров), в выработке общего плана обучения, а затем — в наблюдении за ходом обучения.

...У нас же унтер-офицеры преподают самые элементарные порядки внутренней жизни в казарме. Все духовное, умственное и служебное образование солдата лежит полностью на офицере".

Жизнь настоятельно подсаживала: готовить русского унтер-офицера надо по многим направлениям — грамотности, военному делу, нравственности и культуре поведения. К сожалению, для некоторой части унтер-офицеров характерной была неряшливость во внешнем виде. "Будучи людьми неопрятными, — говорилось в заметке одного военного журнала, — они не могут требовать от солдата щегольства во внешнем виде... Грязь и неряшливость им вовсе не противны".

Нередко унтер-офицеры допускали грубость в обращении с подчиненными. Порой даже брали взятки за какие-либо послабления по службе или внеочередные увольнение. Такие факты резко осуждались офицерами. Один из командиров полков с возмущением писал: "Нужно уметь отличить гостинец от взятки — надо знать психику солдата. Банку с огурцами или птицу, привезенную вахмистру и принятую им, не сочту грехом, но десяток папирос, купленных новобранцем дядьке, — это преступление, за которое дядьку я бы отдал без всякой церемонии под суд, снял бы галуны и со взводного, ибо там, где это возможно, порядка и заботливости нет. Кто этой разницы не понимает, тот не знает солдата и не в состоянии воспитывать его как следует".

Не на высоте были и нравственные качества некоторых унтер-офицеров. Часть из них тянулась к спиртному, что отрицательно сказывалось и на поведении подчи-

ненных. В обществе и армии все настойчивее раздавались требования недопустимости вторжения "неграмотного унтер-офицера в духовное воспитание солдата". Появилось даже категоричное требование: "Унтер-офицерам надо запретить вторгаться в душу новобранца — столь нежную сферу".

Командование приходило к неутешительным выводам: унтер-офицерский состав в целом не обладал необходимыми для полноценного руководства знаниями. Некоторые из них наивно полагали, что отдавать приказание следует нарочито грубым голосом, что именно такой тон обеспечит послушание. Не обращал унтер-офицер внимания и на мелочи службы, из которых как раз и складывался порядок в роте или эскадроне: неотдание чести, нечищенная обувь, лопнувший шов на мундире, оторванная пуговица. Журнал "Военный сборник" в 1908 году по этому поводу с сожалением писал: "В старое доброе время за это попало бы, а теперь такую неисправность пропустят без внимания. Беда не в пуговице, а в безразличии".

С целью всесторонней подготовки сверхсрочнослужащего к ответственной работе в должности унтер-офицера в армии была развернута сеть курсов и школ, которые создавались главным образом при полках. Для обучения в них направлялись уже произведенные в унтер-офицеры фельдфебели и полковые чиновники более низших ступеней. Слушатели, в частности, изучали общеобразовательные предметы — историю и географию. Для облегчения учебы военным ведомством издавалось немало число всевозможной литературы в виде методических пособий, инструкций, советов. От унтер-офицеров, в частности, требовалось: подчиненным показывать не только строгость, но и заботу; по отношению к солдатам держать себя на "известном расстоянии"; в обращении с подчиненными не до-

пускать раздражения, вспыльчивости, гнева; помнить, что русский солдат в обращении с ним любит того начальника, которого считает своим отцом, и т.д.

Вскоре обучение на курсах и в полковых школах стало приносить пользу. Среди унтер-офицеров появлялось немало одаренных младших командиров и начальников, которые умело, в доступной форме разъясняли солдатам основы военной службы, в чем заключается их священный долг и обязанность по защите Отечества.

Любопытен фрагмент беседы с солдатами "старослуживого" подпрапорщика о роли и ценности таких понятий, как "знамя", "храбрость", "воровство", "ябедничество", опубликованной в одном из военных изданий.

"О Знамени. Раз приехал генерал смотреть делать. Вот только на словесности (опрос личного состава. — Авт.) спрашивает одного солдата: "Что такое Знамя?", а тот ему отвечает: "Знамя есть солдатский Бог, Ваше превосходительство". Так что ж вы думаете? Генерал-то ему молодца загнул да рубль на чай дал.

О храбрости. Храбрый солдат в битве только и думает о том, как бы ему других победить, а о том, что его уколошматят — ни Боже мой. Для такой дурацкой мысли у него в голове и места нет.

О воровстве. Воровство у нас, военных, считается самым позорным и тяжким преступлением. Провинись в другом чем, хоть закон тоже не пощадит, зато товарищи и даже начальники иногда пожалеют о тебе, выпкажут сочувствие к твоему горю. Вору же — никогда. Кроме презрения ничего не увидишь, и будут тебя чуждаться и избегать как очумленного или зараженного "неприличной" болезнью.

О ябеднике. Ябедник — это такой человек, который всякую малость выводит наружу для того, чтобы очернить своего брата, а самому выдвинуться. Ябедники все

делают исподтишка и только... Солдат должен по долгу чести и службы открыто обнаруживать такие проступки, которые явно позорят его чистую семью".

Вот так, просто и доступно для малограмотных солдат вел подпрапорщик воспитательную работу со своими подчиненными. Постепенно овладевая знаниями и приобретая опыт, унтер-офицеры становились полноценными помощниками офицеров в укреплении воинской дисциплины, обучении солдат грамоте и военному делу, в выполнении задач боевой службы.

Состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях российской армии во второй половине XIX — начале XX века оценивалось как удовлетворительное. В этом была заслуга прежде всего офицерского и унтер-офицерского состава. По докладам командующих войсками военных округов, "дисциплина была вполне удовлетворительной, важных нарушений не было". Например, командующий войсками московского военного округа генерал-адъютант Гильденштрубб писал: "Состояние воинской дисциплины во вверенных мне войсках вполне удовлетворительное. "Важных" нарушений не было. Другие нарушения: оскорбление своих унтер-офицеров, несколько редких случаев оскорбления на словах офицеров. Главные нарушения со стороны нижних чинов — побеги, кражи, растрата казенного имущества и нарушения воинского благочиния. Большинство этих происшествий совершается в нетрезвом состоянии". По докладу командующего войсками одесского военного округа за 1875 год, "воинская дисциплина поддерживалась строго. Число штрафованных нижних чинов составило 675 человек, или 11,03 на 1000 человек среднего списочного состава".

В целом по вооруженным силам России за пятилетие — с 1870 по

РЕТРОСПЕКТИВА

1874 год — число осужденных, оштрафованных и бежавших, хоть и удерживалось на высоком уровне, однако ежегодно снижалось. Например, если в 1870 году было отдано под суд 30487 военнослужащих, то в 1874-м их численность упала до 21495 человек. По общему убеждению военного командования, воинская дисциплина была бы еще крепче, если бы офицерам и унтер-офицерам удалось изжить среди солдат пьянство. Оно-то и являлось первопричиной всех воинских преступлений и нарушений. Был даже принят "Закон о воспрещении нижним чинам входить в питейные и трактирные заведения". Согласно этому документу запрещалось открывать питейные заведения ближе 150 саженей от воинских частей. Шинкари могли отпускать водку солдатам только с письменного разрешения ротного командира. Ежедневная выдача чарки водки заменялась легким виноградным вином или пивом. В солдатских лавках и буфетах запрещалась продажа спиртного.

Кроме административных мер, организовывались вечера солдатского досуга, отвлекающие от злоупотребления спиртным. В казармах, как говорили тогда, "устраивались приличные развлечения", работали солдатские чайные, читальни, ставились спектакли с участием солдат и унтер-офицеров.

Стала повышаться роль унтер-офицеров и в обучении солдат грамоте, а новобранцев национальных окраин — русскому языку. Данная проблема приобретала стратегическое значение. Армия превращалась во "всероссийскую школу образования". Унтер-офицеры весьма охотно занимались с солдатами письмом и арифметикой, хотя времени для этого было крайне мало. Один из унтер-офицеров, активно участвовавших в обучении солдат грамоте, писал: "Для успеха дела надо было постепенно приучать глаз и руку — к письму; слух — к разделению слов

на отдельные звуки; язык — к отчетливому произношению этих звуков".

Усилия унтер-офицеров по ликвидации безграмотности среди солдат приносили плоды. Процент неграмотных сокращался. Об этом свидетельствует статистика тех лет: если в 1881 году из всего призыва неграмотных нижних чинов было 76 процентов, то в 1901-м их было чуть более 40 процентов.

Показателен доклад военного министра П.С. Ванновского за 1899 год императору Николаю II: "Армия служит, таким образом, как бы огромным котлом, в котором перевариваются, исчезают различные народности, дабы дать в результате четырехлетнего кипения в этом котле дивную массу русских солдат вообще. Работа эта чрезвычайно важна, ибо в случае войны в ряды наших войск станет более 600 тысяч человек запасных из нерусских племен. От того, как поведет себя в бою эта 1/4 наших сил, будет во многом зависеть наша победа или поражение".

Еще одним направлением деятельности унтер-офицеров, где они особенно преуспевали, явились хозяйственные работы, или, как их еще называли, "вольные работы". Для воинских частей они являлись дополнительным источником пополнения казны. Например, зарабатываемые солдатами на стороне деньги шли на дополнительные выплаты к денежному содержанию нижних чинов, а также на улучшение солдатского питания.

Вместе с тем считалось, что отвлечение солдат на хозяйственные работы отрицательно влияет на боевую подготовку. Порой вся служба некоторых солдат так и проходила в цейхгаузах, хлебопечкарнях, мастерских. Например, военнослужащие восточносибирского военного округа разгружали речные суда с тяжелыми интендантскими и инженерными грузами, исправляли телеграфные ли-

нии, ремонтировали и строили здания, выполняли подручные работы при партиях топографов. Командующий округом считал, что "все это было далеким от боевой подготовки и не могло не оказывать дурного влияния на ход воинского образования частей".

Однако избавиться от побочной хозяйственной деятельности в армии так и не смогли. И теперь история повторяется: сегодня солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры, как и сто лет назад, по-прежнему помогают убирать урожай. Людей в военной форме нередко можно видеть на строительстве дач и коттеджей. Ну а случись у местных властей какой-нибудь аврал, то без солдат им не обойтись.

Но все же в боевой обстановке подавляющее большинство унтер-офицеров отличалось отменной храбростью, личным примером "начальствующие нижние чины" увлекали за собой солдат, в сложной обстановке не падали духом. Например, в русско-японскую войну они часто заменяли собой офицеров, особенно призванных из запаса. Нередкими были случаи, когда "за выбытием офицеров фельдфебели и старшие унтер-офицеры с честью командовали ротами".

В целом младший командный состав унтер-офицерского звания с момента своего появления в русской армии сыграл заметную роль в обучении нижних чинов военному делу, их нравственном и культурном воспитании, поддержании порядка и дисциплины. Унтер-офицер был самым ближайшим начальником для рядовых солдат. После увольнения в запас они еще долго вспоминали своего строгого, справедливого и заботливого унтера — фельдфебеля, фейерверкера или урядника.

**Подполковник
Сергей ЧИНЁННЫЙ,**
кандидат исторических наук

Вениамин РОСИН

В тех давних тридцатых

Документальное повествование

1.

Это происходило в далекие тридцатые годы. Завершалась моя срочная служба во внутренних войсках, до увольнения оставалось всего ничего, когда меня вызвали в ротную канцелярию. Там кроме моего командира оказался незнакомый военный. Судя по эмблемам ВЧК—ОГПУ (щит и меч) на рукавах коверкотовой гимнастерки, кто-то из Управления госбезопасности. На малиновых петлицах — по шпале. Он отрекомендовался сотрудником отдела кадров и, задав несколько вопросов, веско произнес:

— Мы находимся во вражеском окружении. Империалистические разведки засылают в Советский Союз свою агентуру. Вышколенную, хорошо подготовленную. Имеется немало недру-

гов и внутри страны. Все активнее и изощреннее орудуют троцкисты, зиновьевцы и их охвосте. Для борьбы с ними, борьбы сложной и трудной, нам нужны идейно стойкие люди, с безупречной биографией, толковые, с армейской выучкой. По наведенным мною справкам, вы соответствуете этим требованиям.

У меня перехватило дыхание. Предлагают не что-нибудь, а службу в УГБ, о чем и мечтать не смел.

Откровенно говоря, я был до того потрясен неожиданным предложением, что даже не отважился спросить, в чем будет заключаться моя работа. Только и ответил сдавленным от волнения голосом:

— Я готов.

Через несколько дней вышел из расположе-

ния полка. Прощай, родная рота! Прощай, славный Четвертый конвойный! Здравствуй, новая жизнь!

И она, эта жизнь, началась.

Определили меня в оперативный отдел Управления госбезопасности Украины — оперод, как его обычно называли. В самом этом слове было что-то грозное, устрашающее. Однако вскоре я ощутил некоторое разочарование, получив назначение в охрану правительственных дач. Огорчился, но смолчал. Подумалось: лиха беда начало, со временем наверняка переведут на настоящую оперативную работу — шпионов стану ловить, диверсантов...

В просторном светлом кабинете двухэтажного здания оперода меня долго инструктировали, разъясняли, сколь велика ответственность у охраняющего руководство республики. Я внимательно слушал, лишь изредка поддакивал: "Понимаю... осознаю... запомнил..."

Голова шла кругом от этих наставлений. Выходило, что загородные дачи высокого начальства, прогулочные катера, охотничьи домики, купальни и солярии — это и есть самые заманчивые объекты для диверсий империалистических спецслужб, их подрывных террористических центров.

Обалдевшего от всего услышанного, меня усадили в эмку и отвезли в живописнейший район под Киевом. Охрану тамошних дач возглавлял старший лейтенант госбезопасности Мулика — добродушный здоровяк с наголо выбритой (под Котовского) бутристой головой и пудовыми кулаками.

Огромную территорию ограждал глухой, без единой щелочки, высоченный забор с колючей проволокой поверху. Внутри участка на значительном удалении друг от друга стояли двухэта-

жные кирпичные коттеджи, занимаемые высокопоставленными лицами и их домочадцами. Жили они припеваючи. Любую, самую малую работу брала на себя обслуга — садовники, горничные, прачки, официантки, повара, сантехники...

И в тот памятный вечер дым стоял коромыслом. То ли нарком отмечал свой день рождения, то ли его дородная супруга.

Сановных гостей собралось человек сорок. Все как на подбор — важные, лощеные, расфуфыренные. Пиршество затянулось до глубокой ночи. Наконец гости разошлись, разъехались. Мулика сказал мне:

— Пошли, Терновой, посмотрим, что к чему. А то, чего доброго, где окурок тлеет или забыто что...

Впервые в жизни увидел я столь роскошные апартаменты. В просторных комнатах красовалась резная мебель. Паркетные полы сверкали, хоть смотришь в них. Ноги тонули в пушистых коврах. На стенах — картины в золоченых рамах, на окнах — шелковые портьеры. В банкетном зале большущая хрустальная люстра ярко освещала длинный стол, застланный синей бархатной скатертью. Видимо, официантки сбились с ног во время торжеств и отложили уборку до утра. Впрочем, еды и питья осталось столько, что можно было пировать еще не один день.

Казалось бы, от всего этого изобилия у меня не избалованного жизнью крестьянского сына, вчерашнего красноармейца, должны были течь слюнки. А мне горько стало: трудовой народ в селах и городах куску хлеба рад, пустой похлебке, а тут такое расточительство...

Мулика между тем прищелкнул языком и, подмигнув мне, наполнил две объемистые рюмки.

В 1932 году был призван во внутренние войска Вениамин Ефимович РОСИН. В Великую Отечественную воевал на Южном и Первом Прибалтийском фронтах, награжден тремя орденами и многими медалями. Затем до 1961 года работал в уголовном розыске, капитан в отставке.

Он член Союза писателей с сорокалетним стажем, автор многих книг, вышедших в республиканском и центральном издательствах: "На войне и без войны", "Ночной обход", "Тревожная тишина", "Вылетаем на рассвете". Живет в Киеве.

Фото 1948 г.

— Знают толк, не что-нибудь, а “Наполеон” пьют. Этот французский коньяк — изумительный, скажу тебе, напиток! А закусить рекомендую вот этим, — и от ткнул толстым пальцем в зеленую вазочку с какими-то неведомыми мне небольшими маслянистыми плодами.

— Сливы, что ли? — спросил я.

— Какие там сливы! — рассмеялся Мулика. — Маслины это, греческие маслины... А хочешь, балычок бери или лимон... тоже славная закуска.

Налив по второй и видя мое смущение, заметил:

— Стесняться глупо. Ну да ладно, ты, я вижу, растерялся в этих хоромах. Мы захватим кое-что и двинем ко мне. Потолкуем, так сказать.

— А не поздновато? — замаялся я.

— Какое там поздновато?! — воскликнул Мулика. — В управлении, чтобы ты знал, и в райотделах ночи напролет работают. Аресты, обыски, допросы... — Он помолчал, распахивая по карманам спиртное. — Давай так: пройди по территории, загляни на проходную, предупреди от моего имени, чтоб хлопцы не хлопали ушами — враг-то не спит! — и ко мне. Лады?

Выполнив поручение, я поднялся на крыльцо флигеля для obsługi, где квартировал Мулика и, постучавшись, вошел.

Хозяин расположился за овальным столом, застланным розовой скатертью. Ворот щегольской гимнастерки с двумя шпалами на петлицах (а звание старшего лейтенанта госбезопасности соответствовало в те годы армейскому майору) расстегнут, широкий командирский ремень с португеей и кольцом в желтой кобуре висел на спинке венского стула... Побагровевшая физиономия, блестящие глаза без слов говорили о том, что зря времени он не терял. Об этом же свидетельствовала и почти опорожненная бутылка водки.

— Молодец, что быстро справился! — загремел баском Мулика. — Располагайся. — Щурясь, он разлил водку по стопкам и довольно улыбнулся: — Знавал я одного буетчика, так он, пройдоха, сочинил остроумную прибаутку: “Рюмочка стекла голубого, откуда ты?” — “Из Ростова”. — “А паспорт есть?” — “Нема”. — “Тогда тут тебе и тюрьма!”.

Он выпил и, крякнув, закрутил бритой головой. Понюхав корочку хлеба, налил себе еще и, поколебавшись, опрокинул в рот.

Будильник на комод показывал три часа ночи. Я собрался было уходить, но Мулика усадил меня на стул и вновь наполнил рюмки.

— Э-э, так не годится. По русскому обычаю полагается еще на дорожку, стремянную, иначе говоря...

2.

Жизнь моя протекала безоблачно. Служебная нагрузка была невелика, свободного времени — масса. На еду не уходило ни копейки, и большую часть солидного по тем временам оклада отсылал родным. Им эти деньги служили хорошим подспорьем.

Каждый понедельник ровно в десять утра Мулика собирал свободных от службы сотрудников и оглашал приказы наркомата, различные ориентировки. После того кто-нибудь информировал о текущих событиях внутри страны и за рубежом.

Такую информацию в очередной раз предстояло проводить и мне. Подготовился основательно (несколько дней корпел над газетами). Начал с напумевшего процесса над участниками вражеского подполья во главе с Зиновьевым и Каменевым. Указал, что оба они были тесно связаны с “ленинградским центром”, причастным к убийству С.М.Кирова.

Говорил с подъемом, воодушевлением, на все лады честил врагов народа, не стесняясь язвительных выражений и уничтожающих характеристик. Не преминул подчеркнуть, что в их разоблачении велика роль наркомвнудела Генриха Григорьевича Ягоды. Попутно напомнил, что он много сделал в годы революции, гражданской войны в качестве ближайшего помощника Ф.Э.Дзержинского...

Закончил, помнится, так:

— Заслуги товарища Ягоды высоко оценены. Ему присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности. Звание, которого до этого не удостоивался никто! Мы можем гордиться, что работаем под руководством такого опытного чекиста! Да здравствует наш боевой нарком!

По глазам сослуживцев видел, что выступление понравилось, и я весь день ходил прямо-таки окрыленный.

Примерно через месяц-полтора сногшибательная новость: наркомом внутренних дел назначен Николай Иванович Ежов, состоявший до того секретарем ЦК ВКП (б).

Ежов так Ежов. Нам на периферии в конце концов все равно, кто там, на далекой Лубянке, играет первую скрипку.

В ТЕХ ДАВНИХ ТРИДЦАТЫХ

Оказалось, не совсем так. Ягоду не только сняли с должности, а и немного погодя обвинили во многих смертных грехах. Он-де входил в правотроцкистский блок, поставивший целью свергнуть Советскую власть, и причастен к убийствам Кирова, Куйбышева, Горького, работал на многие иностранные разведки...

Обвинения ошеломили, нет, скорее даже потрясли меня. Пусть допускал Ягода ошибки, просчеты, оступался, но в сознании не укладывалось, что он, член партии с 1907 года, — антисоветчик, враг... Что побудило его предавать? Ведь еще подростком связал свою судьбу с революционным движением, арестовывался царской охранкой, был судим и сослан; Октябрьская революция подняла его, выдвинула. Он формировал отряды Красной гвардии, прошел через гражданскую войну, занимал ответственные должности в ВЧК—ОГПУ. И вдруг — отступник, ренегат...

Не верить сообщениям газет я не мог, но где-то в глубине души зародилось сомнение: неужто Ягода, находившийся на вершине власти, предал то дело, которому с юности посвятил себя, из-за которого подвергался преследованиям, терпел лишения? Неужели десятки лет он носил маску, искусно скрывал подлинное свое лицо? А если не виноват, то отчего сознается в стольких преступлениях против государства?! Может, принудили, вот и сознался?

Я был наслышан о методах добывания "нужных" показаний в следственных изоляторах НКВД: оплеухи и зуботычины — там самое безобидное.

Но кому помешал Ягода, почему его обвинили в тягчайших преступлениях? На эти вопросы я не находил ответа.

Чему верить, где истина? А у кого спросишь, узнаешь? Приходилось помалкивать, чтоб не выказывать своих колебаний и сомнений. Ведь никто не решался даже заикнуться против официальной версии. Подобная смелость могла дорого обойтись. Ешь пироги с грибами и держи язык за зубами — вот как говорили у нас. Дыма без огня не бывает.

Как от камня, брошенного в воду, далеко вокруг расходятся круги, так и смещение Ягоды сказалось на судьбах многих людей. Репрессировали тех, кто работал под его началом, к кому он благоволил. Волна арестов докатилась и до Киева. И вот как-то Мулика, явно обеспокоенный, встревоженно сказал мне:

— Федя, тебя в Особую инспекцию вызывают. — и, хмурясь, назвал номер комнаты.

Особая инспекция, как я знал, занималась расследованием должностных преступлений сотрудников НКВД. Зачем я-то им понадобился?

— А в связи с чем? — спросил я Мулику, но тот лишь пожал плечами:

— Понятия не имею, знаю только одно: ничего хорошего не жди. Не упомяну случая, чтобы вызвали туда для объявления благодарности или... — он криво усмехнулся, — или, к примеру, путевку в санаторий дали. — Понизив голос, Мулика печально добавил: — Раньше я в Москве, в центральном аппарате работал, с Ягодой общался. Между нами говоря, опасаясь, что замечут и меня...

Забегая вперед, скажу, что слова эти оказались пророческими, горькая чаша не миновала его. Не прошло и недели, как он бесследно исчез...

Но вернусь к тому злосчастному дню. Всю дорогу до Особой инспекции я ломал голову над причинами вызова. Но как ни прикидывал, ни в чем своей вины не находил.

Разыскав нужный кабинет, предварительно постучал и, открыв дверь, остолбенел. За столом сидел тот самый светловолосый кадровик, который столь приветливо беседовал со мной в ротной канцелярии, оформляя в оперод. Только от былой доброжелательности не осталось и следа. Глаза холодные, жесткие.

Назвав себя, я продолжал стоять у порога.

— Подходите ближе и садитесь. Разговор предстоит серьезный, — сухо сказал он и положил перед собой бланк протокола допроса. Записав фамилию, имя, отчество, место службы, должность, он откинулся на спинку стула.

— Знакомы ли вы с Генрихом Ягодой, в каких отношениях находились с ним?

Я похолодел и, прижав руки к груди, воскликнул:

— Понятия о нем не имею! В глаза не видел и видеть не хочу этого подлеца и мерзкого преда...

— Минуточку! Вы утверждаете, что Ягода подлец, мерзкий предатель, а у нас имеются данные, — он похлопал по черной папке, — что сравнительно недавно, проводя информацию, вы на все лады расхваливали его. Так ведь?

Я отвел глаза в сторону, лихорадочно соображая, как отвратить нависшую беду. Не оставалось сомнений, что какой-то недоброжелатель накатал донос.

"Может, отнекиваться? — мелькнула мысль. — Нет, рискованно. Уж лучше скажу правду."

— Отвечайте: восхваляли врага народа или

нет? — словно издалека донесся до меня металлический голос.

— Он тогда наркомом был. Не знал я, не мог знать, кто он на самом деле... — и я привел, казалось, неопровержимый довод: — Ведь не сам выдумывал, из газет материалы брал...

Следователь что-то записал, дал мне распечатать в конце каждой страницы. Я, не читая, ставил подпись, ожидая самого худшего.

Наконец он сказал, хмуря белесые брови:

— Можете идти, Терновой. Доложу материалу руководству, какое будет принято решение, определить затрудняюсь.

Не помню, как вышел на улицу и добрался до мой.

На следующий день меня снова вызвали. На ватных ногах вошел в знакомый кабинет с большим портретом Сталина на стене. Чтобы не упасть, прислонился к двери. Будто издалека, донеслось:

— Учитывая молодость и то, что действовали без злого умысла... Но здесь оставлять вас больше не можем, вы переводитесь в УМЗ. Понятно?

— Да, да, понятно! Большое спасибо! — пробормотал я, обрадованный такому обороту дела.

УМЗ так УМЗ. Конечно, служба в Управлении мест заключения не из приятных. Но ведь могло быть и несравненно хуже.

“Обошлось, обошлось! — ликовал я. — За безобидный анекдот десятку отвешивают, а тут — хвалил Ягоду!..”

3.

Управление мест заключения помещалось в здании бывших присутственных мест. Зачислили меня в отдел, ведавший охраной многочисленных тюрем и колоний республики. Обложившись пухлыми папками, принялся я изучать всевозможные циркуляры, инструкции, наставления. Установленный распорядок оказался суровым. Приходили к десяти утра. С пяти до восьми вечера — перерыв. Затем снова работа до двенадцати. Те, кто жил неподалеку, успевали в перерыв сбегать домой и наскоро пообедать, остальные, и я в том числе, довольствовались ближайшей столовкой.

В ночных бдениях не было особой нужды, мы отбывали эту вторую, собственно, смену как тяжелую повинность. Одни сонно перелистывали бумаги, другие чаевничали или околачивались в курилке.

Я недолго оставался один в небольшой, по-

спартански обставленной комнатке. Вскоре соседний письменный стол занял лейтенант госбезопасности Игнат Петрович Шеремета — мужчина статный, среднего роста, с породистым лицом и умными глазами. Вызывала уважение и красная шпала на петлицах, что соответствовало армейскому капитану.

Прищурив голубые глаза, он не без иронии заметил:

— Да-а, дослужился я... — и доверительно пояснил: — Был на оперативной работе в областном управлении, довольно высоко котировался, да проштрафился...

Вздохнув, грустно добавил:

— Не хочу хвастать, но за последние несколько лет много золотишка для казны добыл. Ни один, пожалуй, прииск столько не давал, сколько мы выкачивали. А меня за старания в УМЗ турнули... Обидно, а ничего не поделаешь...

Я уже не раз слышал об изъятии ценностей у ювелиров, часовщиков и с интересом слушал собеседника.

Шеремета переставил свой стул поближе и уселся на него верхом.

— Не подумайте чего дурного, — продолжал он, — мы и пальцем никого не трогали. Больше психологически воздействовали.

Встретив мой вопросительный взгляд, пояснил:

— Представьте тихого, мирного человека, которого ни за что ни про что бросили в тюремную камеру. Проходит неделя-другая, а бедолагу не вызывают и вроде бы забыли о нем. Естественно, им овладевает смятение. Он начинает проситься к следователю. Но я не тороплюсь. Только через несколько дней его приводят ко мне. Приглашаю сесть, папироской угощаю, о самочувствии расспрашиваю. В ответ слезные жалобы на болезни, скученность, отвратительное питание... Выслушав, говорю примерно так: “Советская власть строит социализм, нужна валюта. Нам известно, что она у вас есть. Сдайте ее, помогите государству — и тотчас освободим”. Редко кто сразу соглашался, большей частью клялись всеми святыми, что валюты нет и не было. Расстаемся недовольные друг другом. Вскоре душевительная беседа повторялась. И если арестованный стоял на своем, я подавал условный сигнал. Появлялся мой помощник — двухметровый детина с рябоватой разбойничьей рожей. В руке маузер.

Входит и докладывает: дескать, приказание выполнил, шлепнул того гада, что упорствовал. При этом свирепо, исподлобья смотрит на доп-

В ТЕХ ДАВНИХ ТРИДЦАТЫХ

рашиваемого, будто собираясь схватить того за шиворот и тоже пустить в расход.

Инсценировка действовала безотказно! Человек менялся в лице, начинали трястись губы, сердечко пошаливало. Но как бы то ни было, а раскошелелся, пусть и со скрипом...

Шеремета оборвал себя и, отведя глаза в сторону, зло сплюнул:

— А не ко двору пришелся только из-за того, что пренебрег наставлениями Талейрана.

— Это кто? — спросил я.

— Один французский дипломат. Проньга, каких поискать. Славился необыкновенной хитростью и коварством. Ему принадлежат слова: "Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли". Вообще, надо придерживаться правила: больше слушай, меньше говори. Я же брякнул на служебном совещании, что, мол, учет изымаемых ценностей ведется небрежно, тут возможны злоупотребления. К примеру, уникальную золотую статуэтку наяды занесли в ведомость как "лом желтого металла"... Начальству это пришлось не по вкусу, и вскоре подвернулся удобный случай избавиться от меня. В прошлогодней аттестации указали, что, хотя я не имею специальной подготовки, но достаточный практический опыт позволяет успешно выполнять служебные обязанности. А сейчас то же самое подали под другим соусом: дескать, есть достаточный практический опыт, но отсутствие специальной подготовки не позволяет дальше использовать в УГБ области...

4.

В газетах все чаще и чаще писали о вредителях и шпионах, проникших в разные сферы нашей жизни. Читая эти сообщения, я силился понять, что происходит. Силился и не мог. Вот уже двадцать лет нет ни помещиков, ни капиталистов, и вдруг нежданно-негаданно появилось множество недругов. По логике, с течением времени их должно становиться меньше и меньше, а тут — наоборот, страна кишмя кишит шпионами, диверсантами...

Застрелился начальник политуправления Красной Армии, член компартии с дореволюционных времен Ян Борисович Гамарник. Оказывается, не только Ягода, а и он замешан в связях с врагами народа. В РККА разоблачены и еще высокопоставленные заговорщики. Среди них Тухачевский, первый заместитель наркома обо-

роны, Уборевич и Якир, командующие войсками Белорусского и Киевского военных округов...

Каждый раз, разворачивая газеты, я с душевным трепетом ждал новых потрясающих сообщений. И они появлялись.

Застрелил жену и покончил с собой Афанасий Петрович Любченко, председатель Совнаркома Украины. Арестован Енукидзе, старейший партийный работник, член ВКП (б) с 1898 года, секретарь президиума ЦИК СССР...

Ходили слухи, что репрессированы жены Молотова, Калинина и даже, дико сказать, самого Поскребышева — ближайшего помощника Сталина. Неужто и они были в оппозиции к существующему строю?

Как-то в первом часу ночи, закрыв бумаги в шкаф и опечатав комнату, мы вышли с Шереметой из управления. Редкие фонари скупо освещали пустынную улицу. Недавно прошедший дождь прибил пыль, освежил кустарник.

Миновали памятник Богдану Хмельницкому, и я нарушил молчание:

— Игнат Петрович, пользуясь вашим добрым ко мне отношением, хочу выяснить один деликатный вопрос...

— Что, зазноба появилась, только встречаться некогда?

— Нет, тут другое... Как бы покороче объяснить? Вот вы — старый чекист, ветеран и, конечно, знаете...

— Не тяните, выкладывайте без особых прединсловий.

— Правда ли, что впервые за всю историю ВЧК—НКВД оперсоставу устанавливаются планы выявления террористов, шпионов? Лично я в такое не верю и решил уточнить...

Шеремета помрачнел и, понизив голос, ответил:

— Да, как ни странно, но это стали практиковать. И горе тому сотруднику, кто сей план не выполнит. Нет, творчество это не местное, свистопляску затеял... — Он умолк, словно прикусил язык. Бросив на меня испытующий взгляд, оглянулся, будто опасаясь, что кто-то может подслушать на безлюдной ночной улице, и прошептал:

— Сам Ежов.

Мы присели на скамейку. Несколько минут Шеремета молчал, положив руки на колени, погружившись в свои мысли, затем глухо сказал:

— В свое время я работал в особом отделе округа. Не раз общался и с Якиром, и с Уборевичем... Я, разумеется, не подвергаю сомнению

официальные сообщения, но ничего плохого сказать о них не могу.

— В душу к человеку не заглянешь, — заметил я. — Ведь оба признали себя виновными.

Игнат Петрович поморщился:

— Виновными в чем? Тут, видите ли, столкнулись разные взгляды на строительство Красной Армии. Одни военачальники утверждают, что конница изжила себя, предлагают, по примеру сопредельных государств, механизировать войска, насытить их танками, авиацией. Ворошилов и Буденный яростно воспротивились. Больше того — сочли подобную реорганизацию не только неверной, а даже вредительской. Вникните — вредительской! Хотя любому понятно, что с шашкой и пикой на танк не погрешь.

Шеремета умолк, низко опустив голову. Через минуту продолжил:

— Не все безропотно соглашались с происходящим. Многие чекисты, работавшие еще вместе с Дзержинским, высказывали несогласие с планированием количества арестов — и жестоко поплатились. Их обвинили в покровительстве врагам народа, еще черт знает в чем... Охота на шпионов набирает обороты, хватают правых и виноватых. Так скоро все мы разделимся на две категории: кто сидит и кто будет сидеть. — Посмотрев на часы, он округлил глаза: — Однако заговорились, пора по домам.

Мы простились. Я шел к себе мрачнее тучи. В голове не укладывалось: а как же тогда Сталин, этот добрейший и справедливейший из людей, достойный продолжатель дела Ленина, слепо верит, что ближайшие его соратники с первых дней революции и даже с дореволюционных времен изменили своим идеям и убеждениям? Почему он не посмотрит им в глаза, не выяснит лично, что к чему?

5.

В УМЗ работало немало толковых, заслуживающих уважения людей. А вот сержант госбезопасности Лукасян не вызывал у меня симпатии. Невысокий, щуплый, с тонкими бледными губами и пронзительным взглядом выпуклых черных глаз, он усердствовал на собраниях и вскоре стал считаться штатным оратором. Говорил долго и нудно. Точно было слышать его бесконечные “значит”, “вот”, “так сказать”, “понимаете”...

Но однажды Лукасян изменил обыкновению клясть абстрактных врагов народа и призвал

более взыскательно относиться к промахам и ошибкам своих сотрудников. И после такой преамбулы ополчился на политрука охраны колонии, расположенной неподалеку от Киева:

— Этот тип сжег в печи — подумать только! — портрет товарища Сталина! В объяснительной написал, что, дескать, портрет... — Лукасян округлил глаза и потряс жилистым кулаком, — портрет, так сказать, мухи привели в неподобающий вид, и поэтому он заменил его новым. Как ни странно, местные руководители проявили либерализм, политическую близорукость и всего-навсего уволили этого горе-политрука вместо предания его суду! Сегодня, понимаете, сожгли портрет Иосифа Виссарионовича, а завтра, пользуясь, так сказать, безнаказанностью, на что замахнутся?

Лукасян победоносно оглянулся вокруг и уселся на свое место.

В просторном зале стояла напряженная тишина, лишь слышалось, как об оконное стекло бился крупный мохнатый шмель.

Я не верил своим ушам. Ну хорошо, Сталин — вождь наш и учитель. Но неужели нельзя заменить его портрет, выцветший от времени и засиженный мухами? Неужто надо считать преступником человека, сделавшего это из лучших побуждений? Нет, что-то с нами происходит. Так Бог знает до чего дойти можно. Я должен, просто обязан высказать все, что думаю по этому поводу. Отмалчиваться — малодушно, даже бесчестно...

Я попросил слова, но меня опередил Шеремета, исполнявший обязанности начальника отдела:

— Тут предлагают судить в общем-то добросовестного, преданного партии человека. Да разве его вина в том, что мухи столь несознательны и придают портретам неподобающий вид? Мне известен данный случай, я связывался с областью. Политрук характеризуется положительно. Старательный, вдумчивый молодой коммунист. Много сделал для поднятия дисциплины и порядка в колонии. Уволив его за незначительную промашку, мы потеряли ценного работника...

Лукасян побагровел и, привстав, запальчиво выкрикнул:

— Не промашка, а преступление!

Неулыбчивое лицо Шереметы с глубокими морщинами у рта потемнело:

— Скажу без околичностей, кое-кто из здесь сидящих куда больше дров наломал, но мне и в голову не приходит грозить трибуналом. Вот се-

В ТЕХ ДАВНИХ ТРИДЦАТЫХ

годня из Харькова вернули нашу директиву, — продолжал Шеремета с видимым раздражением. — Не просто вернули, а и снабдили ядовитой припиской. Мол, ну вы там даете, планируя убить ряд начальников охраны колоний. Да еще и красным карандашом подчеркнута та злополучная строка из нашей бумаги, где черным по белому написано — “убить”. Прочитал, и глаза на лоб полезли.

Отложив все дела, я стал разбираться. Выяснилось, что рекомендовано не убить их, а учить, учить расширять кругозор! Машинистка допустила грубую ошибку, совершенно исказившую текст. Но еще большая вина лежит на сотруднике, готовившем документ и по халатности пропустившем ошибку. Он, ничтоже сумняшеся, заверил текст подписью перед отправкой на ротатор. Стало быть, копия отвечает оригиналу. Короче говоря, мы опозорились на всю республику! А вы тут про историю с портретом...

Из задних рядов послышался насмешливый голос:

— Это кто же у нас такой грамотей?

— Назову, обязательно назову, — язвительно заметил Шеремета. — Страна, — он усмехнулся краем рта, — должна знать своих героев... Но позвольте закончить мысль. Спустя несколько дней тот же работник снова допустил прокол. Теперь уже в обзоре, подготовленном для рассылки в области, им указана “сталинская тюрьма”, хотя следовало бы написать: “тюрьма в городе Сталино”. Более мрачного, извращающего смысл словосочетания и не придумаешь! У меня имелись все основания возбудить дело, объясняя случившееся не недомыслием, а стремлением опорочить наш социалистический строй. Тем более что в обоих случаях виновным оказался не какой-нибудь зеленый новичок или технический секретарь, а старший инспектор...

— Я не хотел... Машинистка подвела, — вдруг прохрипел Гукасян. Лицо его искажилось и покрылось испариной. — Я доверился ей, в этом моя вина... А она... Понимаете...

— Сядьте! Нечего искать стрелочников! — жестко оборвал его Шеремета. Вы допускаете промах за промахом. Прямо скажу: прохладно, весьма прохладно относитесь к служебным обязанностям. А еще упрекаете других. Таким, как вы, не место в центральном аппарате.

... Гукасян уходил с собрания съезжившийся, жалкий, словно побитый пес. Заискивающе заглядывал всем в глаза, искал сочувствия. От бы-

лой самоуверенности и апломба не осталось и следа.

Через несколько дней я увидел его с обходным листком.

6.

Осень настойчиво напоминала о себе. В киевских скверах и парках поблекла трава, оголился кустарник. Сухие, порыжевшие листья осыпались с деревьев. Ночи стали угрюмыми, рассветы туманными.

Приближалась двадцатая годовщина Октябрьской революции. Появилась возможность два выходных дня провести у родителей. Но поездку пришлось отложить: на седьмое число назначили дежурить по управлению. И это еще не все. Предстояло участвовать в оперативных мероприятиях. Я не допытывался, что это за мероприятия и какова моя роль, зная, что излишнее любопытство не в чести. Надо будет — скажут. Так и вышло. Днем пятого ноября меня и еще десяток сотрудников вызвал Шеремета и многозначительно сообщил:

— Антисоветские элементы активно используют уголовников в своих преступных целях. Поэтому в преддверии праздника намечена очистка города от лиц, не внушающих доверия, всякого рода тунеядцев и проходимцев. Вы направляетесь для усиления отделений милиции. Прибыть на места к двенадцати ночи в форме и с оружием. Сейчас ровно два часа дня. Таким образом, времени для отдыха достаточно...

“Съездил, называется, к родным, — печально размышлял я. — Облава закончится, видимо, к рассвету, не раньше. Доплетьешься домой без задних ног, проспишь до полудня, а там и в ряд...”

Будильник показывал одиннадцать двадцать, когда я затянул на сером армейском плаще кожаный ремень с кобурой, нахлобучил фуражку и отправился по указанному адресу.

Огни в домах погасли, только в одном, кирпичном, старинной постройки, с двумя подпирающими мансарду колоннами, еще не спали. Из открытой настежь форточки лилась мелодия вальса; сквозь ситцевую занавеску виднелась пара.

Взгрустнулось. Живут же люди, веселятся, а тут без малого двадцать шесть, а ни семьи, ни детей... Познакомился как-то с симпатичной дивчиной, да на свидание, как условились, не пришел: в командировку отправили. Вернулся через неделю, извинился, но отношения не по-

теплели — так и остался с носом. Конечно, в управлении есть незамужние секретарши, машинистки, но ни к одной из них не лежит душа. А ведь не зря в народе говорят: до двадцати пареней сам женится, до двадцати пяти — свахи женят, а после двадцати пяти — и черт не оженит...

Вот и здание Печерского отделения милиции. Ярko освещены зарешеченные, с матовыми стеклами окна первого этажа.

Я взялся за ручку двери дежурной комнаты и, едва переступил порог, остолбенел, увидев Андрея Стояна — сослуживца по конвойному полку. Только теперь на этом крепьше было не мешковатое красноармейское обмундирование, а щегольские хромовые сапоги и сшитая по фигуре синяя милицейская форма с двумя кубиками в петлицах.

Он тоже узнал меня и, раскинув руки, приветливо улыбаясь, пошел навстречу. Широкое, в редких веснушках лицо его сияло. Мы дружески обнялись.

— Здравствуй, здравствуй, Федя! — радостно воскликнул Стоян. — Сообщили, что прибудет кто-то из НКВД, но не ожидал столь приятного сюрприза. Время есть, пошли ко мне, потолкуем.

На втором этаже он открыл массивную дверь с табличкой “Уголовный розыск”.

— Я безмерно рад, Федя, нашей встрече! Дай слово, что придешь ко мне в гости. С женой познакомлю, она у меня кулинар, готовит — пальчики оближешь. Я и сынишкой обзавелся. На вот, посмотри. — Он достал фотографию миловидной светловолосой женщины с крепеньким мальчуганом на руках. — Да, вот тебе сразу мой служебный телефон, адрес. Жду тебя в ближайший выходной. Договорились?

— Конечно!

Мы проболтали с полчаса о жите-бытье. Затем Андрей заговорил о предстоящей задаче:

— Этой ночью по всему городу проводится проческа злочных мест. Одна “малина” появилась и у нас. За ней ведется негласное наблюдение. К часу ночи будут блокированы входы и выходы. Пытаемся проникнуть внутрь под предлогом проверки паспортного режима... Ну а там по обстановке. Компания, известно, собирается пестрая, всего можно ожидать.

— Да-а, веселая у тебя, Андрей, работенка.

— На скуку оперу жаловаться не приходится! — Бросив взгляд на часы, он поднялся: — Одноко пора.

Мы вышли на пустынную, плохо освещенную

улицу. Погода ухудшилась. Заструились косые нити дождя вперемежку со снегом.

Стоян поднял воротник пальто и грустно пощупил:

— В ноябре — семь погод на дворе: сеет, веет, кружит, мутит, рвет, льет и снизу метет. Хороший хозяин, пожалуй, и собаку не выгонит, а нам с тобой выпало...

Я сочувственно подумал: “Служба у тебя, брат, незавидная. А каково постовым милиционерам ночи напролет на ветру да холоде?”

Обходя лужи, мы шагали вдоль обувной фабрики. Справа высились сумрачные, уснувшие цеха.

Не успел я и глазом моргнуть, как внезапно через кирпичную стену перелетел чем-то набитый мешок.

Стоян схватил меня за локоть и поспешно увлек в тень. Минуту-другую стояла зловещая, напряженная тишина. Но вот над забором показалась голова, плечи, и кто-то тяжело спрыгнул на мокрую землю.

В слабом свете луны я увидел коренастого парня в короткой куртке и ватных штанах, заправленных в сапоги.

— На ловца и зверь бежит, — прошептал Стоян мне в ухо и вышел из-за дерева. — Что ж ты, Ярko, только-только освободился — и опять за старое?! Ни с места! — властно скомандовал он.

Парень отшатнулся, втянув голову в плечи, но тут же вызверился:

— Не выйдет по-твоему, проклятый легавый, не загонишь меня больше на нары! Благословлю тебя на деревянный тулупчик!

— Не дури, бери мешок и пошли в отделение! — шагнул ему навстречу Стоян.

Но преступник лишь выругался, выхватил из кармана наган...

Все произошло настолько неожиданно, что я опешил. Но уже через секунду верный ТТ очутился у меня в ладони.

Стоян тоже рванул полу пальто, выхватывая оружие, но... Бандит выстрелил первым и, подхватив мешок, бросился вдоль улицы.

— Стой, сволочь! — завопил я вне себя от ярости.

Тот замедлил бег и, повернувшись, вскинул револьвер. Тогда я, почти не целясь, нажал на спусковой крючок. Пошатнувшись. Ярko рухнул на колени, затем на бок и замер, подогнув под себя правую руку. Осмотрев его, я опрометью вернулся к Андрею, перевернул его на спину. По сердцу будто полоснуло: на меня смотрели неподвижные, безжизненные глаза...

7.

Летом тридцать восьмого года направили меня в Каменец-Подольскую область обследовать строительные колонии. Появились они там сравнительно недавно и, как я понимал, в связи с обострившейся международной обстановкой: Германия стягивала войска все ближе к нашим границам.

Прокладку и ремонт дорог в приграничье возложили на УМЗ не случайно. Управление располагало огромным количеством бесплатной рабочей силы. Тысячи и тысячи осужденных доставили во вновь созданные колонии, и работали они там на трассах от зари до зари. Всю, с позволения сказать, механизацию составляли лопаты, носилки да еще тачки.

Командировка подходила к концу. Последним пунктом был Меджибок. Видимо, начальник строительной колонии каким-то путем прознал обо мне. Вероятней всего, сообщили из Полонного или Старокиевского, где я уже побывал. Едва я переступил порог его кабинета, как он, величаво-сытый, розовощекий, приглаживая торчащие коротким бобриком каштановые волосы, вышел навстречу из-за стола.

Я протянул удостоверение личности и командировочное предписание, но он только замахал пухлыми руками:

— И смотреть не стану, многоуважаемый Федор Алексеевич! Мы обязаны знать свое руководство. И прямо скажу: приезд инспектирующего из центра — для нас неординарное, просто даже радостное событие. Надеемся получить указания по дальнейшему улучшению...

Я усмехнулся про себя. Бывалый этот тюремный служака, видать, льстец высшей марки. Ведь прекрасно знает мое должностное положение, а вот, поди ж ты, вроде бы ненароком причислил к руководству и, видите ли, рад-радешенек моему появлению.

— Всевозможных указаний, директив, инструкций рассылается центром предостаточно, — заметил я. — Так что буду смотреть исполнение.

— Что верно, то верно, бумага хватает, — приятно улыбаясь, поспешно согласился Афанасий Леонтьевич. — Но с огромной благодарностью воспримем и ваши личные критические замечания. А они, нет сомнения, будут, поскольку со стороны, безусловно, многое виднее. Мы же в повседневной текучке и суете наверняка что-то упустили, просмотрели... Но дела потом, потом! Сейчас же, с дороги, давайте перекусим, затем

съездим в Меджибок. Там есть весьма примечательные, просто романтические места. Например, замок шестнадцатого века...

— За приглашение спасибо, — сухо зато заметил я. — Но хотелось бы начать не с разносолов и экскурсий.

Афанасий Леонтьевич неохотно поднялся и снял с гвоздя форменную фуражку с черным верхом.

— Воля ваша, возражать не смею.

Миновав вахту, мы оказались на территории, огражденной густыми рядами колючей проволоки, с вышками для часовых по углам.

Колонию, видать по всему, создавали наспех, в пожарном, что называется, порядке. Строить новые бараки не стали, использовали вросшие в землю потемневшие от времени и непогоды склады с позеленевшими крышами и подслеповатыми оконцами. Они были явно непригодны для размещения людей и, казалось, вот-вот рухнут.

Когда я решил войти внутрь, Афанасий Леонтьевич досадливо поморщился, но ничего не сказал и предупредительно распахнул ветхую дверь.

Лысоватый приземистый дневальный с болезненным румянцем на щеках, увидев начальство, поспешно бросил веник, которым подметал земляной пол, и вытянулся, тараща водянистые глаза.

По обеим сторонам прохода тянулись сплошные двухъярусные нары, застланные каким-то тряпьем. В углу на чурбаке — бачок для воды с алюминиевой кружкой на ржавой цепочке.

Жалкое, прямо скажу, зрелище.

К стене следующего, столь же мрачного барака притулилась дышащая на ладан лачуга. Единственное ее окно было открыто настежь: над ним роем вились мухи. У входа тощий, с большим кадыком на длинной шее парень в засаленном халате колот дрова.

Начальник колонии, сложив руки на тугом животе, со вздохом пояснил:

— Кухня... Не лучше и помещение медпункта... Ну ничего, переберемся. Обустраиваться капитально просто нецелесообразно. Пройдем этот участок — и всем гамузом перебазируемся на новое место. Такова специфика, никуда не денешься. Приходится закрывать глаза на очевидные недостатки. Основное и главное — трасса. Для нее существуем. Нет для нас ничего выше государственных интересов...

Слушая его, я оглянулся вокруг. Мое внимание привлёк бревенчатый барак с массивным

навесным замком на окованной железом двери. Рядом, у засохшей яблони, настороженно поглядывал на нас богатырского сложения надзиратель с мясистым, почти квадратным обветренным лицом. Гимнастерка туго облегла покатые плечи; на ногах — старательно начищенные, хоть смотришь в них, ботинки, введенные вместо сапог несколько лет тому назад.

“Карцер”, — догадался я, увидев зарешеченное оконце.

Словно читая мои мысли, Афанасий Леонтьевич грустно заметил:

— Отказчики там и другие разные нарушители режима. Прикажете открыть?

Надзиратель, повинуясь взгляду начальника, щелкнул замком и потянул за дверную скобу.

В небольшую клетушку натолкали столько людей, что лишь некоторые из них могли сидеть на корточках, остальные стояли, тесно прижавшись друг к другу.

— Душегубка, самая что ни на есть душегубка! — послышался чей-то негодующий голос.

— Не брешь, обормот! — гаркнул надзиратель.

— При таком отношении к людям у вас скоро некому будет работать, — заметил я начальнику, направляясь к выходу из зоны. — Все, отмечу командировку и тут же уезжаю. Картина предельно ясна, мне здесь больше делать нечего.

— Я понимаю и разделяю ваше возмущение, — уже не так наигранно ответил он. — Это мой заместитель по режиму дров наломал. Недавно он у нас, молодой, горячий, не скупится на высказывания. Минувшей ночью в зону нагрянул и за малейшее нарушение — под арест! Битком набил карцер... Но меры уже приняты: заболевшими занялся лекпом, с остальными разбирается оперуполномоченный.

Я молчал.

— Обещаю: ничего подобного у нас больше не произойдет. Урок на всю жизнь...

Ну прямо гоголевский персонаж.

8.

Не зря говорят: пришла беда — отворяй ворота. Только стал забывать историю с политинформацией, явилась новая напасть. На этот раз о ней оповестил меня Игнат Петрович Шеремета.

По обыкновению сразу после обеденного перерыва я занес ему бумаги на подпись. Досадли-

во поморщившись, он отложил их в сторону и достал из папки тетрадный листок в клеточку, положил перед собой.

— Анонимку на вас накатали, Федор Алексеевич. Во вредительстве обвиняют. Бред сивой кобылы, но попробуй отмахнуться, когда письмо взято под контроль секретариатом наркомата. Хочешь не хочешь придется разбираться, реагировать...

Шеремета еще что-то говорил, но я почти его не слышал, углубясь в чтение.

Обвинение во вредительстве, сколь бы ни было нелепо и грубо состряпано, весьма серьезно. А то, что не верблюд, доказать не всегда легко и просто. Ясно одно: написал анонимку кто-то из нашего управления. Но кто и зачем? Ни с кем из сослуживцев я не ссорился, не конфликтовал. На кого думать, кого заподозрить в клевете?

Шеремета, будто отвечая на мои мысли, заметил:

— Выявлением анонимщика заниматься бесполезно, напрасная трата времени и сил. Надо думать не о том, как изобличить подлеца, а как вывести себя из-под удара. Анонимщик утверждает, что вам поручили подобрать место для тренировки служебных собак, а вы умышленно — обратите внимание: умышленно! — подыскали участок, пораженный пироплазмозом, заболеванием крайне опасным для животных... Думайте, как выходить из положения.

Обвинение казалось настолько чудовищным, что я сразу даже не нашелся, что ответить. Внешне все выглядело правдоподобно. Да, я действительно отвечал за организацию специальных курсов. Руководство приняло мое предложение обосноваться на хуторе Капитановка, что неподалеку от Святошино. Там уже как-то проводились учебные сборы сотрудников тюрем и колоний, имелись жилые помещения, оборудование, пищеблок, был и просторный вольер для размещения овчарок. Правдой было и то, что вскоре выяснилось: в районе Капитановки в лесопосадке завелись клещи — переносчики пироплазмоза. Но мы сразу перестроили программу, сократили до минимума выходы на местность.

— Пусть докажут, что это был злой умысел! — сказал я.

— Не будьте наивным. — Шеремета кисло улыбнулся. — Презумпция невиновности нынче не в чести. Главное — признание обвиняемого. И следователи, чего греха таить, добиваются этого любыми путями. Именно поэтому многие арестованные, бессильные перед произволом,

покорно подписывают несусветную чушь, оговаривают себя. Печальная действительность! Эту стену, Федор Алексеевич, лбом не прошибешь. И не пытайтесь.

— Хорошо бы тогда проконсультироваться у специалиста по этому чертову пироплазмозу, — заметил я. — Ведь вблизи хутора, сам видел, лошадей пасли, коров... И ничего.

— Предложение дельное, — согласился Шеремета. — Подготовьте письмо в ветинститут за моей подписью и поезжайте.

В глубоком унынии отправился я к ветеринарам. Кто знает, как там отнесутся к вопросу, будет ли заключение благоприятным для меня?

Дребезжа и поскрипывая изношенным корпусом, старенький трамвайный вагон медленно катился по рельсам в сторону Голосеево — дальней киевской окраины.

Переступив порог просторного мрачного вестибюля, ощутил специфический запах карболки, йодоформа — неистребимых примет разного рода лечебниц. Поколебавшись, свернул направо по коридору с огромными, чисто вымытыми окнами. Нигде ни души. Наконец встретился щуплый санитар с редкой рыжеватой бороденкой, в клеенчатом фартуке, с какой-то корзинкой в руке. Он показал, где находится ведущий кафедрой паразитологии.

— Здравия желаю! — по-армейски поздоровался я и, достав из картонной папки запрос, отпечатанный на плотной воценой бумаге со штампом наркомата в левом верхнем углу, протянул его хозяину кабинета. — Руководство управления обращается с убедительной просьбой...

Профессор пытливо посмотрел на меня и, указав глазами на стул у приставного столика, принялся читать. Осанистый, представительный, в модном темно-синем пиджаке, с безукоризненным пробором в густых каштановых волосах, с крупными чертами лица, он невольно внушал уважение.

— М-да-а... Лейтенант государственной безопасности Шеремета сообщает, как явствует из этого документа, что несколько служебных собак вашего... э-э-э... ведомства заболели пироплазмозом, и задает вопрос: могло ли подобное произойти по злому умыслу? Так вот, молодой человек, запомните: весной и летом клещи членистоногие, класса паукообразных, подтипа хелицеровых переносят пироплазмоз, паразитируя на рогатом скоте, лошадях, собаках, свиньях... Заболевание, следует подчеркнуть, серьезное, поскольку поражает внутренние орга-

ны... И все же, что могу ответить вашему руководству в лице лейтенанта госбезопасности Шереметы? Да, умышленное заражение животных возможно! Правда... лишь теоретически. И вот почему: сам клещ крайне невелик и настолько умело маскируется в траве, в кустах, что охота на него подобна поиску иголки в стоге сена. Следует учитывать еще одно обстоятельство: клещи появляются на местности совершенно непредсказуемо, столь же внезапно исчезают. Предугадать место гнездования их и с этой целью выгуливать там, допустим, ваших овчарок — не что иное, как плод болезненного воображения... В таком аспекте, голубчик, я и намерен изложить свою точку зрения. Только так и не иначе!

Счастливыми глазами смотрел я на профессора. Меня переполняла несказанная нежность к этому неулыбчивому, хмурому человеку.

9.

Минул год. Канун октябрьского праздника наши сотрудники провели, как было заведено, в обходах и прочесываниях. Не обошла сия чаша и меня. Всю ночь прошагал я с участковым инспектором милиции глухими закоулками Лукьяновки, но никто не клеил антисоветских листовок, не скрывался в кладбищенских склепах, не пытался ничего поджигать или взрывать.

На седьмое ноября снова в наряде: чуть свет занял назначенное мне место на крыше четырехэтажного дома. Поеживаясь от пронизывающего ветра, внимательно следил за правительственной трибуной, завидуя тем, кому выпала судьба расположиться в парадных или нескольких квартирах, выходящих окнами на Крещатик.

За долгие часы службы задубел основательно и, откровенно говоря, с нетерпением ждал окончания демонстрации.

Но вот наконец прошел замыкающий Подольский район, трибуны опустели, и я спустился вниз.

То дежурство на крыше мне дорого обошлось — подхватил крупное воспаление легких. Только девятого декабря вернулся в строй.

На следующий день ко мне зашел Шеремета.

— Не обессудьте, что не проводывал: меня в Киеве не было — сплошные командировки. Сегодня приехал — и первым делом к вам.

Я искренне обрадовался его приходу и засуе-

тился, не зная, куда усадить, чем потчевать гостя. А он, выложив на стол кулек с яблоками, вдруг спросил:

— О Блюхере слышали?

— Что-то случилось?

— Случилось. Изобличен со всеми вытекающими последствиями.

Я остолбенел. А Шеремета, оседлав по своему обыкновению стул, печально заметил:

— Трудно, просто невозможно судить о деле, не зная всех обстоятельств, деталей, но, видимо, имелись достаточные основания для ареста военачальника столь высокого ранга. А вообще... Люди иной раз совершают странные, труднообъяснимые поступки. Царский генерал граф Игнатъев, писатель Алексей Толстой, академик Павлов... — и разве только они? — перешли на сторону Советской власти. А самые что ни на есть голодранцы, не имевшие гроша за душой, перебивавшиеся до революции с хлеба на квас, примкнули к белогвардейцам, вступили в банды, воевали против нас... Я помню Блюхера по совместной службе в нашем военном округе. Больше года состоял он помощником командующего войсками, и определенное мнение о нем у меня сложилось. Доброжелательный, открытый, никакого зазнайства и высокомерия. И как командир толковый, мыслящий... Но после того прошло десять лет, кто знает, как там обернулось? Японская разведка — одна из коварнейших, может, и угодил в ее ловушку... Да вот новость: у нас Берия, который первым замом у Ежова был, наркомом назначен.

— А Ежов? Куда его?

— По официальной версии, в отставку подал.

— В отставку? В сорок четыре-то года на пенсию?

— Ну не совсем на пенсию. Объявлено, что отставлен наркомом водного транспорта и от обязанностей наркомвнудел освобожден, дескать, по личной просьбе... Но чует мое сердце — спекся Николай Иванович, печальная ждет его участь. По такой же, собственно, схеме поступили и с Ягодой: из НКВД переместили в наркомат почт и телеграфа, а через несколько месяцев — под суд. Приговор известен. Видно, и с Ежовым обойдутся точно так... А заодно и с теми, кто с ним работал...

Шеремета как в воду глядел. Весной 39-го года "кремлевский карлик" снова появился на Лубянке, но уже не в шикарном кабинете наркома, а в камере для особо опасных преступников.

Стояли последние февральские дни. В воздухе запахло весной. Снег становился ноздреватым, на Днепре появились островки черной воды. Днем начинало припекать солнце, крупными слезами заплакали сосульки...

Но верно говорят, что февраль на погоду враль. Зима точно спохватилась, принялась показывать норы.

Как-то утром, собираясь на службу, по укореившейся привычке включил радио, и словно бомба взорвалась. Сообщили, что арестован маршал Егоров, первый заместитель наркома обороны.

Диктор продолжал говорить, но я уже не слушал. Вот так: сначала Тухачевский, за ним Блюхер, теперь Егоров. Из первых пяти маршалов Советского Союза только двое — Буденный да Ворошилов — на свободе. Впрочем, кто знает, может, и под них уже подбивают клинья, собирают компромат?

Спустя несколько дней снова потрясающее событие: арестован Косиор, долгие годы возглавлявший компартию Украины, а затем работавший в Совнаркоме страны. И на тебе — агент польской разведки, шпион!

Тридцать девятый год оказался насыщен драматическими событиями. Наиболее значительные из них произошли все же в сентябре: когда дивизии вермахта с двух сторон ворвались в Польшу. Миновала какая-то неделя, и они вошли в предместье Варшавы. Как нам казалось, еще немного, и немцы оккупируют Западную Украину и Западную Белоруссию. Но в ночь на 17 сентября войска Красной Армии двинулись им навстречу. Части вермахта остановились на рубеже рек Западный Буг и Сан.

Газеты того времени красочно описывали волнующие и радостные встречи трудящихся Тернополья, Станислава, Равы-Русской, Львова с нашими бойцами и командирами. Но не везде обошлось гладко и бескровно, не все приветствовали новую власть. Случалось — военнослужащего ножом полоснут, оружием завладеют, поджоги бывали, диверсии...

В западные области Украины были направлены сотрудники ОББ — отдела по борьбе с бандитизмом. Однако, вероятно, этих сил оказалось недостаточно, и вскоре из работников нашего управления создали довольно многочисленную оперативную группу. Приказа на выезд дожидались со дня на день, пребывая в постоянном

нервном напряжении. Так и встретили новый, 1940 год.

Начался он тяжело: войска РККА безуспешно штурмовали долговременные укрепления на Карельском перешейке. Пресса скупо освещала боевые действия, поскольку писать о неудачах и просчетах запрещалось, а успехов не было.

И все же какими-то неведомыми путями просачивались сведения о тяжелой ситуации, в которой оказались части Красной Армии. Словно сама природа противилась этой войне — метели, снега, окаянный холод...

Верно говорят, что гибель тысяч, десятков тысяч — это статистика, а смерть одного близкого человека — трагедия, причиняющая неизбывную боль.

Где-то в начале февраля Игнат Петрович пришел на работу темнее тучи. Сутулясь, прошел по коридору и долго возился, открывая дверь кабинета. Часа через два он позвонил мне по внутреннему телефону:

— Если есть что на подпись, несите.

Я застал его сидящим за столом, голова лежала на скрещенных руках. Услышав мои шаги, он выпрямился. У меня схватило сердце, когда увидел его наполненные слезами глаза.

— Виктор, мой младший брат, убит. Под Хотинским оборонительным узлом белофиннов весь взвод poleg, и Витя наш в том числе...

Я тихонько вышел из кабинета, неслышно притворив за собой дверь.

11.

Наконец поступила команда отправить нашу опергруппу во Львов. Среди других были и мы с Шереметой.

Только-только начало светать, когда локомотив, натужно пыхтя, втащил вереницу пассажирских вагонов под своды львовского вокзала. Мы решили не дожидаться, пока первые трамвай выйдут на линию, и отправились пешком в гостиницу. Под ногами поскрипывал свежеспавший снег. Кое-где из труб вился пушистый дымок.

Мне впервые довелось видеть такой чисто европейский город. Очаровывал какой-то своеобразный, неповторимый колорит. Здания капитальные, внушительные, оригинальной архитектуры, с большими светлыми окнами, все под черепицей или железом. Витрины магазинов

огромные, зеркальные; масса привлекательных вывесок.

Маленький, словно игрушечный, трамвай, размером куда меньше киевских, поблескивая синими боками, проворно бежал по узкой колее. Скрипнув тормозами, остановился в нескольких метрах от нас. Усатый кондуктор в форменном костюме и фуражке с лакированным козырьком, улыбаясь, жестами приглашал к себе. Но мы уже почти пришли.

В отеле образцовая чистота. На широкой лестнице — ковровая дорожка, дверные ручки начищены до блеска. В номере — накрахмаленное постельное белье, белоснежные полотенца; в ванной комнате, облицованной кафелем, — большое зеркало, голубой фаянсовый умывальник... Куда там нашим домам для приезжих! Уж кто-кто, а я-то повидал их в районных городишках. Грязь, вонь, полчища клопов и тараканов, одна на этаж раковина, горячей воды нет, туалет во дворе... И никто не удивляется, все в порядке вещей.

Гостиничный буфет был еще закрыт, и мы решили поискать ближайшую столовую. Миновали сапожную мастерскую, ателье, парикмахерскую... Везде огромные замки, опущенные жалюзи на окнах. Но вот, кажется, то, что мы искали. На первом этаже дома из грубо отесанного камня под остроконечной черепичной крышей — красочная вывеска с жареным поросенком на ней.

— Рановато... — замялся Шеремета, глянув на часы. — Еще и восьми нет. Впрочем...

Едва приоткрыли дубовую дверь, как мелодично звякнул колокольчик, сообщив о нашем появлении. Тотчас из-за ширмы вышел сухой, средних лет мужчина со щегольскими усиками. На нем был френч с накладными карманами, отлично сшитые бриджи заправлены в старательно начищенные сапоги с твердыми лакированными голенищами и высокими, на местный манер, задниками. Говорил он по-русски вполне сносно, перемежая свою речь польскими и украинскими словами. Угадав в Шеремете старшего, склонился в полупоклоне и негромко спросил:

— Чего желаете, пан офицер? Сейчас можно предложить омлет и телятину с жареным картофелем. На десерт — кофе, мороженое...

Едва мы расправились с завтраком, хозяин учтиво осведомился, что приготовить на обед.

Шеремета засмеялся, откинувшись на стуле:

— Да мы и так наелись до отвала, какой еще обед?! Сколько с нас?

— Пан офицер, не спешите, успеется, завтра заплатите.

— А вы не опасаетесь, что мы больше не придем и тем причиним вам убыток?

Хозяин возмущенно замахал руками и даже отступил на шаг:

— Как можно так думать! Вот уже несколько месяцев у нас столуются советские офицеры, и никто из них не обидел меня. Не сомневаюсь, что и вы, и молодой пан офицер еще завитаете...

“Ну и молодчина! — подумал я, дивясь его хозяйственной сметке. — Хочешь не хочешь, а ведь снова придешь”.

12.

Прибыть в облуправление НКВД для получения задания следовало к десяти вечера. Что за операция предстоит, можно было только догадываться.

Мы с Шереметой вышли из отеля задолго до назначенного срока. Когда еще придется — и выпадет ли? — пройтись по Львову!

Днем потеплело, и кое-где брусчатка на мостовой обнажилась. Многочисленные каштаны стояли голые, печально растопырив ветки. На улицах уже зажгли газовые фонари, и в их свете кружились, плясали редкие снежинки. Даже в этот поздний час около пассажира шла торговля. Продавали женские шляпки, туфли, свитера, пахнущие нафталином отрезки мануфактуры... Какой-то вертлявый тип в потрепанном демисезонном пальто, зеленой тирольской шляпе с перышком и в гамашах поверх стоптанных, потускневших лакированных туфель, приторно улыбаясь, предложил шоколад “Бранка”, по его словам, лучший в Европе, и подлинный французский одеколон. И хотя мы видели, что он из тех, кто старается хитрого перехитрить, соблазнились яркой этикеткой. Едва расплатились, как он нагнал нас и, понизив голос, вкрадчиво спросил на ужасной смеси русских, украинских, польских и еще Бог знает каких слов, не желаем ли мы приятно провести вечер с молоденькими паненками? Услышав отказ, разочарованно отошел. Интерес к нам сразу угас, словно костер под проливным дождем.

Через десяток шагов нас остановила смазливая, хорошо одетая брюнетка, попросила закурить.

Шеремета протянул ей коробку “Казбека”. Рукой в тонкой лайковой перчатке она взяла одну

папиросу и спросила, не желаем ли мы развлечься в хорошем обществе? У нее есть подруга, приятная блондинка, с замечательной фигурой и прекрасными манерами. Обе они неравнодушны к военным, поскольку у них обеих мужья были поручиками Войска Польского, но убиты в сентябре прошлого года германцами.

Я с жалостью смотрел на миловидную женщину, которую война не только лишила мужа, а и выгнала на панель.

До самого управления мы с Шереметой не проронили ни слова.

Совещание проводил длиннолицый, хмурый старший лейтенант госбезопасности. Он сообщил, что нынешней ночью проводится операция по выселению семей польских офицеров в восточные области нашей страны. Обтекаемая формулировка — “восточные области” — означала, по существу, Сибирь или Казахстан. Выходит, не на борьбу с бандитами, террористами и диверсантами бросили нас сюда, а поручают арестовывать женщин и ребятшек.

Огласили список старших групп, выдали постановления на выселение, объяснили маршруты. Шеремете предстояло выдвигаться на улицу Сапеги. А я уже было решил, что оставлен в управлении для подведения итогов операции, составления спецсообщения, как услышал свою фамилию.

— Вам, Терновой, выезжать на улицу Коперника, она в самом центре города. Подлежит отправке Поплавская Кристина Сигизмундовна и дочь ее Ядвига...

13.

Дом с белоснежными колоннами был погружен в темноту. Я потянул на себя тяжелую дверь парадного и стал подниматься по мраморным ступеням. На этажах тускло горели лампочки, но свет их позволял рассмотреть номера квартир.

За мной шагал милицай — неопределенного возраста поляк из местных активистов, с усиками в ниточку под смешно вздернутым носом. Был он одет в выдавшую виды потертую суконную куртку, стянутую солдатским брезентовым ремнем с патронным подсумком, и облезлую меховую шапку. Из-за синего шарфа, намотанного вокруг жилистой шеи, выглядывал твердый накрахмаленный воротничок. В руке он сжимал допотопный кавалерийский карабин времен

В ТЕХ ДАВНИХ ТРИДЦАТЫХ

первой мировой войны, и от этого угреватое лицо милица была сосредоточенным и важным.

Замыкал шествие вооруженный трехлинейкой долговязый красноармеец с оттопыренными ушами, в коротковатой для него серой шинели.

Вот и нужная нам квартира. После моего звонка минуточку было тихо, затем послышались легкие шаги и мелодичный женский голос.

Я выразительно посмотрел на милица, и тот, откашлявшись, произнес несколько слов польски.

Упала цепочка, щелкнул замок, и мы очутились в просторной прихожей с большущим, в полстены, зеркалом. На вешалке — каракулевая шубка, котиковое манто, меховые шапочки, вязаный капор...

Хозяйка квартиры, кутаясь в длинный атласный халат с широкими рукавами, с недоумением смотрела на нас.

Признаться, я растерялся: будь передо мной вооруженный диверсант или уголовник с тесаком или топором, не колеблясь вступил бы в схватку. А тут худенькая, мертвенно бледная молодая женщина. У меня не поворачивался язык объявить ей, с какой целью мы заявили к ней глухой ночью. Наконец я взял себя в руки и бросил милицаю:

— Переводи!

— Вынужден сообщить вам...

— Говорите, я достаточно хорошо знаю русский, — тихо сказала она. — Чего же мы здесь стоим? Прощу в гостиную.

Мы прошли в просторную комнату и остановились возле столика, на котором привлекла мое внимание цветная фотография майора авиации с приятным мужественным лицом.

— Кристина Сигизмундовна, — начал я, — поверьте, мне крайне неприятно приносить в ваш дом плохие вести, но есть решение... — И я принялся копать под шинелью, чтобы достать из кармана гимнастерки постановление, но Поплавская только махнула рукой: не затрудняйтесь, дескать, и без того верю. — Так вот, есть решение, — медленно продолжил я, подбирая наиболее подходящие слова, — отправить из Львова семью офицеров... И вашу в том числе. Так что...

Ноги у Поплавской подкосились, и она, опустившись на стул, зарыдала.

В дверях соседней комнаты неожиданно появилась заспанная, лет семнадцати девушка в коротеньком, до колен, голубом ворсистом хала-

те и красных, отороченных мехом домашних туфлях.

Сказать, что она была красива, — это ничего не сказать. Природа не поскупилась, наделив ее стройностью, точеным кукольным личиком, гордой осанкой, лучистым взглядом, копной темно-золотистых спадающих на плечи волос...

Вероятно, такая вот ослепительной красоты паненка когда-то и покорила сердце одного из бравых сыновей Тараса Бульбы — Андрия.

Даже не взглянув на нас, она бросилась к матери, обняла ее за плечи и принялась нежно гладить по голове:

— Успокойся, мамуся, успокойся! Я все слышала. Это какая-то ужасная ошибка, нелепое недоразумение. Наш папа — честный, благородный... Его любили солдаты. Он не мог сделать ничего дурного. Мы ни в чем не провинились перед новой властью...

Я осознавал, что совершается несправедливость, ломая людские судьбы. Но запущенную машину не в силах остановить не только начальник областного управления НКВД, а и никто в Киеве. Приказание пришло из самой Москвы.

Из тяжелых раздумий меня вывел голос хозяйки:

— Ядвига, голубушка, помоги собрать вещи!

На разостланные простыни, в открытые кожаные чемоданы полетели корсеты, статуэтки, щипцы для завивки волос, чернобурка, распятие Христа... За ними — плюшевый медвежонок, пачка цветных карандашей, ноты...

Поплавская, торопясь и нервно кусая губы, хватала первое, что попадалось на глаза. Руки у нее тряслись, хрустальная ваза выскользнула и разбилась вдребезги...

Я был до того поглощен своими мыслями, что не очень вникал, чем занимаются хозяйка и ее дочь. Все это проходило как-то мимо моего сознания. Но когда увидел, что запихивают в чемодан теннисные ракетки, словно очнулся. Да что же они делают?! Вес-то багажа ограниченный.

— Извините, но вы допускаете ошибку. Брать надо только самое необходимое.

Поплавская, смахнув слезы, подошла ко мне и вцепилась в рукав шинели.

— Молодой человек, скажите, куда нас отправляют?

Не в силах выдержать ее взгляда, я отвел глаза и уклончиво ответил:

— Точно не знаю, но предполагаю, что климат там будет суровый. Так что настоятельно сове-

тую взять теплую одежду. И про еду не забудьте. Ехать, видимо, не один день.

— Да, да, вы абсолютно правы! Я совершенно потеряла голову... Пожалуйста, очень прошу, помогите нам, и Езус Христус возблагодарит вас.

Я сбросил шинель на стул и взял инициативу в свои руки.

— Несите одеяла, теплые вещи... Вот этот чемодан отведем для продуктов... Туда же и кастрюли, готовить в чем будете?.. Правильно. Ядвига, ведро пригодится, еще лучше — два. В них соль можно уложить, сахар, пакеты с крупой и муку... Не забудьте ложки, нитки, мыло, ножницы...

Красноармеец Аникин, пришедший со мной, тоже недолго наблюдал за происходящим. Поставив винтовку в угол, он усердно принялся увязывать узлы. Покончив с этим, повернул ко мне веснушчатое лицо и сказал негромко, акая, как истый рязанец:

— Товарищ начальник, разрешите в ихнюю кухню заглянуть. Ведь хорошо бы им прихватить побольше картошечки да лучку, — и, почесав затылок, легонько толкнул милицаю в плечо: — Слышь, друг, узнай у хозяйки, где у них погреб али подвал. И пушай сумку повместительней даст, а еще лучше — мешок.

— Оно тебе нужно?! — вдруг отозвался тот. — Не для того меня сюда послали!

— Вот ты, пан, каков! — укоризненно сказал Аникин. — С гитлерчуками следовало драться, в Польшу их не пускать, а ты с бабами воюешь... Ну да ладно, и без тебя обойдемся!

Милицай равнодушно зевнул и, поправив шапку, направился к зеркалу. Старательно пригладив свои реденькие усики, лениво, вразвалку вышел в коридор. Вскоре вернулся и вновь уселся на стул.

Поглощенный делом, я не обращал на него внимания. Но когда все было упаковано, увязано, осталось перенести вещи в грузовик и опечатать квартиру, вдруг послышался взволнованный голос хозяйки:

— Ядвига, ты не брала часы на туалетном столике? Те, золотые, папин подарок...

— Нет.

— Куда же они запропалились? Совсем недавно видела их, и нет...

Я почувствовал себя крайне неловко. Кроме нее с дочерью да нас троих никого в квартире нет. Ни я, ни Аникин к зеркалу не подходили. Это точно. А милицай? Он ведь вертелся у трюмо!

— Готово, товарищ начальник! — доложил Аникин. — Можно ехать.

— Малость задержимся, — ответил я и, подойдя вплотную к милицаю, потребовал: — Выкладывай, гнида, часы!

Самообладанию его можно было позавидовать. Он даже не изменился в лице и, похоже, знал, что лучший способ обороны — наступление.

— Какие часы?! — сверкая глазами, визгливо выкрикнул со злой дрожью в голосе, и жилы на висках у него вздулись. — Эта растеряха куда-то задевала их, а других обвиняет! Я это так не оставлю, я на вас скаржитесь... э-э-э... жаловаться буду! Позорите...

Такой отпор на какой-то миг смутил меня. Однако отступить было поздно:

— Сам знаешь какие!

— Пся крев! — прошипел милицай и, надув губы, с видом оскорбленной невинности, вывернул карманы куртки. Затем сбросил ее на пол и остался с темным свитере и серых брюках, заправленных в разбитые, давно не чищенные хромовые сапоги, с высокими, как здесь водятся, задниками.

— Карманы!

Милицай скрипнул зубами и враждебно буркнул:

— Добже!

И снова ничего, кроме никелированной зажигалки и сигарет.

Да-а, нехорошо получилось. Выходит, зря обидел человека...

И тут взгляд мой скользнул по лежавшей на подоконнике шапке милицай, и я, впрочем, без надежды на успех, стал прощупывать ее козырек.

Ну и артист, ну и ловкач! Вот они, часики!

Милицай побагровел и, слезливо замигав, понулся, переминаясь с ноги на ногу.

— И теперь будешь отказываться?.. Что молчишь, отвечай, гад!

Схватив со стула карабин, я молниеносно вытащил из него затвор. Так-то оно вернее.

— Аникин, присматривай за ним! — приказал и обернулся к телефону.

Через минуту в трубке послышался знакомый басок дежурного по областному управлению НКВД.

— М-да-а... История, товарищ Терновой, скандальная. Подобные типы льют, так сказать, воду на мельницу врага. Ну что ж, вышлю к вам наряд и следователя...

На товарной станции творилось что-то невообразимое. У вереницы теплушек громоздились сундуки, узлы, сумки, чемоданы... Растерянные

В ТЕХ ДАВНИХ ТРИДЦАТЫХ

женщины со страхом смотрели на обшарпанные товарные вагоны, в которых им предстояло отправляться в неведомую даль. Клевали носом разбуженные глухой ночью ребятишки. Лица стариков — окаменевшие. В отрешенных, погасших глазах слепая покорность судьбе. Можно было только догадываться, какие тяжкие думы одолевали этих людей...

14.

После возвращения из Львова дома я бывал редко. Одна командировка сменяла другую. И так вплоть до лета сорок первого.

В тот воскресный день 22 июня наметил выпастись да всласть попариться в бане. Но чуть свет меня разбудил настойчивый стук в дверь. Я еще удивился: кто это тарабанит в такую рань, звонка, что ли, не разглядел?

Оказалось, прислали за мной "пикап" из управления. По какой причине тревога, водитель не знал, только хмуро сообщил, что срочно собирают весь личный состав, кроме машинисток и технических секретарей.

Первым, кого я встретил в отделе, был Шеремета.

— Игнат Петрович, что стряслось?

— Сведения скудные, но весьма похоже, что гитлеровцы посчитали договор о ненападении пустой бумажкой. Их войска перешли нашу границу, громят заставы, — ответил Шеремета.

— И до того случались инциденты, — со слабой надеждой сказал я. — Им, видать, нравится задираться. Может, и на этот раз...

— Какой уж там инцидент, когда их самолеты летали на Киевском, бомбили аэродром, заводы...

...Молчаливые, встревоженные собрались сотрудники в зале заседаний. Включили приемник, и после столь знакомого: "Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза" — громом среди ясного неба прозвучало правительственное сообщение о вероломном нападении гитлеровской Германии, об ожесточенных боях на границе.

Известие потрясло. Вот тебе и Рот фронт, и пролетарская солидарность!..

Растерянность быстро прошла. Послышались выкрики: "Смерть фашистам!", "Сотрем с лица земли гитлеровских гадов!" А кто-то из задних рядов истерически завопил: "Даешь Берлин!"

Я набрался смелости и попросил слова.

— У всех нас свежи в памяти горькие неудачи

в войне с Финляндией. — угрюмо начал я. — Крепким она оказалась орешком. Гитлеровцы же еще покрепче. Их экономический потенциал исключительно велик. Они поработили и принудили работать на себя Данию и Норвегию, Францию, Югославию, Грецию... Германии активно помогают боярская Румыния, хортистская Венгрия. Так что до Берлина, если смотреть правде в глаза, еще далековато, и шапкозакидательством заниматься не надо. Но мы верим в Красную Армию, в силу ее и умение... — На секунду я сделал пузу и, переведя дыхание, добавил: — Верим в Коммунистическую партию, в мудрость нашего вождя и учителя товарища Сталина!

Выступили еще два-три человека, и все, вроде бы сразу посуровев, медленно разошлись. Каждый ощутил главное — война всех заденет, никого не обойдет, никого не забудет.

Я прошел вниз по Маложитомирской и свернул на Крещатик. Город неузнаваемо изменился. На улицах не стало обычного оживления, смеха, улыбок. Знаменитая кондитерская Семедени на замке.

Вернувшись домой, первым долгом включил репродуктор. Известия передавали обнадеживающие, и это несколько улучшило настроение. Гарнизон Рава-Русского укрепрайона не только успешно отразил атаки, а и отбросил врага назад до самой границы. Серьезное сопротивление встретил противник и на Ковельском железнодорожном узле. Здесь зенитчики сбили тринадцать "юнкерсов". Одиннадцать самолетов врага нашли свой конец в небе Львова...

Рождалась уверенность, что фашисты еще горько пожалеют о затеянной аванюре. Александр Невский не зря говорил: кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет. История доказывала это не раз. Да и Бисмарк предостерегал немцев, чтобы не трогали русских. Они, мол, долго запрягают, зато быстро ездят.

А вот не прислушались...

Следующий день вселил тревогу: сводки с театра военных действий стали неопределенными, расплывчатыми. На некоторых направлениях противник, имея многократное превосходство, добился "незначительных успехов"... Кое-где наши войска отошли "на более выгодные рубежи" или "улучшили свои позиции..." Не надо быть большим военным специалистом, чтобы понимать грустную сущность подобных сообщений.

На этом печальном фоне радовало и вселяло надежду лишь известие о событиях в Перемыш-

ле, накануне захваченном гитлеровцами. Там части Красной Армии возобновили бои за город. Яростные схватки шли за каждую улицу, за каждый дом. Нередко доходило до рукопашной, и Перемышль отбили. Он оставался нашим вплоть до 27 июня...

День ото дня положение на фронтах заметно ухудшалось. Уже на восьмой день войны были потеряны Ковель, Луцк, Ровно, Львов. Вслед за ними пал и Тернополь...

Мы надеялись, что поражения эти временные, что где-где, а на старой советско-польской границе врага обязательно остановят. Укрепления там мощные, немцам не по зубам.

Но наши чаяния не оправдались.

15.

По всему Киеву забелели приказы о мобилизации, о введении военного положения. Закрылись кинотеатры, клубы. Окна квартир — в перекрестных бумажных лентах. Витрины магазинов заложены мешками с песком. Аршинные надписи указывают дорогу в бомбоубежища и пункты медицинской помощи. Во дворах домов появились обшитые досками зигзагообразные щели; на крышах дежурили бойцы самообороны, обученные гасить зажигательные бомбы.

Нас перевели на казарменное положение, мы дневали и ночевали в управлении. Настроение удрученное, все валится из рук, да и кому, собственно, нужны сейчас наши директивы, докладные записки, обзоры?..

Собираясь в кабинетах, обсуждали военные сводки, отмечали на картах изменения линии фронта. А она, та линия, к огорчению, пятилась все дальше и дальше на восток.

Утром третьего июля прошел слухок: Сталин будет по радио говорить. Новость не из обычных! Иосиф Виссарионович выступал редко и только по важному поводу. Поэтому каждое его слово воспринималось с большим вниманием. И на этот раз мы надеялись, что он-то обязательно объяснит причины военных неудач. Ведь многие годы нас уверяли, что Красная Армия несокрушима; воевать если и придется, то обязательно на чужой территории; на удар врага мы непременно ответим тройным ударом. А оно вон как обернулось!

Ну ничего, Сталин укажет правильное направление, настанет желанный перелом. А отступление войск — явление временное. В конце кон-

цов, во всякой войне не обходится без горьких уроков.

Собрались в зале, терпеливо ждем. Вдруг из репродуктора на стене донеслось покашливание, бульканье воды, наливаемой в стакан, затем послышался столь родной и знакомый, негромкий, несколько напряженный голос.

Не стану пересказывать ту речь вождя. Поразило, взволновало душевное обращение: "Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!.."

После таких слов, думалось, костями ляжем, а не покоримся захватчикам, не отдадим родную землю на поругание! Потому что "наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!"

Прошло несколько дней, и в чинных коридорах управления с начищенными паркетными полами появились давно не бритые люди в потрепанной одежде и грубых, покрытых слоем пыли ботинках.

С каждым днем число их увеличивалось. То прибывали люди, осужденные по бытовым статьям, за малозначительные преступления, отпущенные из мест заключения Житомирской, Винницкой, Каменец-Подольской областей.

Донельзя утомленные, измученные дальней дорогой, они размещались на стульях для посетителей, а то и просто на полу, прислонившись спиной к стене.

Разбираться с ними поручили нескольким сотрудникам, в том числе и мне. Отпечатанные на ротаторе препроводительные в райвоенкомат содержали стандартные сведения: фамилия, имя, отчество, год и место рождения. Оставалось еще вписать статью Уголовного кодекса, по которой судили, и сколько отбыл из назначенного срока.

Одно то, что человек собирался на фронт, говорило в его пользу, и я без детальных расспросов выдавал направления.

Иной раз видел, что, желая выставить себя в выгодном свете, кое-кто врал как сивый мерин, но я не возражал: "Ладно, верю, что у тебя это была первая судимость, что срок получил за ерунду. Сейчас это уже не имеет значения. Иди, воюй!.."

Целый день очередь ко мне не иссякала. К вечеру до того замотался, что дальше некуда. Вышел в коридор и сказал:

— Товарищи, объявляется перерыв на десять минут.

В ТЕХ ДАВНИХ ТРИДЦАТЫХ

Все одобрительно загудели: пожалуйста, мол, мы не против.

Я вернулся в комнату и поспешно достал из ящика стола кусок порядком засохшего хлеба с кружочком колбасы. Это был мой обед и, похоже, что и ужин.

Через неплотно прикрытую дверь донесся низкий, с хрипотцой голос.

— ...Залетел я, братцы, в Казатин, а там попутали в одном злачном месте. Легашки сфотографировали анфас и в профиль, на "пианино" заставили сыграть. А отпечатки пальчиков, сами знаете, всегда гробят нашего брата. Наверное, долго бы мне еще на нарах париться, пока выяснение шло, а тут заварушка — немец попер. Ну вместе со всякой шантрапой и меня, грешника, выгнали. Идет, говорят, война, вывозить вас нечем и некогда. Кто считает себя патриотом, хочет драться с гитлеряками, дуйте в Киев. Там дадут бумагу в военкомат, подучитесь военному делу — и в строй...

— Вот житуха пошла! — воскликнул сидевший рядом. — Не только из колоний, а из тюрем ослобоняют!

— Всех, кроме политических.

— А их поездом, что ли, или машинами?

— Брехать, братцы, не хочу, но говорили... — голос с хрипотцой стал едва слышен, — мол, их на месте порешили. Команду вроде бы такую получили. И которым срока навесили, и подсудственных... Лес, мол, рубят, щепки летят. Разбираться нету возможности...

16.

Где-то в середине июля я отпросился у Шереметы на ночь домой. Квартиру, дескать, проведать, ну и заодно ополоснуться, бельишко переменить.

Багровое солнце давно уже уплыло за горизонт, медленно сгущались сумерки, когда я миновал Оперный театр. Невеселые размышления одолевали меня. Прошло всего лишь девятнадцать дней с начала войны, а гитлеровцы уже у реки Ирпень. И если долговременные, вроде бы непреодолимые укрепления на старой советско-польской границе не остановили их, то надолго ли задержит речка, которая далеко не на каждой карте обозначена?

Неужто фашисты будут в Киеве? Уму непостижимо!

Пустынно вокруг. Редкие прохожие торопливо

шагают мимо. Промчалась закамуфлированная легковушка, и опять тихо.

На перекрестке Владимирской улицы и бульвара Шевченко я остолбенел, не поверив своим глазам: противотанковые ежи, баррикада с бойницами для пушек и пулеметов! Выходит, идет подготовка к уличным боям. Боже мой, до чего мы дожили!

Впереди темнела громада Крытого рынка. Из громкоговорителя неслось:

Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой.

С фашистской силой темною,

С проклятою ордой...

Внезапно музыка оборвалась сообщением о воздушной тревоге. Заревели заводские гудки, протяжно завывли сирены. И тут же — надсадное характерное гудение вражеских самолетов: "везу-у-у, везу-у-у."

Гул нарастающий, грозный заполнил, казалось, все вокруг. По темному небу тревожно заметались, обшаривая его, голубовато-молочные столбы прожекторов. Они быстро нащупали армаду "юнкерсов". Сердито застучали зенитки.

Поутру, подходя к управлению, я с тревогой увидел кружившиеся в воздухе сажу, пепел, валяющиеся клочки сожженной бумаги. Пожар, что ли?

Оказывается, в кочегарке сжигали архивы. Не только в присутственных местах, а во многих городских учреждениях уничтожали документацию. В ту пору над киевскими крышами дни и ночи висел густой черный дым. Огромными стаями металась вороны и галки. Грустные мысли навевало это зрелище.

Доложив Шеремете о прибытии, я собрался было идти к себе, но он показал глазами на стул у приставного столика:

— Садитесь, разговор есть. И не стану кривить душой, довольно серьезный.

Я насторожился. Что случилось, какие еще новости?

— Федор Алексеевич, работник вы исполнительный, дисциплинированный, мыслящий. Но... — он замаялся, подыскивая слова, — но, как бы сказать, чтобы не обидеть вас...

"Эге, издалека подъезжает. Неужто наконец в армию передают?! Так это же замечательно! Сколько можно околачиваться, когда бои на окраинах Киева?! Мои сверстники кровь проливают, а я молодой, здоровый, бумажки нумерую да перекладываю..."

— Но... — медленно продолжал Шеремета, и лицо его посуровело. — излишне прямолинейный. Иные постулаты трактуете на свой манер, пытаетесь анализировать, вникать...

Я опешил, не ожидая подобной нахлобучки, и робко возразил:

— Разве это плохо?

— Нет, разумеется. Однако еще Козьма Прутков указывал, что раньше чем проявлять ум, узнай, не любит ли начальство дураков. И за одно неосторожное слово можно серьезно пострадать. Учтите, поступило указание выявлять и предавать суду воентрибунала паникеров.

— Игнат Петрович, у вас имеются основания подозревать меня в паникерстве или пораженческих настроениях?

— И в мыслях такого нет! Но буквально на днях вы сказали, что немецкая авиация господствует в воздухе и лупит нашу в хвост и в гриву, что лозунг — летать быстрее всех, дальше всех и выше всех — у нас остался лозунгом.

Я вспыхнул, собираясь возразить, но Шеремета остановил меня движением руки:

— При желании, Федор Алексеевич, подобные утверждения можно квалифицировать как восхваление вражеской техники и даже пораженчество...

Кровь прилила мне к лицу. К чему лукавить и отрицать очевидное?! Слепому видно, что гитлеровцы опередили нас и в авиации, и в танкостроении, поэтому столь быстро и продвинулись в глубь страны на сотни километров! Но вместе с тем, порядком обескураженный, я сознавал правоту Шереметы.

— Впредь постараюсь быть нем как рыба. Разрешите идти?

— Нет, еще не все. Руководство поручило мне возглавить опергруппу по борьбе с вражескими лазутчиками. Туда включены самые боевые, смелые работники управления. В том числе и вы. Нам выделен грузовик, провиант. Обычно парашютистов выбрасывают ночью или на рассвете, поэтому выедем заблаговременно, чтобы сориентироваться в обстановке. На месте установим контакт с истребительным батальоном. Так что готовьтесь.

— А мне готовиться нечего. Сапоги и плащ на мне, пистолет при мне. Хорошо бы парочку гранат...

— Оружейники предупреждены и выдадут все необходимое. Отправляемся ровно в четырнадцать ноль-ноль.

Стрелки часов показывали, что в моем распоряжении оставалось пятнадцать минут. Я застегнул свою выдавшую виды кожаную полевую сумку, постоянную спутницу в бесконечных командировках, увесистую, но зато вместительную. Рядом с вафельным полотенцем соседствовали бритвенный прибор с помазком, зеркальце и мыло, зубная щетка и масленка с оружейным маслом, иголка с ниткой, подворотнички и портянки...

Ну вроде бы пора на выход. Я уже поднялся со стула, когда в комнату вошел Шеремета:

— Вам, Федор Алексеевич, отбой. Ни одной машинистки не осталось в отделе, потому не приказываю — прошу, поскольку вы хорошо печатаете, готовить спецсообщения в инстанции. — Игнат Петрович обнял меня за плечи и, заглянув в глаза, добавил: — Война завтра не заканчивается, еще успеете отличиться...

На следующий день из Дымерского райотдела НКВД передали: "Опергруппа, возглавляемая лейтенантом госбезопасности Шереметой, ликвидировала девять вражеских десантников, переодетых в форму красноармейцев и работников милиции. Имеются потери и с нашей стороны. Сам лейтенант получил тяжелое ранение и скончался, не придя в сознание..."

"Еще успеете отличиться..."

Нет, во что бы то ни стало — на фронт! Хоть один танк подожгу, хоть одного врага уничтожу. Ведь это счастье — защищать свою Родину...

Евгений АРТЮХОВ

Евгений АРТЮХОВ окончил Саратовское военное училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Без малого тридцать лет служит во внутренних войсках. Полковник, начальник отдела литературы журнала "На боевом посту".

Он автор шести поэтических сборников, изданных в разные годы в Москве, член Союза писателей России. В нынешнем феврале Евгению Анатольевичу исполняется пятьдесят. В канун юбилея мы публикуем стихи из его новой книги "Всё как есть".

НА ДОРОГЕ СТОЛБОВОЙ

***

Не камень стоит
у меня на пути,
а время,
в которое не перейти.
Целуйте, горячие губы,
холодные медные трубы.

И слез твоих поздних
святая вода,
и жженье в груди
от любви и стыда...
Последнюю краткую попытку
нанижем на медную нитку.

Забудем и скрасим
назначенный срок!
На кухне
с грибами осенний пирог
и чай,
а Бог даст, поскорее
вернется тепло в батарее...

ФРОНТОВИК

Был подмосковный ранний час,
наполненный движеньем,
когда спешит людской поток
к фабричной проходной.
Лишь он на площади стоял
в цветочном окруженьи,

и Вечным пламенем горел
рассвет над головой.

Стоял, не пряча слез своих,
склонив седые пряди
к земле, в которую легла
солдатская родня.
Кому ж теперь расскажет он
о памятном параде,
о том, как Жуков рядом с ним
попридержал коня?

Светились в золоте имен
мальчишеские лица.
Кто он теперь им —
дед? отец? товарищ ветеран?
А на потертом пиджаке
такое, что не снится,
должно быть, маршалам иным
из сопредельных стран.

Хоть этим он не обделен,
хоть в этом не обижен,
пронесший на горбу своем
священную войну,
поскольку он к земле родной
всех оставался ближе,
поскольку самый главный был
ответчик за страну.

И как тревожно на ветру
звонят его медали!
Течет вокруг него народ,
не ведая того,

что с высоты своих седин
и боевых регалий
на нас, взыскав, он глядит,
как Жуков на него.

ЦЫГАНОЧКА БЕЗ ВЫХОДА

И ни радость, и ни кара,
просто близится гроза.
Пожалей меня, гитара,
отогрей ее глаза.

Слышишь,
просит сердце праздник,
и, наверно, не к добру.
Не иначе — бес-проказник
подбирается к ребру.

Струны звонки,
пальцы тонки,
перепутаны игрой.
Пляшут души, как пеленки,
на веревке бельевой —

сиро, стыло, неуклюже, —
ибо жили не во лжи.
Как тут петь?..
Ты хоть о муже
да о детях не тужи.

ЛИТЕРАТУРА

Ничего-то мне не светит.
И с какого бы рожна?
У меня ведь тоже дети
и законная жена.

Просто сердце
просит праздник
тот, который не к добру,
оттого, что бес-проказник
подбирается к ребру.

Струны звонки.
Пальцы тонки,
перепутаны игрой.
А вокруг — одни воронки
на дороге столбовой,

только отсветы пожара,
только близкая гроза...
Пожалей ее, гитара.
Не сожги души, слеза.

***

А. Страхову

Как живется тебе за границей
с чуждой речью,
чужою девицей?
Неужели не тянет назад?
Впрочем,
здесь, как и водится —
смута:
пол-России раздето-разуто,
между словом и делом —
разлад.

Но черства нам чужая коврига,
не насытят ни баба,
ни книга,
если в быт,
как по шляпку, забит.
Лучше дома
с разбитым корытом,
чем в раю,
но слезами умытым,
где и крест
не по-нашенски врыт.

ЛИСТОПАД

Летят, летят
и нету им конца.
как в бредень,
ловит старая ограда
цветистые воздушные тельца
листочков
поры густого листопада.

В такое время мешкать
недосуг:
единым днем год кормится
грядущий.

Но все сегодня валится из рук,
блажит, стенает,
просит доли лучшей.

Неужто память до того плоха,
что в ней свои оставили
отметки
лишь эти оголенные верха,
кривые и поломанные ветки?

Или в такое время не претит
на сердце гордом
подтянуть подпруги
и деревянных братьев
во плоти
понять,
а не высмеивать потуги?

А ну как я и сам со стороны
похож
в минуту горькую разлуки
на деревце невзрачной вышины,
беспомощно раскинувшее руки?

ПРЕДЗИМЬЕ

Когда предзимье в высоте
искрится крупкою стеклянной
и откликается в тебе
уже обветренною раной, —
тогда и остро, и легко
заходят в душу лес и поле.
А боль былая — глубоко.
Теперь лишь след
прошедшей боли.

Уже бескрылость не гнетет,
и воля высшего начала,
как в рукомоиник вросший лед,
не раздражает, как бывало.
И примелькался ранний мрак.
И только сердце под рукою
не проникается никак
высокой мудростью покоя.

***

Стынут в мраморе и бронзе
имена
показанной молодой
мужицкой силы
вдоль дороги,
где протопала война,
обелисков да крестов
нагородила.

А вокруг поля в цветах,
леса в листе,
жаворонки заливаются в лазури.
И не может уместиться в голове,
что шмели жужжат, как пули
в том июле,
что березка в поле —
лишь ориентир,
как обочь ее нахохленные ели.
Что весь этот
чуть очухавшийся мир
вновь бесстрастно
помещается в прицеле.

В ГОСПИТАЛЕ

День стоит за окном
белый,
словно в больничном халате.
Бьет ознобом кусты,
у порога поземка свилась.
Поднимаюсь с трудом
и на ощупь бреду по палате,
словно с миром большим
основательно связь порвалась.

Семь шагов в ширину,
семь в длину —
вот и вся квадратура.
Пять кроватей рядом, —
разбуди, повторю наизусть.
Колченогая грусть
полумяжкого тертого стула
и герани подвянувшей
желто-зеленая грусть.

Сколько судеб вокруг,
и у каждой отдельная драма.
И моя среди них,
и почти затерялась уже.
Но чего это ты
рукава опустила, пижамы,
что за горестный вздор
затаила в суконной душе?

Вот окно отворю,
и весна
— от фрамуги до двери —
растечется,
и дух тополиный
прольет по всему этажу.
Будет новая жизнь,
и я ей, как и прежней,
поверю!
А на память о том
для себя узелок завяжу.

Встреча для вас

АРКАДИЙ ВАЙНЕР:

«ЭРА МИЛОСЕРДИЯ НАСТУПИТ НЕ СКОРО»

Это было, пожалуй, одно из самых необычных интервью. Дома уже доставали шубы, а на пляже санатория-профилактория внутренних войск "Солнечный", при тридцатиградусной жаре, в экстравагантных "бермудах", размышлял о времени и о себе живой классик, автор популярнейших романов Аркадий Александрович ВАЙНЕР.

Неделя, проведенная с ним, оказалась до предела заполненной общением. В клубе прошла творческая встреча отдыхающих с писателем. На пляже, в столовой, на прогулках и во время традиционных вечерних посиделок народ активно общался с любимым автором. И когда пришло время писать материал, выяснилось, что ответов оказалось гораздо больше, чем заданных вопросов.

В контексте философских размышлений классика о времени и о творчестве традиционные реплики "Как вы относитесь?..", "Что вы думаете?.." и другие выглядят убого и ничемно. К тому же далеко не всегда можно искренне претендовать на их авторство. Словом, вам предлагаются ответы. И если вдруг окажется, что у читателей остались еще вопросы, то могу посоветовать лишь перечитать произведения братьев ВАЙНЕРОВ. Аркадий Александрович говорит, что там все написано.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Я был дежурным следователем, когда прозвучал вызов на Сретенку, где в квартире обнаружили труп старика. В стене убогого жилища наш эксперт нашел клад: деньги, валюту, драгоценности. И там же находился стеклянный пузырек из-под валокардина, в котором поместилось множество крохотных металлических дета-

лек. Потом мы узнали, что называются они аксами и служат основанием баланса часового механизма, а стоят дороже бриллиантов. Было их в том пузырьке около 10 000 штук. Встал вопрос: откуда у нищего старика в его облезлой комнате такое сокровище? Позже стало ясно, что убийцы шли по наводке, но, в отличие от нашего эксперта Кости Воронцова, не сумели найти клад.

В то же самое время наш с братом Жорой общий друг занял крупный пост в АПН. И в очередном споре на тему, кем быть лучше и труднее — журналистом или следователем, он нам подсказал идею: написать небольшой рассказ страниц на восемь. И пообещал заплатить хороший гонорар — 400 рублей. По тем временам это составляло два моих оклада. Мы согласились, написали. Прав-

да, не рассказ, а роман на 600 страниц, который и стал нашей первой книгой "Часы для мистера Келли".

А потом увидели свет другие произведения. В их числе — "Лекарство против страха", "Визит к Минотавру", "Гонки по вертикали", "Петля и камень в зеленой траве", "Эра милосердия", "Евангелие от палача" ...

Я много лет работал следователем, накопил огромный опыт, и поначалу казалось, что писать книги просто. Материал есть — садись и пиши. Трудности начались потом. Но о них может рассказать любой, кто хоть раз пытался выразить свои мысли на бумаге.

Нас постоянно спрашивают: как вы пишете вдвоем? Да очень просто. Сначала мы решаем, о чем будем писать. Потом составляем примерный план, разбиваем его на главы и определяемся, кто какую будет писать. Если про войну — значит, Жора, если про любовь, то я. А потом, когда каждый напишет те главы, которые выбрал, мы снова заглядываем в план и смотрим, что осталось. Чаще всего оказывается, что главы, которые изначально никто из нас не выбрал, просто не нужны.

На первых порах нередко случались неувязки. В конце моей главы герой бегом спускался по лестнице, а дальше у Жоры ковылял к остановке, опираясь на палку. Или надевал в квартире шапку, дубленку, а потом изнемогал в сквере от жары в легкой рубашке. Безусловно, это все мелочи, которые легко корректируются. Принципиальных же разногласий у нас никогда не было и, надеюсь, не будет. Мы одинаково оцениваем многие явления, благодаря общему воспитанию, наши позиции похожи, взгляды во многом совпадают. Семь лет разницы в возрасте сказывались только в детстве. А в остальном с братом

прошли одинаковый путь, мы близкие люди не только по крови, но и по духу. А потому нам легко писать вместе.

О ЛИТЕРАТУРЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

Сегодня книжные прилавки заполнены тем, что пользуется спросом. Ассортимент определяется не духовным стремлением, а конкретными экономическими рычагами. Чем круче детектив, чем больше ужасов, тем больше спрос. И если сегодня классика стоит дешевле мусора, то это тоже соизволение Господне. С этим нужно мириться.

Если изменился ритм жизни, сам строй ее, то и литература должна меняться. Другое дело, что произведения искусства не пишутся за месяц. Но романы Марининой, к примеру, вполне удовлетворяют незрелые потребности массового читателя. Когда они перестанут удовлетворять его, появится нечто другое.

В принципе вся мировая литература была создана в жанре детектива. Гамлет — это же классический детектив! Ведь дело-то не в жанре, а в мастерстве. И кто из нас писатель, а кто ремесленник, определит в конечном счете история.

Я никогда не имел учеников, не вел мастер-класс. Видимо, недостаточно честолюбив, не ощущал потребности оставить свою школу. И хотя многие берутся оспаривать мою точку зрения, по сей день уверен, что книга должна быть в первую очередь интересной.

Считаю, что когда автор уверяет, будто он пишет для себя — это элемент психической болезни. Писатель обязательно должен хотеть опубликовать книгу. История показывает, что человек, берущийся создать произведение

искусства, хотя бы на подсознательном уровне вступает в диалог с читателем, зрителем. И тогда это становится интересным.

Мы с братом пришли в искусство, не только не имея поддержки в литературных кругах, но даже не зная лично ни одного писателя. Оба были свободны от предрассудков, и, по-видимому, нам удалось сказать свое собственное слово, привнести самобытность. Это самое дорогое, когда можно различить твой голос в литературе.

То, что мы пишем, — не детективный жанр, а психологическая проза, базирующаяся на криминальной основе. Психологическая проза потому, что единственное интересное в литературе всегда — это человек, движение его души. На криминальной основе потому, что писатель должен хорошо знать то, о чем пишет. Мой брат Георгий — юрист, бывший корреспондент ТАСС по экономике и праву. Я тоже закончил юридический факультет МГУ, работал оперативником, следователем, старшим следователем по особо важным делам. А потом мы начали писать, это нам понравилось, и стали профессиональными литераторами.

Сегодня я знаю, что мы известны, что нас читают. Из этого научился извлекать определенные бытовые удобства. По крайней мере защищен от большинства тех проблем, с которыми приходится сегодня сталкиваться другим пенсионерам. И благодаря этому могу спокойно работать, писать то, что мне хочется, и не зависеть от конъюнктуры рынка и капризов издателей.

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

По нашим книгам снято достаточно много фильмов. Но, конечно, самый любимый — по роману "Эра милосердия".

КАЛЕЙДОСКОП

Нас часто спрашивают, как мы, трезво мыслящие люди, могли допустить такой ляпсус — пообещать наступление эры милосердия через двадцать лет? И почему-то никто не вспоминает, что разговор об этом идет в 1945 году. А роман написан в 1975-м, когда мы, и авторы и читатели, прекрасно знали, что зло не искоренилось и вряд ли когда-нибудь искоренится. Нам важно было показать наших героев — романтических идеалистов, которые не хотели понимать, что преступность зародилась еще в Эдемском саду, когда по предварительномуговору Евы со Змием была совершена первая кража. И с тех пор она только увеличивается в размерах на всем земном шаре. Кроме, может быть, Швеции, где так хорошо жить и так прекрасно работают органы, что на городской тюрьме поднимают флажок, когда в ней сидит хотя бы один преступник. Тогда для начальника тюрьмы наступает праздник.

Однако наши герои жили не в Швеции, а потому ни у Шарапова, ни у Жеглова проблем с наличием работы не возникало. Переквалифицироваться не пришлось.

Роман и фильм — это немного разные произведения искусства. Высоцкий наполнил образ Жеглова не только зрительным содержанием. Он по-своему сформировал характер персонажа. Конечно, все частности и детали Владимир обязательно согласовывал с нами, потому что был человеком очень порядочным и осознавал: образ — это собственность автора. Потому что сам был гениальным поэтом и понимал ценность каждого слова, каждой детали.

Когда мы писали книгу, то по нашим прикидкам Жеглов вполне мог быть прообразом Рюмина — палача, который спровоцировал "дело врачей". Образ этого человека подробно описан нами в

"Евангелии от палача", у которого цель всегда оправдывает средства. Рюмин — убийца. Но он нацелен действовать через десять лет. И нам казалось, что Жеглов вполне мог стать со временем Рюминым.

Но Высоцкий, создавая образ, не мог не внести в характер Жеглова своего видения. А поскольку сам он был человеком нежнейшей души и невероятной мягкости, то и Жеглов стал мягче, человечнее.

Вот, к примеру, гибель Левченко. У нас этот эпизод был написан гораздо жестче... Шарапов, который уже понял, что Левченко — жертва, кричит: "Не стреляй!" А Плеб с лукавой ухмылкой прицеливается и убивает. Хотя мог бы попасть, скажем, в ногу. Он же прекрасный стрелок, да и Левченко не успел еще далеко отбежать. После паузы Шарапов говорит: "Плеб, тебе нравится убивать". Жеглов ухмыляется. Тогда Шарапов говорит: "Я с тобой никогда больше не буду работать". "Как знаешь, Володя. Но ведь он — бандит..."

Когда подошло время снимать эту сцену, Высоцкий сказал: "Я не могу такое сыграть. Я люблю Жеглова. Я и есть Жеглов. А здесь он — убийца. И я должен сокрушить сам себя..."

Нам с Жорой стало не по себе. Ведь мы были уверены, что написали правильно, знали, что так и надо по высокому счету литературы. И дело здесь не в авторских амбициях, а в правде образа. Но мы поняли и Высоцкого. Потому что книга и фильм — разные произведения искусства. И тот Жеглов, которого сыграл Высоцкий, не был палачом. У него иная правда. И мы переделали сцену. Теперь Левченко достаточно далеко убежал и даже пытался забраться на стену. Поэтому меткий выстрел Плеба был оправданным.

Поначалу мы договаривались о

том, что фильм будет семисерийным и в каждом прозвучит новая песня Высоцкого. Кстати, семь серий и было снято. Это потом уже в ход пошли ножницы, и фильм стал пятисерийным. А снимали мы его на Одесской киностудии.

Как-то возле бассейна для морского боя я встретил Высоцкого. Он пригорюнился и говорит: "Мы договаривались о песнях. Здесь нет проблем, четыре я уже написал, осталось три. Но правильно ли, что в каждой серии звучат песни в моем исполнении? "Я удивился — почему нет? Все мы очень любим песни Высоцкого и считаем, что его творчество до сих пор по достоинству не оценено. Он просто гениальный поэт. И я был уверен, что его песни украсят фильм. Но Володя сказал мне: "Я стараюсь работать так, чтобы зритель поверил в Жеглова — командира, лихого оперативника. Надеюсь, что где-то к середине второй серии сумею всех убедить в его реальности. И вдруг ни с того ни с сего беру гитару, сажусь к пианино и пою. Мои песни немногие знают в народе. И как только на экране появится Высоцкий, Плеб Жеглов сразу исчезнет. Это нарушит стилистику фильма".

Я обожаю его песни. Но мы — профессионалы. Владимира поняли и не могли не согласиться с ним. Тогда все считали, что впереди еще будут совместные работы и новые песни. Кто бы мог подумать, что судьба Высоцкого оборвется так трагически. У нас даже совместных фотографий не осталось. Казалось, все еще успеется...

НЕМНОГО О СЕБЕ

Мы с братом выросли в нормальной советской семье. Батя был шофером, механиком. В анкетах о своем образовании он писал так: "Один класс". Слегка лукавил. Я не встречал человека му-

КАЛЕЙДОСКОП

О ЖЕНЩИНАХ И О ЛЮБВИ

днее. Все те заповеди, каноны, нормы нравственности, которыми мы дорожим по сей день, — от него.

Мама была учительницей. Она вслух читала наши романы отцу. И для нас главным было не то, что мы стали известны в 43 странах мира, а то, понравится ли та или иная книга ему. Не знаю, удалось ли мне стать таким авторитетом для своей дочери, но радуется, что она, несмотря на все свои успехи и безусловную талантливость, всегда приходит ко мне за советом и помощью.

Сейчас мне пришлось отложить роман, который мы с Жорой пишем уже три года, и заняться раскруткой общероссийского канала "Дарьял-ТВ". Концепция его нравственно-правовая. Мы готовим свои передачи, начиная с пропаганды права для детей и заканчивая "криминальной нотой" — передачей о звездах, которые так или иначе столкнулись с миром преступности. Предусмотрены и информационная программа "Гранки", и передачи о любви. Словом, стараемся, чтобы телеканал был интересен каждому.

Вообще-то, я человек увлекающийся. В молодости с головой ушел в работу следователя. Мне нравилась игра ума. И получалось довольно неплохо. Подтверждение тому — достаточно большое количество государственных наград за эту работу. Потом увлекся литературной деятельностью. И тоже довольно успешно. Теперь вот стал телепродюсером...

А еще я не люблю... работать. И считаю, что это нормально. Лев Толстой, например, "Войну и мир" переписывал несколько раз. И это доставляло ему радость. Я ленив и потому стараюсь сразу написать хорошо, чтобы потом можно было спокойно общаться с людьми, отдыхать.

Как-то "Комсомолка" обозвала меня самым некрасивым бабником. Честно говоря, обиделся. Впервые, я гораздо привлекательнее черта, а для мужчины этого достаточно. Во-вторых, считаю, что любить женщин — вообще нормально.

Самая большая роскошь — человеческое общение. Оно всегда углубляет и расширяет взаимно и познание, и понимание. Именно их-то как раз зачастую так не хватает людям. Думаю, что непонимание — главная причина всех неприятностей, начиная с личных и заканчивая общегосударственными.

К счастью, мужчины и женщины легче понимают друг друга. У них есть такая мощная соединительная вещь, как секс. А это не только движение тела, но и души. Я очень люблю общаться с женщинами. И никогда этого не скрывал.

Когда разговор заходит о любви, другие критерии и попытки объяснения человеческих чувств просто неуместны. Потому что любовь — это всегда безумие. У влюбленных рассудок пропадает навсегда. Какое уж тут понимание...

Я восхищаюсь нашими женщинами, особенно когда речь заходит об офицерских женах и о тех, кто носит погоны. Какой нужно обладать силой духа, жертвенностью, пониманием, чтобы вынести все невзгоды, тяготы и лишения?!

ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Когда мы писали "Евангелие от палача", то были уверены, что этот роман никогда не опубликуют. Но и не писать не могли. У каждого времени свои герои, у каждого возраста свои проблемы.

Вот уже три года мы пишем

большой роман. Этакую российскую "Сагу о Форсайтах". Историю одной семьи с 1913 года по сей день. Пытаемся исследовать расслоение общества в начале века и сегодня. Изучить причины конфликтов и противостояния, которые определяются как эпохой, так и характерами людей. Если коротко — это роман о жизни нашего общества. Конечно, весома и криминальная сторона. Один брат работает в правоохранительных органах, другой — современный бандит в дорогих очках и смокинге.

Поскольку задуман роман философский, рассчитывать на то, что напишем мы его быстро, не приходится. К тому же многое мешает. Я занимаюсь раскруткой канала, Жора живет в Америке, и у него тоже свои проблемы... Но потихоньку работа движется. И надеюсь, читателям будет интересно познакомиться с нашей новой книгой. Мы хотим поговорить о времени и о том, как оно изменяет не только характеры людей, но и их нравственные ориентиры, менталитет.

О ВРЕМЕНИ И ВЛАСТИ

Наше общество за короткий срок предельно криминализировалось. И причины этого ясны. Страна давно созрела для крупных социальных перемен. Когда они приходят снизу, то это длительный и тягостный процесс, который Россия уже однажды прошла. Революция сверху для общества проходит легче, однако потом начинает сказываться трудностями и проблемами. Именно это и произошло с нами за последнее десятилетие.

В силу тех могучих социально-психологических перемен, которые произошли в обществе, все аспекты социальной жизни приобрели сиюминутный характер.

Сегодня надо успеть хапнуть, вырвать, потому что неизвестно, удастся ли сделать это завтра. Злая шутка истории заключается в том, что во времена социальных перемен на поверхность вырываются самые стойкие. А это обычно криминал.

Преступники были всегда. Сегодня мы наблюдаем рост криминала в геометрической прогрессии. То, что во времена моей работы следователем рассматривалось как исключение, сегодня стало правилом, нормой. Впрочем, стоит ли удивляться?! Общество, которое много лет было предельно заторможено, вдруг получило неограниченную свободу. А это как спички в руках у ребенка.

Нерегулируемая свобода (а бессилие властей контролировать процессы, происходящие в обществе, доказывать не надо) легко перерастает в анархию, когда и правовые, и нравственные критерии и принципы рухнули. Когда индивиды, исповедующие нравственность, беззащитны, поскольку бесполезно ношу и автомату противопоставлять мораль. Когда свобода воспринимается не как возможность совершать поступки, которые не вредят другим, а как абсолютная вседозволенность.

Я не уверен, что все дело в недостатке правовой базы. Разорвать нравственный и правовой аспекты невозможно. Одно предполагает другое. Нравственность — это идеология. Какова мораль, таково и право. Причем право — это всего лишь зафиксированная норма нравственности, которая уже существует в головах и душах людей. А у нас в одночасье рухнули элементарные нормы человеческой морали, власть демонстрирует безразличие к нравственным аспектам существования индивидуума. И как результат всего этого — состояние общест-

ва, в котором жить сейчас крайне непросто.

Но, знаете, у меня есть четкая уверенность, что жизнь улучшится. Подобное уже неоднократно случалось. Что ни говорите, но общество все же развивается по спирали. И практикой доказано: правопорядок устанавливается тогда, когда наблюдается усиление власти, возрастает ее способность контролировать жизнь общества.

Конечно, эра милосердия наступит не скоро. Она приблизится тогда, когда подавляющее большинство общества проникнется ее идеями. И сегодня я вижу качественные подвижки к этому процессу. Молодежь думает, ищет, старается изменить не только мир, но и себя. Пусть их мысли мало совпадают с консерватизмом, но прогресс прослеживается. И это позволяет смотреть в завтра с оптимизмом. Может быть, эти изменения в провинции пока малозаметны, все-таки Москва — город огромный, и в нем тенденции проявляются ярче.

О ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ

Я сам был офицером, когда работал в милиции. А внутренние войска — составная часть МВД. Теперь они приобрели немного иные функции, их вооружение приблизилось к общеармейскому, за исключением, пожалуй, ракетных войск стратегического назначения. Но осталась прежней сама направленность их деятельности. Органы внутренних дел и внутренние войска — это способ самообороны общества от преступности, и с каждым годом их роль возрастает. Сегодня у нас человека не защищает никто, кроме войскового наряда, патрулирующего улицы, и участкового инспектора. А потому роль внутренних

войск на сегодняшнем этапе переоценить трудно.

Искренне восхищаюсь мужеством воинов внутренних войск и считаю, что сегодня в них служат только патриоты, горячо любящие Россию. Потому что иными причинами, кроме беззаветной любви к своей Отчизне, невозможно объяснить их верность долгу. Как в том старом анекдоте:

— Мари, ты с Жаном спишь по любви или за деньги?

— Наверное, по любви. Три франка за ночь — разве это деньги?

Незначительные материальные блага, которые военнослужащие получают за свой ратный труд, не деньги. А значит, служат они Родине по любви.

Искренне хочу пожелать, чтобы как можно скорее восторжествовала контрактная система прохождения службы. Уверен, что в возрасте 18-20 лет служба в армии — это не просто хороший урок, это — целая школа, помогающая воспитать качества, которые невозможно приобрести в обычной штатской жизни. И если бы не бесчисленные катаклизмы и горячие точки, то вопрос о контрактной системе, думаю, был бы вовсе не актуален. Однако что есть, то есть. И пока этот вопрос не решен, остается один выход — терпеливое нравственное воспитание молодежи.

Уверен, что лучшие времена непременно наступят. Только вот доживем ли мы до них? Тут уж как Бог даст, но я, вообще-то, большой жизнелюб и оптимист. А потому надеюсь и верю в лучшее...

Слушала и записывала
Евгения БУТОРИНА

Беседы жизнелюба

ЯБЛОКО РАЗДОРА

Молодой перспективный инженер неожиданно для руководителя конструкторского бюро подал заявление с просьбой освободить его от должности "по собственному желанию". Почему? Причина выяснилась гораздо позже, когда он признался:

— В комнате мы обычно трудились вдвоем. Однажды напарник с воодушевлением произнес: "У меня зародилась мысль..." Я не дал ему закончить фразу и тотчас парировал: "Да не может быть! Наверняка вы заблуждаетесь. Здесь что-то не так". Этого было достаточно, чтобы коллега вспыхнул: "Ах вот как!" Я попытался оправдаться, объяснить, ссылаясь на Пушкина, назвал том его сочинений, страницу... Ни в какую. С каждым днем положение усугублялось. Мы совсем перестали общаться. Разве можно было продолжать находиться рядом с человеком, абсолютно не обладающим чувством юмора?

Разошлись как в море корабли. Конфликт, какую бы форму он ни принимал (размолвки, ссоры, скандалы), весьма похож на минное поле, которое можно преодолеть, соблюдая определенные, проверенные опытом правила. Имеется в виду испытанная народом наука жить в согласии по многовековому принципу: "Худой мир лучше доброй ссоры". Это своеобразный спасительный щит. Особенно в наше время кризисов, исключительно острых проблем, всеобщего раздражения, переполнивших атмосферу повседневного бытия.

Яблоко раздора разыгрывают политики, соревнующиеся между собой в мрачных предсказаниях российского будущего. Средства массовой информации то и дело впадают в истерику, порождая у слушателей, читателей и зрителей мас-

совые психозы. Как же уберечься от всего этого? Как сохранить выдержку, спокойное расположение духа, хорошее настроение, верную линию поведения по отношению к окружающим?

Попробуем вместе проникнуть в механизм возникновения конфликта. При всем многообразии огорчительных ситуаций можно извлечь и обобщить наиболее характерные мотивы-причины. Как правило, напряжение обиденных отношений между людьми приводит к взрыву эмоций при невозможности или нежелании сторон выполнить конкретную просьбу, требование, приказ. Масла в пламень ссоры могут подлить и скептическая оценка способностей, и язвительное подшучивание, задевающее самолюбие человека.

Коварную роль в межличностных взаимоотношениях играет настойчивое использование одних и тех же доводов, излагаемых в резких тонах. Для схватившихся в поединке совершенно очевидно, что к соглашению они не придут. Поздно! "Предохранители" перегорели. В глазах "искрит". Оппоненты, забыв о приличии, "тузят" словами друг друга.

Остановитесь, любезные! Не уподобляйтесь Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу — известным персонажам повести Н. В. Гоголя. Гуманный и рациональный выход в подобных ситуациях — молчание. Постарайтесь сделать так, чтобы во время короткой паузы в скандале вам поступил внутренний приказ: "Ни слова больше!" Не вздумайте требовать от оппонента: "Замолчи!" или "Прекрати!" Потребуйте этого от себя в первую очередь. Такой охлаждающий прием дает возможность остыть, успокоиться, обдумать следующий, еще более выверенный шаг.

Необходимо отметить, что молчание ни в коем случае не должно быть обидным для противоположной стороны. Ведь если оно сопровождается злорадством, издевкой или вызовом, то уподобляется красной тряпке для разъяренного быка.

Еще один совет. Пожалуйста, избегайте подчеркивания отрицательного эмоционального настроения партнера. Не говорите ему хлестких фраз типа: "Ну вот, завелся!", "Чего элишься?!" и т. д.

В подобных ситуациях вам поможет сдержанное размышление вслух: "Я вижу, мы оба погорячились, но это никуда нас не приведет. Согласимся с тем, что случилось неладное, не будем друг друга травмировать. Сейчас мы рассержены, но когда успокоимся, будет над чем поразмышлять, чтобы избежать подобных коллизий в будущем".

Радикальным средством против раздора служит личный пример авторитетных людей, руководителей, которые воплощают в себе лучшие моральные качества: высокий профессионализм, порядочность, чуткость, вежливость, общительность и др. Они как бы излучают энергию доброты, возвышают окружающих над темными побуждениями.

Близость к людям, достоверное знание их настроений возвышают руководителя в глазах подчиненных. Он, словно дирижер, ведет общую мелодию, побуждает их жить и работать в согласии.

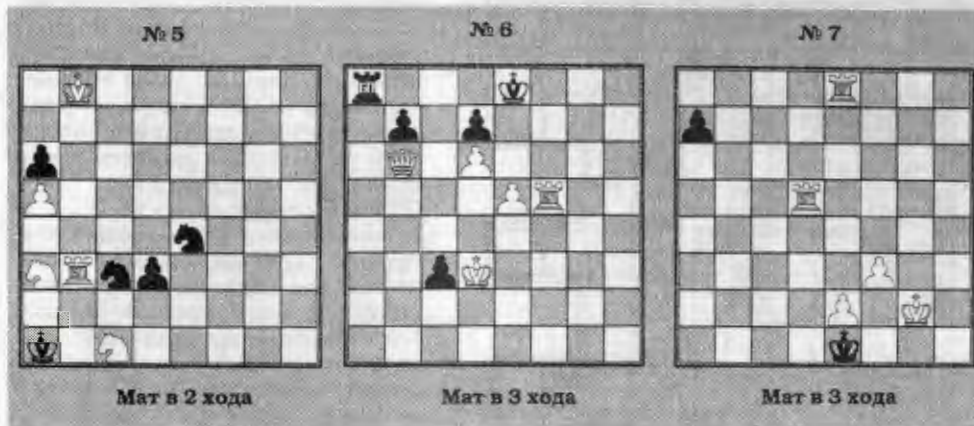
Выйти из конфликта, погасить пожар — трудное искусство. Предупредить "возгорание" — нравственная победа, доступная только тем, кто способен одолеть себя, принести жертву ради общего благоденствия.

Алексей ИВАНОВ

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Публикуется впервые

Мат в 2 хода

Мат в 3 хода

Мат в 3 хода

В двухходовке № 5 на все ходы черных готовы матующие ответы: **1...Кс2-2.Лb1X, 1...Ке- 2.С:c3X, 1...d2 2.Кс2X**. Белые обязаны сохранить эти ответы. Но как? 1.Лb4? Ке- и нет 2.С:c3X, 1.Лb6/b7? Кb5! и нет 2.Лb1X, 1.Сb4? a5!, 1.Крс8/b7? Кd6+!, 1.Кра7/c7? Кb5+! Решает только **1.Кра8!** В этом необычном ходе художественное содержание!

Трехходовка № 6 не решается ходами 1.Фb3? или 1.Фg2? из-за рокировки — 1...0-0-0! Поэтому белые не должны допускать рокировки после первого хода. Правильно **1.Лg5!** с угрозой **2.Лg8+ Крf7 2.Фb3X!** Рокировка для черных невозможна, поле d8 под ударом белого ферзя. **1...Ла5(a4)a3 2.Фd8+! Кр:d8 3.Лg8X!** — правильный мат. **1...Лс8 2.Фf2! и 3.Лg8X!, 1...Крf7 2.Фb3+!** Жертва ферзя формирует содержание задачи.

Решение № 7 легкое: 1.Лd8!, цугцванг: **1...a6 2.Ла5! Кр:e2 3.Ле5X!, 1...a5 2.Ла5 Кр:e2 3.Ле5X!** Задача имеет близнеца: при перестановке ладьи e8 на

e3 иной мат в 3 хода, найдите его.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить.

№8. Крс7, Сg6, Ch4, m. c3, e4 (5) — Крс5, Сf2, Ке7, п. e6 (4), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения.

№9. Крс8, Лf1, Ch1, Ch2(4) — Кра8, Лf3, Сf6, Сg2, m. b4, F2, g4 (7), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

Вниманию читателя предлагаем некоторые исторические даты в развитии шахмат, их роли в общественной жизни.

Около 500. В Индии появилась первая разновидность шахмат — чатуранга. **Около 550.** Первое упоминание чатуранги, но уже под именем шатранджа.

Около 820. Шахматы появились в России.

1066. Шахматы появились в Британии.

1471. Первая рукописная работа, посвященная шахматам — Геттингенская рукопись.

1512. Первая шахматная книга в Италии, изданная Домиано.

1550. Первый шахматный клуб, открыт в Италии.

1561. Издан первый учебник шахмат, в котором рассмотрены дебют, миттельшпиль и эндшпиль. Автор Руи Лопес (Испания).

1575. Первый шахматный турнир, прошедший при королевском дворе в Мадриде.

1744. Первый сеанс вслепую против двух игроков, проведенный Филидором в Париже.

1791. Первая шахматная книга, изданная в России.

1836. Первый шахматный журнал, начавший выходить в Париже.

1851. Первый международный турнир (состоялся в Лондоне).

1876. Впервые вручен приз за красоту игры (Г.Берду за разгром Дж.Мэзона).

1880. Правило взятия на проходе признано во всех странах.

1881. Первый международный матч по телеграфу между Ливерпулем и Калькуттой.

1886. Первый официальный матч на звание чемпи-

она мира по шахматам (Стейниц — Цукерторг).

1888. Первый международный турнир по переписке.

1896. Первый матч по трансатлантическому кабелю между Лондоном и Нью-Йорком.

1905. Впервые использовано звание "гроссмейстер" (на турнире в Остенде).

1920. Первый официальный чемпионат в России (чемпионом стал А.Алехин).

1924. Создание Международной шахматной федерации (ФИДЕ) в Париже. Первым президентом избран А.Рюэб (Нидерланды).

1927. Первая всемирная шахматная олимпиада (состоялась в Лондоне).

1927. Вера Менчик стала первой чемпионкой мира среди женщин.

1936. Первый официальный чемпионат США (выиграл С.Решевский).

1945. Радиоматч СССР — США (победил СССР).

1947. СССР вступил в ФИДЕ.

1950. Официально утверждено звание гроссмейстера и международного мастера.

1956. Первый чемпионат мира среди глухонемых (состоялся в Польше).

1970. Первый матч СССР — остальной мир.

1976. Утвержден титул гроссмейстера среди женщин (его удостоены 12 шахматисток).

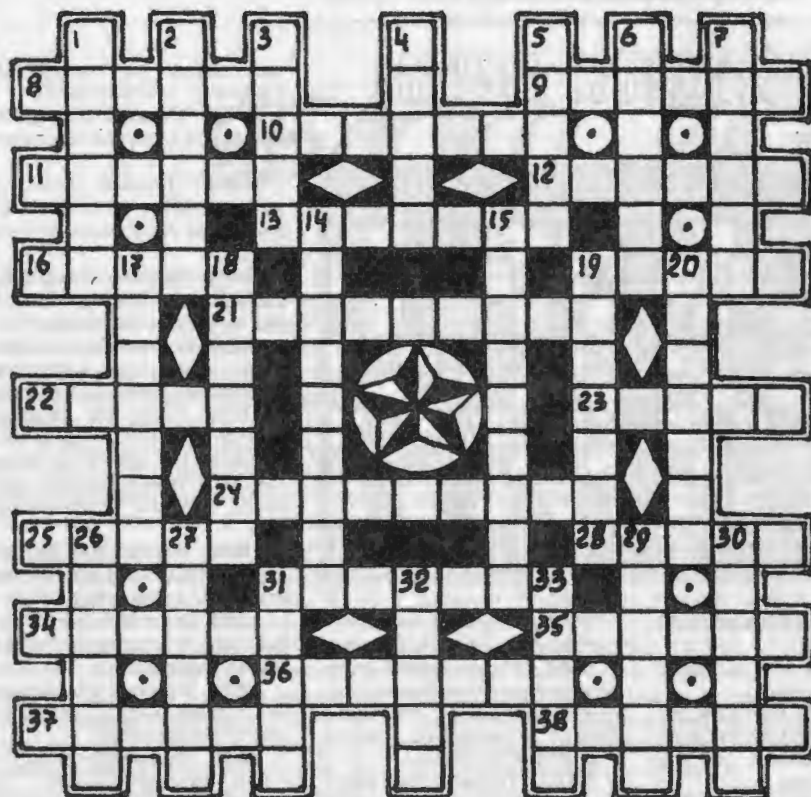
1978. СССР выиграл наибольшее число командных соревнований подряд, в том числе все шахматные олимпиады с 1952 по 1978 год.

1985. Сборная СССР выиграла первый командный чемпионат мира.

1995. Впервые президентом ФИДЕ стал россиянин — К.Илюмжинов.

1998. Первый чемпионат мира ФИДЕ по нокаут-системе выиграл А.Карпов.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

8. Старинное холодное оружие ударного действия. 9. Роман Г. Коновалова о работе грузеников тыла в годы войны. 10. Человек, преданный своими делами интересам Родины. 11. Шинель в походном положении (снаряжении). 12. Старшина первой статьи, повторивший в годы войны подвиг Александра Матросова, Герой Советского Союза. 13. Экстренное и краткое собрание. 16. Один из самых

распространенных в земной коре минералов, используемый для нужд военной техники. 19. Движение назад артиллерийского орудия при выстреле. 21. Военнослужащий, ведающий вопросами снабжения войск продовольствием, хозяйственным имуществом. 22. Стихотворение грузинского поэта Г. Абашидзе, написанное в годы войны. 23. Рубящее и колющее холодное оружие. 24. Боевой отчетно-информационный доку-

мент для сообщения необходимых донесений командиру. 25. Малый боевой корабль для специальных и вспомогательных целей. 28. Приспособление для облегчения и механизации заряжания артиллерийского орудия. 31. Специально отведенный и оборудованный участок суши или моря для испытаний военной техники. 34. Песня военных лет композитора А. Новикова на стихи Л. Ошанина. 35. Происшествие с повреждением или разрушением военной техники, но без гибели людей. 36. Лetchик-истребитель, трижды Герой Советского Союза. 37. Город в Словакии, который был первым освобожден советскими войсками в январе 1945 г. 38. Русская поэтесса, автор поэмы "Зоя".

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Военачальник, командующий 62-й армией, отстоявшей в 1942 г. Сталинград. 2. Военный специалист высокой профессии. 3. Средство для возбуждения взрыва заряда некоторых видов боеприпасов. 4. Греческий остров, где в 1799 г. эскадра Ф. Ушакова вынудила французов сдать морскую крепость. 5. Решающее столкновение главных сил воюющих сторон. 6. Небольшой кинжал с тонким трехгранным клинком. 7. Карельский писатель, автор тетралогии "Водораздел". 14. Известный поэт, автор стихотворения "Фронтовик". 15. Военный летчик, участник боев на Халхин-Голе и в период Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза. 17. Метательное оружие в виде стального лука. 18. Деталь двигателя внутреннего сгорания. 19. Проверка основных характеристик огнестрельного оружия и боеприпасов путем стрельбы. 20. Учащийся военного учебного заведения. 26. Русский кораблестроитель, автор первого в России винтового фрегата "Архимед". 27. Персонаж повести Ю. Бондарева "Батальоны просят огня". 29. Русский поэт, автор стихов песен "Я вернусь к тебе, Россия", "Родина моя" и др. 30. Лицо командного состава в армии. 31. Один из элементов сторожевого охранения. 32. Высшая цель деятельности. 33. Сигнал тревоги для сбора людей или оповещения о бедствии, опасности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Насест. 4. Опенок. 11. Держава. 12. Риск. 13. Акын. 14. Подкладка. 16. Стадо. 18. Брань. 20. Право. 23. Ехидна. 24. Тундра. 25. Решка. 26. Смирна. 27. Ремень. 29. Дудка. 33. "Кодак". 34. Номер. 35. Автоспорт. 38. Ржев. 40. Штаб. 41. Никулин. 42. Дункан. 43. Склока.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Сыск. 3. Седло. 5. Планк. 6. Нота. 7. "Бирюса". 8. Брокер. 9. Катаев. 10. Рантье. 14. Поддержка. 15. Абонемент. 17. Архимед. 19. Агротом. 20. Парад. 21. Аспид. 22. Отара. 28. Огурок. 30. Удочки. 31. Купель. 32. Габля. 36. Ванна. 37. Рынок. 39. Брун. 40. Шило.

Составил
Евгений КУЛИКОВ

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс "Осенний сон"
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не утрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора.
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем.

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край,
Сыграй друтую, гармонист,
Походную сыграй!

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного русского поэта Михаила Васильевича ИСАКОВСКОГО (1900-1973). Пожалуй, нет в России дома, где бы не знали его стихов, многие из которых стали песнями, и песнями поистине народными: "Катюша", "Дан приказ: ему — на запад...", "И кто его знает...", "Дайте в руки мне гармонию", "У крыльца высокого...", "До свиданья, города и хаты...", "Ой, туманы мои, растуманы...", "На позиции девушка провожала бойца...", "Где ж вы, где ж вы, очи карие...", "Лучше негу того цвету...", "Враги сожгли родную хату...", "Услышь меня, хорошая...", "Снова замерло все до рассвета...", "По росистой луговой...", "Мне хорошо, колосья раздвигая...", "Мы с тобою не дружили...", "Летят перелетные птицы...", "Каким ты был, таким остался...", "Ой, цветет калина..."

Перечислить можно и дальше. Но, думается, и этого вполне достаточно, чтобы новым поколениям россиян поклониться в пояс светлой памяти М.В. Исаковского.

СЛУЖБА ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МВД РОССИИ — ДЕЛО НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН!

**По вопросам поступления на службу по контракту обращайтесь
в военные комиссариаты по месту жительства
или в ближайшие воинские части внутренних войск МВД России.**